

О.Е. Плиско

**Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.**

Москва

2016

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

*Книга посвящается
Степану Александровичу и
Геorgию Степановичу Плиско*

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

«Каждый человек всегда чей-нибудь ребенок»

Пьер Огюстен Каррон де Бомарше

Оглавление

Предисловие	- 5 -
Введение в проблему	- 10 -
Раздел 1. Особенности времени и пространства.....	- 22 -
Глава 1. «Детский» вопрос в разрезе эпохи	- 22 -
Глава 2. Городская среда как социо-культурный феномен	- 36 -
Глава 3. Демография детства	- 46 -
Раздел 2. Купецкий сын и мещанская дочь	- 50 -
Глава 1. Особенности городской семьи.....	- 50 -
Глава 2. Сироты в купеческих и мещанских семьях	- 58 -
Раздел 3. «Разночинная» компания	- 84 -
Глава 1. Дети дворян и чиновников в городском пространстве	- 84 -
Глава 2. Солдатские дети: чужой среди своих.....	- 99 -
Глава 3. Городская школа	- 111 -
Раздел 4. Незаконнорожденные.....	- 123 -
Глава 1. Внебрачные дети в русском городе.....	- 123 -
Глава 2. «Детские дома» эпохи Просвещения	- 130 -
Заключение	- 140 -
ПРИЛОЖЕНИЕ	- 144 -

Предисловие

Вторая половина XVIII в. для России и Европы стала временем, когда стало принципиально меняться отношение общества к детям и воспитанию. Деятели эпохи Просвещения, в особенности Ж.-Ж. Руссо положили начало новым методам воспитания и образования граждан. Многие из них актуальны до сих пор, или лежат в основе современных методик преподавания. Как этот перелом в педагогических взглядах отразился на самих детях, - вот вопрос, на который мы попытаемся ответить в этой книге.

Специалистам-историкам, как и педагогам-практикам будет полезно ознакомиться с ретроспективой отношений к детям различных социальных слоев в контексте городской культуры.

Книга будет интересна и подрастающему поколению. Она полезна для совместного семейного чтения и обсуждения. Многие проблемы, освещенные в книге не утратили своей актуальности и по сей день. Читатель получит представление об особенностях взаимоотношений детей и родителей в последней четверти XVIII - первой половине XIX в., семейных ценностях и подходах к воспитанию ребенка.

Таким образом, книга представляет интерес для широкого круга читателей, что должно способствовать популяризации затрагиваемой темы и пробуждению к ней дополнительного интереса.

В работе использован персонифицированный подход к изложению материала. Мы рассмотрим не абстрактных детей, живших на рубеже XVIII - XIX веков, а судьбы типичных детей, которые росли и в купеческой и в мещанской семьях, содержались в богадельне, учились в школе или отправлялись работать на Александровскую мануфактуру. Некоторые из них попадали к людям в качестве малолетних работников, учились рукоделию или еще в раннем возрасте освоили грамоту и устроились копиистом в городскую администрацию. Структура книги

выстроена исходя из возможных траекторий жизни ребенка в обычном городе европейской части России. Речь идет не о вымысле, подобно художественной литературе, а о подробной реконструкции истории жизни каждого ребенка с опорой на документальный материал: делопроизводственные источники городских учреждений, периодическую печать и законодательные акты.

Научно-популярная книга «Ребенок в российском городе: последняя четверть XVIII - первая половина XIX в.» призвана в доступной форме ознакомить читателей с различными, но вне всякого сомнения, любопытными судьбами детей на городском пространстве того времени.

В качестве примера мы возьмем некоторые города европейской части России, и в частности, старинный губернский город Тверь, а также уездные города Тверской губернии, в частности, Вышний Волочек, Бежецк, Осташков, Кашин, Калязин и иные. Выбор строго очерченных географических рамок предлагаемой для издания книги обусловлен тем, что в ней будет использован материал, собранный в ходе подготовки кандидатской диссертации «Сиротские суды тверской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.». Кроме того, в книге используется методика французской Школы Анналов. Суть данного подхода заключается в том, что упор в изучении делается на изучении не умозрительных исторических процессов, а вроде бы хаотичного потока жизни отдельных людей в определенный хронологический промежуток на определенном пространстве. В итоге этот хаос на самом деле таковым и не являлся. Выявляется своя упорядоченность, правила и нормы. Одним из самых ярких проявления методики школы Анналов, на наш взгляд, является работа А.Б. Каменского («Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века». М.: РГГУ, 2007).

Для более детальной иллюстрации научной базы книги скажем несколько слов о круге исторических источников. К этим материалам относятся законодательные акты, регулирующие правовое и имущественное положение детей (собраны в ПСЗ-1, ПСЗ-2 и Сводах законов Российской империи). Источники личного происхождения (дневники и мемуары) позволяют понять отношение различных сословий и сословных групп населения к детям и детству, выявить традиционные занятия ребенка, получить представления об его играх и игрушках. Метрические книги же представят обширный демографический материал о детстве (уровень рождаемости и смертности в различных категориях населения). Делопроизводственные документы органов городского самоуправления позволят представить сведения о городских школах, сиротских и воспитательных домах, беспризорных и незаконнорожденных (подкидышах), солдатских детях и др. Произведения русской художественной литературы последней четверти XVIII- первой половины XIX в. также могут быть использованы в нашей будущей книге; отдельные персонажи, события и канва этих сочинений наглядно проиллюстрируют наш текст и придадут ему доступную и интересную форму.

Несколько слов о структуре книги. Первая глава погрузит читателя в исторический контекст рассматриваемой дореформенной эпохи со всеми ее прелестями и противоречиями. Последняя четверть XVIII – первая половина XIX в. – это время господства идей Просвещения, – столь неоднозначных и противоречивых, которые, начиная с Екатерины II все глубже проникали и внедрялись правящими верхами в российскую действительность. Это, вне всякого сомнения, и время, которое подготовило Великие реформы императора Александра II. С другой стороны, дореформенная эпоха – это период расцвета сословного общества. Каждый русский с малолетства усваивал свое место в

социальной структуре, и в соответствие с этим восприятием выстраивал взаимодействие с представителями других сословий и социальных групп.

В этой же главе мы представим отдельную характеристику городскому пространству. Расскажем, что при императрице Екатерине II русские города начинают формироваться как отдельные и где-то самостоятельные юридические лица. Проясним особенности устройства городского или общественного управления. Выявим отличия от деревни. Покажем, что город представлял собою пространство, где пересекались и взаимодействовали представители различных сословий и социальных групп. Отметим, что русские города в то время имели различный административный статус, и проанализируем как это отражалось на социальном составе населения.

Вторую главу мы посвятим рассказу о жизни ребенка в семье горожанина. Поскольку основную часть городского населения в то время составляли купцы и мещане, объединенные с 1785 в. в единое городское сословие это отложило свой особый отпечаток на быт и нравы людей. С получения соответствующего статуса горожанином начинается продолжительный процесс консолидации. При этом, и купеческие, и мещанские дети получали примерно одинаковое воспитание и образование. Чтобы раскрыть особенности быта, нравов и различий, мы ответим на ряд ключевых вопросов: каковы были основные занятия ребенка в купеческой и мещанской семье? Как эти дети проводили свой досуг? Какие ценностные и моральные ориентиры главенствовали в их семьях и окружении?

Третью главу мы посветим рассмотрению жизни и основных занятий детей, которые проживали в городе но не относились к городскому сословию. Возникает вопрос: «Кто эти люди?». Это могли быть как дети благородной дворянской семьи, так и дети крестьян; кто-то сбежал от помещика или оказался в городе в результате какой-то

жизненной ситуации. Отдельную категорию, и так сказать, «героев» нашей книги, составляют солдатские дети (не приписанные ни к одному из сословий). Мы расскажем о том, как эти дети вписывались в городское пространство, казалось бы, уже полностью занятое купцами и мещанами. Особый интерес при прочтении третьей главы может представлять найденный нами ответ на вопрос - повлияла ли такая разночинная компания на подготовку Великих реформ, основной идее которых было стирание различий и границ между сословиями?

Последнюю, четвертую главу мы посвятили девиантному поведению ребенка, различным отклонениям в его поведении, что явилось одной из причин детской преступности. Для раскрытия истоков данной проблемы подробно рассмотрена сложная социальная среда и формирующие ее субъекты. Мы очень подробно рассмотрим такое явление как незаконнорожденные («подкидыши»). Несмотря на различное происхождение в большинстве случаев они содержались в воспитательных или сиротских домах, а по достижении совершеннолетия выпускались «в жизнь», а в реальности - «в город».

Введение в проблему

Современное российское общество всерьез столкнулось с демографической проблемой, которая включает в себя воспроизводство населения, защиту детства, сиротства и т.д. Семейный кодекс РФ включает в себя значительное число статей, посвященных детству. Функции по защите детства распределены между несколькими ведомствами, в числе которых здравоохранение, социальная защита, образование и др. Оценка эффективности государственной политики в отношении детства в современной России требует учета исторического опыта этой сферы государственной деятельности, что обосновывает необходимость ретроспективного анализа государственной политики в отношении детей и детства.

Детство является важным социальным феноменом, в котором отражаются многие актуальные проблемы современного общества. Детство является своеобразной лакмусовой бумажкой социума. Отношение к детству в разные периоды истории было неодинаковым. Коренной перелом в отношении к детям, ценности их жизни, во взглядах на воспитание, обучение и образование, а также в формировании отдельного, самостоятельного детского пространства произошел в Новое время. Изменение отношения к детям и детству было неразрывно связано с новыми процессами и явлениями, происходившими и появившимися в обществе в целом, в том числе с ломкой традиционного сознания, разрывом патриархальных связей и отношений в обществе и государстве, появлением и развитием гуманистических взглядов и ценностей, особенностями социально-экономических отношений. В результате детство стало не только жизненным этапом, временем, которое переживает и перерастает каждый взрослый индивид, но и отдельным пространством как в рамках семьи, так и общества в целом. В настоящее время это

пространство, включающее в себя детские дома, сады, школы, больницы, поликлиники, игровые площадки во дворах и магазинах, детские театры, кружки, библиотеки, выставки продолжает развиваться и расширяться. Изучение детства сейчас входит в предметную область различных гуманитарных наук, таких как социология, педагогика, психология. Но до настоящего момента детство дореформенного периода не становилось самостоятельным объектом исследования в отечественной исторической науке. Актуальность поставленной проблемы связана также с развитием такого научного направления как социальная история, предметом изучения которой становятся различные социальные и половозрастные категории населения.

Открытие проблемы детства в исторических исследованиях принадлежит представителю французской школы "Анналов" Ф. Арьесу (Ariès P. *L' enfant et la vie familiale sous l'ancien régime*. Paris, 1960, 1973), работы которого дали импульс для изучения эволюции представлений о детстве и образов детства в различные исторические периоды. Концепция Арьеса сводилась к отсутствию в средневековой Европе понятия детства.

Philippe Ariès Филипп Арьес
(21.07.1914-08.02.1984)

Эта идея была поддержана Э. Шортером (Shorter E. *The Making of the Modern Family*. N.Y., 1975), канадским специалистом по истории психиатрии. Другим авторитетным теоретиком детства стал американский психоисторик Л. де Моз (de Mause L. *The History of Childhood*. L. 1976), автор концепции о сменяющих друг друга в западноевропейской средневековой истории стилях родительского

отношения к детям. Однако доводы об отсутствии до начала Нового времени понятия детства были оспорены рядом американских ученых Р. Билз, Д.Б. Смитом, Л. Полок (Beales R.W. In Search of the Historical Child: Miniature Adulthood and Youth in Colonial New England // American Quarterly. № 27. 1963; Smith D.B. Inside the Great House: Planter Family Life in Eighteenth-Century Chesapeake Society. Charlottesville, 1980; Pollock L. Forgotten Children: Parent-Child Relations from 1590 to 1900. Cambridge, 1983). В своих работах они, наоборот, отмечают привязанность родителей к детям и заботу о них.

Постановка проблемы детства в исторической науке привлекла внимание специалистов разных областей гуманитарных знаний. Интерес антропологии к детству, методам воспитания у разных народов сформировался под влиянием идей Ф. Боаса, М. Мид (Мид М. Культура и мир детства: Избр. произв. / Сост. И.С. Кон. М., 1990), установивших тесную связь между культурными традициями и содержанием детства. Ценным вкладом в историю детства стал коллективный труд «Детство. Юность. Семья» (Kindheit. Jugend. Familie. T. I-II. Freiburg-München, 1985-1986), подготовленный Институтом исторической антропологии Фрайбургского университета при участии антропологов разных стран, которые пришли к выводам, что при всех исторических и межкультурных различиях отношение к детям и некоторые методы воспитания имеют транскультурное значение. Представители исторической демографии - П. Ласлетт, Л. Беркнер (Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979; Berkner L.K. The Use and Misuse of Census Data for the Historical Analysis of Family Structure // Journal of Interdisciplinary History. Spring. 1975. Vol. 4), рассматривали детство в контексте эволюции структуры семьи, домохозяйства с учетом социально-экономических условий. Этнографы (П. Опи, Л. Виртанен, К. Калверт) сконцентрировали внимание на

изучении материальной культуры детей, детского фольклора, игр (Opie I., Opie P. *Children's Games in Street and Playground*. Oxf., 1969; Virtanen L. *Children's Lore* // *Studia Fennica*. Helsinki, 1978; Calvert K. *Children in the House. The Material Culture of Early Childhood, 1600-1900*. Boston, 1992).

В конце XX в. в изучении детства в рамках исторической науки выделились историко-социологический и психологический подходы, позволяющие рассмотреть детство как продукт социализации, а также как автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру (Е. Квортруп, Bronfenbrenner U. *The Ecology of Human Development. Experiments by Nature and Design*. Cambridge, 1979).

В России феномен детства долгое время являлся предметом изучения психологии и педагогической мысли. Несмотря на богатый опыт, накопленный советскими учеными в области исторической демографии, детство самостоятельным объектом демографической науки так и не стало. Лишь в 90-е гг. XX в. изучение данной проблемы приобретает междисциплинарный характер исследования. Пристальное внимание к материальному миру детства, детской фольклористике уделялось отечественными этнографами (Байбурин А.К. *Обрядовые формы половой идентификации детей* // *Этнические стереотипы мужского и женского поведения* / Отв. ред.: А.К. Байбурин, И.С. Кон. СПб., 1991; Кон И.С. *Мир детства и традиционная культура*. Вып. 2. М., 1996; *Этнография детства: Сб. фольклорных и этнографических материалов* / Запись, сост., аннот. Г.М. Науменко. М., 1998 и др.).

Огромный вклад в изучение проблемы детства внес гендерный подход, сделавший предметом исследования взаимоотношения матери и ребенка, материнскую педагогику, особенности материнства в разных социальных средах и у разных народов. В этом направлении значительное место занимают работы Н.Л. Пушкаревой, посвященные в большинстве своем древнерусскому периоду (Пушкарева Н.Л. *Мать и дитя в Древней*

Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X-XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6; Она же. Мать и материнство на Руси (X-XVII вв.) // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996).

Однако несмотря на накопленный опыт в изучении «мира детства», в отношении истории детства XVIII-XIX вв. найдется немного специальных исследований.

Наибольшее развитие в отечественной науке изучение детства получило с точки зрения социокультурного подхода. Система образования и воспитания детей привилегированных сословий отражена в работах Ю.М. Лотмана, Н.Я. Яковкиной, А.В. Беловой (Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX в.). СПб., 1994; Яковкина Н.И. Русское дворянство первой половины XIX в. СПб., 2002; Белова А.В. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10). Объектом исследования в этих работах являлась среда российского дворянства. Немногочисленные работы посвящены изучению чувственного мира детей (Безрогов В.Г. Мир религиозных чувств ребенка в мемуарах XVIII в. // Феномен повседневности: гуманитарные исследования. Философия. Культурология. История. Филология. Искусствоведение: Мат-лы междунар. науч. конф. «Пушкинские чтения – 2005 (Санкт-Петербург, 6-7 июня 2005 г. / Ред.-сост. И.А. Манкевич. СПб., 2005). Дискретно получил освещение вопрос правового положения ребенка в семье и обществе (Кошелева О.Е. Дети как наследники в русском праве с древнейших времен до петровского времени // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999; Нечаева А.М. Охрана детей-сирот в России: история и современность. М., 2004.).

Фрагментарно проблема детства нашла свое отражение в работах региональных исследователей. Влияние девиаций на характер воспитания

детей рассмотрено Н.В. Занегиной (Занегина Н.В. Очерки нравов тверского дворянства второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: взаимоотношения родителей и взрослых детей. Тверь, 2003). Сиротство как социальное явление российской жизни второй половины XIX - начала XX вв., механизмы его формирования, социальные проявления и последствия на примере Тверской губернии изучено в диссертационной работе А.В. Петровой (Петрова А.В. Сиротство как социальное явление во второй половине XIX - начале XX вв. по материалам Тверской губернии: дисс... канд. ист. наук. Тверь, 2007). Проблемам женского детства в российской дворянской семье в контексте истории повседневности посвящена монография А.В. Беловой (Белова А.В. «Четыре возраста женщины». Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010).

Обзор исследований проблемы детства показал, что в настоящий момент в мировой и отечественной науке накоплен значительный опыт изучения детства с позиций различных отраслей гуманитарного знания. Отдельные аспекты жизни, воспитания, обучения детей затрагивались в исторических работах. Однако, объектом исследования чаще становится дворянская среда. Кроме того, эти работы часто носят сугубо научный, а не научно-популярный характер.

Географические рамки исследования ограничены городами Тверской губернией. Выбор Тверского региона обусловлен следующими особенностями. Города и население Тверской губернии являлись типичными для европейской части России. В этом регионе присутствовало и помещное землевладение, в отличие от северных районов страны, и важные торговые пути в виду своего расположения в верховьях Волги, все условия, необходимые для развития промышленного производства. Таким образом, в Тверской губернии были представлены практически все категории населения российской империи: дворяне-помещики, чиновники,

духовенство, купцы, мещане и ремесленники, крепостные крестьяне. С основанием Санкт-Петербурга и постройкой Вышневолоцкого канала многие города Тверского региона (по административному делению Петра I — провинции) были активно вовлечены в процесс обслуживания этой транспортной артерии. В этой связи в городах Тверской губернии, в первую очередь, в Вышнем Волочке, население стало более мобильным, а состав городских жителей — разношерстным (разночинным). В то же время, в Тверской губернии были и типичные уездные городки, замкнутые на самих себя, такие как Бежецк и Калязин. Именно такие маленькие «провинциальные» города еще долго высмеивались в русской литературе Н.В. Гоголем, А.П. Чеховым и прочими литераторами — любителями «российской глубинки». Интересное расположение городов Тверской губернии между двумя столицами: пышным Санкт-Петербургом и купеческой Москвой — также делают их весьма привлекательными для исторического исследования. Привлекательны они были и для Екатерины II в ходе проведения городской реформы. Известно, что апробация ее городского положения и в целом реформы управления проводилась, согласно указу Императрицы от 25 ноября 1775 г., в Тверской, Новгородской и Смоленской губерниях.

Хронологические рамки работы охватывают последнюю четверть XVIII в. — первую половину XIX в. Это особая эпоха, особенности которой были сформированы веком Просвещения. Человеческому сознанию, безусловно, проще

Тверь. Тверское Кавалерийское юнкерское училище.

Тверское Кавалер-юнкерское училище.
Первая половина XIX в.

воспринимать более четкие временные

границы: XVII век, XIX или XX. Именно так устроено большинство учебников по истории России. Однако, при более близком рассмотрении становится понятно, что историческое развитие, включающее в себя и социальное, и политическое, и даже научно-техническое, не обращает внимание на условные цифры календарей. Так получилось и с XIX веком. Две его половины (до отмены крепостного права и после) радикально отличаются друг от друга. Пореформенное время (вторая половина XIX в.) была ознаменована изменением социально-экономического устройства России, масштабной урбанизацией и появлением радикальных политических течений. Первая же половина этого столетия в значительной степени находилась под влиянием идей эпохи Просвещения, что значительно сближает ее с предыдущим XVIII веком. Если во второй половине XVIII в. сочинениями французских просветителей была очарована императрица Екатерина II и ее окружение (в первую очередь, княгиня Е. Дашкова), то в первой половине XIX с развитием системы образования эти идеи стали доступны более широкой публике. Проникновение этих взглядов в России имело прямое отношение к жизни любого заурядного ребенка. В своих сочинениях Просветители затрагивали отнюдь не только вопросы политического устройства, но и проблемы воспитания и обучения новой породы людей, способной к участию в республиканской форме правления.

К реализации замыслов, почерпнутых в книгах французских философов, Екатерина II начала не сразу после вступления на престол, а именно в последней четверти XVIII в., с 1775 г., когда было издано «Учреждение о губерниях». Этот законодательный акт положил начало городской реформе. Многие из положений этого документа просуществовали вплоть до революционного кризиса 1917 г., а основная его часть была актуальна до Великих реформ Александра II.

При работе над книгой были использованы различные исторические источники: законодательные, источники личного происхождения, изобразительные и прочее. В работе использовались законы, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи» и в «Своде законов Российской империи», прежде всего «Учреждение о губерниях» 1775 г., «Устав благочиния» 1782 г., «Жалованная грамота городам» 1785 г., «Наказ губернаторам» 1837 г. и др. Они позволяют понять общую направленность политики в изучаемый период. Интересные сведения для данного исследования содержат дневники и мемуары купцов Тверской губернии конца XVIII — первой половины XIX в., опубликованные в 2007 г.¹, сочинения первого тверского краеведа Д. И. Карманова², служащего различных тверских городских и губернских учреждений³, а также «Записка о городе Калязине» 1860 г. потомственного священника И. С. Белюстина⁴.

Большую группу источников составили делопроизводственные материалы городских учреждений. Среди них следует особо выделить документы сиротских судов – учреждений, которые занимались установкой опеки над осиротевшими детьми «городского сословия». Документы сиротских судов городов Тверской губернии хранятся в Государственном архиве Тверской области (далее ГАТО). На учете в архиве стоят 11 фондов, которые отличаются разной степенью сохранности⁵. Общая характеристика документов этих фондов уже была дана в работе Н. В. Середа⁶. Материалов, относящихся к выбранному хронологическому периоду, не сохранилось в фондах сиротских судов Весьегонска, Зубцова, Красного Холма, Ржева, Старицы⁷. Документы за последнюю четверть XVIII — первую половину XIX в. имеются в составе фондов Бежецкого, Вышневолоцкого, Калязинского, Кашинского, Осташковского и Тверского⁸ сиротских судов.

Опись фонда Бежецкого сиротского суда включает 1493 дела за 1776—1918 гг. К XVIII — первой половине XIX в. относятся 922 дела. Самое раннее дело, хранящееся в фонде, датируется 1774 г. — «Дело по имению умершего купца Ивана Ивановича Большого Демина». Оно, очевидно, должно относиться к фонду Бежецкого магистрата, который занимался делами опеки и попечения до реформы 1775 г.

Фонд сиротского суда г. Вышнего Волочка насчитывает 769 ед. хр. за 1758—1918 гг. 433 из них датируются последней четвертью XVIII — первой половиной XIX в. Под № 1 в первой описи числится дело «По указу Ямской канцелярии о незаконнорожденном младенце Максиме Матвеевом» 1758 г., которое также велось в делопроизводстве городского магистрата. Документы самого сиротского суда содержатся в фонде с 1776 г.

Фонд Калязинского сиротского суда состоит из 316 ед. хр. за 1777—1916 гг. К выбранному для исследования хронологическому периоду относятся 223 дела. Первым в описи значится журнал заседаний сиротского суда за 1777 г.

Документы фонда Кашинского сиротского суда зафиксированы в двух описях, всего их насчитывается 793 за 1776—1918 гг. К XVIII — первой половине XIX в. относятся лишь 93 ед. хр. Самое раннее из сохранившихся в фонде дел датируется 1776 г.: это «Книга записи денежных сумм, пожертвованных в пользу престарелых и больных».

Опись фонда Осташковского сиротского суда включает 175 дел за 1776—1919 гг. К XVIII — первой половине XIX в. относятся 119 дел. Первым является «Дело по ходатайству мещанки Максимовой о выделе ей части двора» 1776 г.

Фонд Тверского сиротского суда насчитывает 809 ед. хр. за 1776—1918 гг. К изучаемому периоду относятся 132 дела. Самым ранним в фонде является журнал заседаний сиротского суда 1776—1784 гг.

В составе всех перечисленных фондов имеются традиционные для сиротских судов категории дел: журналы заседаний, настольные и докладные реестры, книги входящих и исходящих бумаг, указы Тверского наместнического (с 1796 г. — губернского) правления и Тверской гражданской палаты, приходно-расходные книги, дела об учреждении опеки, разделе имущества, взыскании долгов, выделении части наследства, отчеты и рапорты опекунов, прошения о введении во владение имуществом по достижении совершеннолетия.

В фондах сиротских судов всех уездных городов сохранились книги регистрации подкидышей в сиротские дома. В описи фонда Вышневолоцкого сиротского суда зафиксированы дела о передаче горожанам младенцев из приюта для воспитания, самое первое из них датировано 1799 г. В фонде Бежецкого сиротского суда дела о взятии горожанами детей из сиротского дома встречаются с 1841 г.⁹

В фондах Бежецкого, Кашинского, Вышневолоцкого и Осташковского сиротских судов содержатся «ведомости» о престарелых людях, содержащихся в городских богадельнях, встречаются просьбы мещан о помещении их в «богоугодное заведение» «по болезни и старости». Сохранилось несколько дел, посвященных открытию, функционированию и содержанию городских школ в этих городах.

Сплошному исследованию были подвергнуты дела об опеке горожан, сохранившиеся в фондах сиротских судов Тверской губернии, а также некоторые докладные и настольные реестры, книги входящих и исходящих бумаг, журналы заседаний. При анализе последних выборка осуществлялась в зависимости от степени сохранности документов в фондах и в соответствии с изменениями российского законодательства в сфере управления и социального призрения.

В работе были использованы также документы Тверского городского магистрата — одного из главных органов самоуправления в

русском городе, который выполнял административные и судебные функции в городском пространстве. Фонд Тверского городского магистрата описан в двух описях. Первая опись содержит документы 1766-1866 гг. Помимо документов делопроизводства Тверского магистрата, в описи зафиксированы дела Старицкого¹⁰ и Новоторжского¹¹. городских магистратов. В фонде сохранилось много дел о младенцах, подкинутых к Тверскому сиротскому дому, кафедральному собору или частным лицам, о взыскании денег опекунами, о вводе во владение достигших совершеннолетия сирот, об описи и оценке имущества, о взыскании с опекунов растраченных ими денег малолетних сирот, об увольнении опекунов от должности и т.д. Однако все сохранившиеся дела этих категорий датируются не ранее второй половины XIX в. и выходят за хронологические рамки данного исследования.

Вторая опись дел фонда Тверского городского магистрата содержит дела 1776-1799 гг. Из их числа к нашей теме относится 10 дел. Выявленные дела по содержанию можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся дела, посвященные различным операциям, совершаемым с имуществом: дела об описи и разделе имущества, о «взятии городским магистратом имения в смотрение сиротского суда», о выделе наследственного имущества вдове¹². Ко второй группе мы отнесли дела по долговым операциям, например, взысканию денег по векселю¹³. Третью группу составляет дело об учреждении в Твери богаделен и школ¹⁴. В отдельную группу входят также ведомости о состоящих в опеке купеческих и мещанских детях 1799 г.¹⁵

Кроме того, в книге вы сможете обнаружить упоминания различных литературных произведений описываемой эпохи, а также изобразительные материалы, отображающие дух эпохи и иллюстрирующие различные аспекты жизни ребенка в русском городе.

Раздел 1. Особенности времени и пространства

Глава 1. «Детский» вопрос в разрезе эпохи

В допетровской России юридически не существовало детства как отдельной категории населения. Дети, не являясь самостоятельной производственной единицей, не представляли интереса для государства. Родители пользовались всей полнотой власти над своими детьми. В «Домострое», который являлся своеобразным руководством в семейных отношениях России на протяжении XVI – XVII вв., написано: «Наказывай сына своего в юности его, и успокоит тебя в старости твоей. И не жалея младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочь у тебя, и на нее направь свою строгость, тем сохранишь ее от телесных бед: не посрамишь лица своего, если в послушании дочери ходят». Наказание родителей за убийство детей было мягким¹⁶, а иногда на деле и вовсе отсутствовало.

А если вспомнить произведение Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», то станет понятно, что в некоторых случаях убийство своего сына было необходимостью. Даже сейчас, погружаясь в эпоху Тараса Бульбы при чтении этой повести кажется, что он совершил правильный, по-своему геройский поступок,

Иллюстрация к повести
«Тарас Бульба». Васнецов В.М. 1874 г.

убив своего сына Андрея.

Закон запрещал детям жаловаться на родителей, судиться с ними, предъявлять какие бы то ни было иски¹⁷. Ситуация стала меняться в XVIII в. В начале XVIII в. убийство собственных детей стало караться смертной казнью через колесование (впоследствии это суровое наказание было немного смягчено). С этого времени родители больше не могли отдавать своих чад в пожизненную кабалу, разрешалось только передавать в услужение или в заклад за долги, но не дольше 5 лет. Не запрещалась, но осуждалась отдача детей в монастырь как «душепагубный» обычай¹⁸.

Кроме этого, Петр I положил начало развитию государственного социального призрения, направленного на регламентацию жизни недееспособных граждан¹⁹. К числу таковых помимо нищих, больных и убогих были присовокуплены осиротевшие дети²⁰.

По XX главе Регламента, магистрату поручалось открыть в городах смирительные, прядильные дома и «гошпитали» для призрения «сирых, убогих, больных и увечных и для самых престарелых людей обоего пола», а также сиротские дома, в которых должны содержаться осиротевшие дети²¹. Для более точного учета населения, нуждающегося в социальной защите, 3 июня 1724 г. именным указом губернаторам и воеводам было предписано переписать всех больных, увечных, нищих и сирот²².

Петр Алексеевич Великий (Петр I),
Император Российской Империи
(30.06.1672 - 28.12.1725)

В это же время стал развиваться институт опекунов над малолетними детьми. Законодательство первой четверти XVIII в. предусматривало установление опеки над владельцами недвижимого имущества до достижения ими 20-летнего возраста и над обладателями только движимого имущества — до 18 лет. Для лиц женского пола предельный возраст опеки составлял 17 лет²³.

Однако защита детства в петровскую эпоху не носило систематического характера. Петра I сложно назвать гуманным или особо заботящимся о детях. Царь, который лично отрубил голову нескольким стрельцам после стрелецкого бунта, не испытывал жалости к собственному сыну. Больше всего он интересовался военным делом и научно-техническим прогрессом. По мнению известного дореволюционного историка В.О. Ключевского, именно война и стала главным и, пожалуй, единственным двигателем его реформ. В этой связи, забота о детях и сиротах носила меркантильный характер.

В начале XVIII в. царя больше всего интересовали дополнительные источники доходов, необходимые для наращивания военного потенциала, в том числе, в виде налогов с податного населения. Как видно, все мероприятия, проведенные царем в отношении детей, были направлены на сохранение или увеличение числа потенциальных налогоплательщиков. В этой связи и суровое наказание за

Ключевский Василий Осипович, русский историк (16.01.1841- 25.06.1911)

убийство и попытка сохранения капиталов осиротевших купеческих и мещанских детей через институт опекунов в равной степени являлись задачами государственного масштаба. Вопросы воспитания, как и прежде, решались внутри семьи в соответствии со старыми традициями «Домостроя».

Тема детства получила своё развитие в эпоху Екатерины II. Вопрос внутрисемейных отношений был затронут в Уставе благочиния (или полицейском уставе) 1782 г.: «Родители суть властелины над своими детьми, природная любовь к детям предписывает им долг дать детям пропитание, одежду и воспитание доброе и честное по состоянию» (т.е. соответствии с сословием, к которому они принадлежали); «дети имеют оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь и служить им самым делом, словами и речами отзываться о них величайшим почтением, сносить родительские поправки и увещания терпеливо, без ропота, и да продолжится почтение и по кончине родителей».

Эти постановления вошли в Свод законов 1832 г. и 1857 гг.²⁴ Таким образом, Устав благочиния определял характер взаимоотношений детей и родителей вплоть до Великих реформ Александра II. Этот характер принципиально не отличался от основ семейной жизни, прописанных в «Домострое».

В 1775 г. в России были введены так называемые смирительные дома, куда родители могли заключать своих детей, «кои им непослушны или пребывают злого жития, или ни к чему доброму не склонны». В Новом Уложении о наказаниях уголовных 1845 г. (ст. 19283) этот пункт получил более развернутое толкование: «За упорное неповиновение родительской власти, развратную жизнь и другие явные пороки дети по требованию родителей без всякого судебного рассмотрения подвергаются заключению в смирительном доме на время от трех до шести месяцев. Родителям в сем

случае предоставляется право уменьшить по усмотрению своему время заключения или совершенно простить виновных».

Екатерина II, просвещенная императрица, которая поддерживала тесные связи с французскими просветителями, не смогла (или не пожелала) вторгнуться во внутрисемейные отношения, в том числе в отношения детей и родителей.

Екатерина Алексеевна Великая (Екатерина II),
Императрица Российской Империи,
(28.06.1762-06.11.1796)

Однако общение с главными европейскими «гуманистами» XVIII в. не могло не оказать влияния на педагогические взгляды Екатерины. Воспитание новой породы людей являлось частью ее программы, которую она озвучила в своем Большом наказе. Эту программу императрица начала реализовывать на детях, которые по печальному стечению обстоятельств, оказались без семьи и родителей.

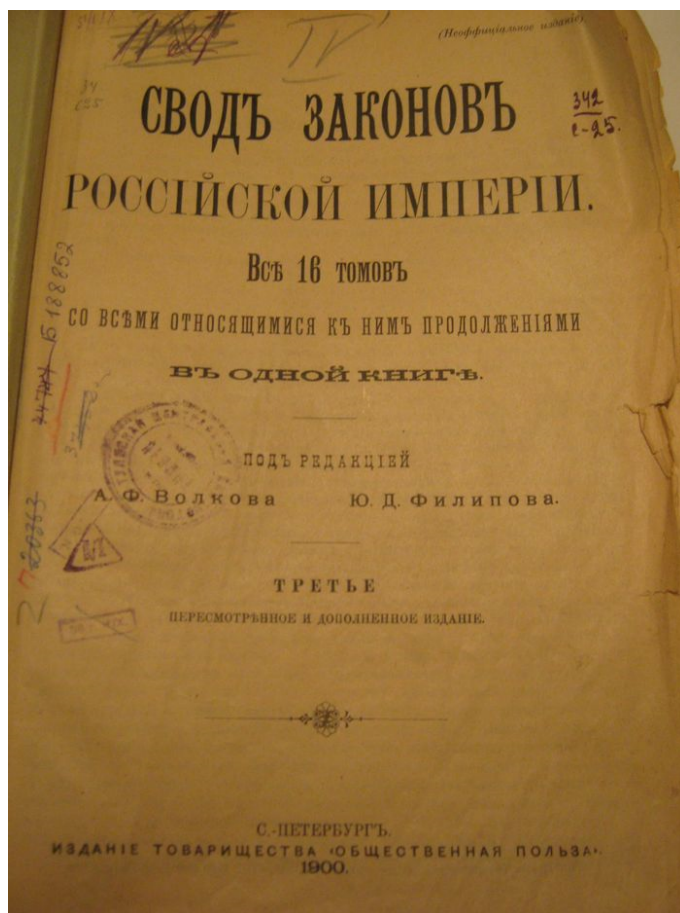
Реформы Екатерины II впервые создавали систему социального призрения, включавшую в себя защиту сиротства. В соответствии с «Учреждениями о губерниях» 1775 г. в каждой губернии создавались Приказы общественного призрения, в ведении которых в числе прочих благотворительных учреждений находились школы и сиротские дома²⁵. В каждом уезде вводились дворянские опеки, а в городах – сиротские суды, призванные

устанавливать опеку над осиротевшими малолетними детьми и следить за тем, как назначенные опекуны исполняют свои обязанности²⁶.

Следующей вехой в развитии законодательства Российской империи (в том числе по вопросу детства) стало появление Свода законов Российской империи 1832 г. В процессе сложной работы по систематизации и кодификации всех изданных с середины XVII в. указов и нормативно-правовых актов в России впервые появился кодекс гражданского права. В дореформенный период Свод законов издавался трижды, пополняясь при этом новыми нормами: в 1832 г., 1842 г. и 1857 г. Однако, по наблюдению ряда исследователей, он не претерпел значительных изменений за это время и оставался главным источником гражданского права²⁷.

Таким образом, считаем уместным подвергнуть анализу третье и последнее для дореформенной эпохи издание свода, т.к. это позволит получить общее представление о правом регулировании «детского вопроса» в Российской империи до эмансипации²⁸.

Третье издание Свода законов Российской империи было обнародовано указом правительствующего Сената от 12 мая 1858 г. (ПСЗ-2 № 33140), которым повелевалось ссылаться на

Фотография титульного листа «Свода законов Российской Империи» (неофициально издание 1900 год).

статьи Свода законов 1857 г.²⁹

Даже при беглом знакомстве с разделами, посвященными взаимоотношениям детей и родителей, внутрисемейным отношениям и отдельными статьями, в которых упоминаются дети, бросается в глаза, что законодательство первой половины XIX в. принципиально по-иному рассматривают само понятие детства. Термин дети в русском языке принято употреблять в 2-х значениях. Первый вкладываемый в это понятие смысл – это возраст, определенная стадия жизни человека, включающая этапы младенчества, роста, взросления. Второе значение термина детство – это степень родства, которая не зависит от возраста. В словаре С.И. Ожегова статья «дети» выглядит следующим образом: «1. Мальчики и девочки в раннем возрасте, до отрочества. 2. Сыновья, дочери»³⁰. Два смысла у этого слова появились относительно недавно. В русской традиционной семье не делалось различий между детьми в зависимости от их возраста. Дети всегда оставались детьми по отношению к своим родителям, что означало, что власть последних распространяется на своих детей до конца жизни.

Интересно, что если современное законодательство понимает государственную политику по защите детства как совокупность мероприятий по отношению к особой возрастной категории, то имперское законодательство такого раздела вовсе не имело. Термин детство употреблялся в Своде законов Российской империи в основном для обозначения степени родства. В этой связи логичным кажется, что основная часть статей, в которых упоминаются дети, находится в разделе о наследственном праве. Это первое наблюдение приводит к выводу, что для государства первой половины XIX в. не существовало такого понятия как государственная политика в отношении детства.

Поскольку дети в первом понимании этого слова являются возрастной группой, то кажется важным проследить, как закон в

Российской империи устанавливал возрастные границы детства. Это, зачастую, встречается в разделах законодательства, посвященных вопросам установления и снятия опеки над осиротевшими детьми. Законодательство первой четверти XVIII в. предусматривало установление опеки над владельцами недвижимого имущества до достижения ими 20-летнего возраста и над обладателями только движимого имущества — до 18 лет. Для лиц женского пола предельный возраст опеки составлял 17 лет³¹.

Понятие совершеннолетия долгое время не было чётко сформулировано. Исследователь сибирского купечества, разводя понятия «опекун» и «попечитель», отмечает: попечитель должен был управлять имуществом подопечного и защищать его интересы в судах; опекун занимался его воспитанием и образованием. На практике же опекуны назначались к осиротевшим детям до 17 лет, а попечители — к вдовам и детям в возрасте от 17 до 21 года, т. е. лицам, уже не нуждающимся в воспитании³². Поскольку вдовы и дети от 17 лет в этом случае попадали в одну категорию, можно сделать вывод, что совершеннолетними считались дети, достигшие именно этого возраста.

22 декабря 1785 г. был опубликован именной указ, который определял возраст, с которого человек считался совершеннолетним. Отмечалось, что по достижению 14 лет малолетний имеет право просить опеку или сиротский суд назначить себе попечителя вместо опекуна «для совета и защищения во всех делах»³³. По-видимому, процесс воспитания должен был продолжаться до 14 лет. В законе подтверждалось, что в 17 лет человек становится совершеннолетним и может «вступить в управление своего имения», но до 21 года он не имел права продавать и закладывать свое имущество без согласия попечителя и опекуна³⁴. Из этого следует заключить, что в период 14—17 лет сирота считался несовершеннолетним и не мог распоряжаться своим имуществом; по

достижении 17 лет и до 21 года он распоряжался им самостоятельно во всех случаях, кроме отчуждения недвижимого имущества³⁵.

По утвержденному 15 декабря 1826 г. мнению Государственного совета, устанавливалось, что совершеннолетним мог считаться человек, достигший 18 лет, именно с этого возраста ему разрешалось брать долги и давать письменные обязательства, но при обязательном согласии попечителей. Однако до 21 года опекаемым, как и прежде, не разрешалось «управлять» своим имуществом³⁶, под этим, по всей видимости, подразумевался запрет самостоятельно производить заклад, куплю или продажу недвижимости. В 1830 г. (3 декабря) в дополнение к этой норме было утверждено мнение Госсвета, что «все заемные обязательства, выданные не достигшими полного совершеннолетия (21 года) без подписи их попечителей...должны быть почитаемы недействительными»³⁷. В 1836 г. это правило было подтверждено и дополнено еще одним положением: лицам, не достигшим 21 года, запрещалось распоряжаться своим капиталом без согласия попечителей³⁸.

По инициативе Государственного совета 4 ноября 1842 г. была внесена окончательная ясность в вопрос о совершеннолетии. С этого момента совершеннолетним стал считаться человек, достигший 21 года. Этот шаг привел законодательные нормы в соответствие друг с другом³⁹.

Помимо некоторой юридической неразберихи в определении понятия «совершеннолетие», в дореформенный период существовала проблема точного определения возраста опекаемых горожан. Простые обыватели часто не помнили своего возраста. Справки о возрасте наводили по метрическим книгам церковного делопроизводства, обывательским книгам в городских думах и городских магистратах⁴⁰. Данные метрических книг и сведения обывательских книг часто не совпадали. Поэтому нередкими были случаи, когда после наведения справок

оказывалось, что сироте, находящейся под опекой или попечительством уже 22, 23, а то и 24 года и его давно следовало исключить из опеки.

Отметим еще одну особенность восприятия детей, точнее одной из их категорий - осиротевших. В соответствии с законодательством Российской империи сиротой юридически и практически считался ребенок, потерявший одного родителя, что значительно отличается от современных правовых норм и общественных стереотипов. По положению Комитета министров от 27 декабря 1830 г., устанавливался особый статус детей, осиротевших после эпидемии холеры.

Впервые в законодательстве вводилось понятие «совершенно осиротевших», к числу которых относились дети, лишившиеся обоих родителей, а также дети, лишившиеся только отца, но не имеющие при этом никакого наследства.

Проводы покойника. В.Г. Перов. 1865 г.

Те дети, которые потеряли одного родителя и остались «при недостатке наследства», считались «обыкновенными сиротами»⁴¹. «Совершенно осиротевшие» должны были передаваться на воспитание и попечение родственникам, свойственникам или благотворителям через дворянские опеки и сиротские

суды соответственно их социальной принадлежности⁴². На практике значительных отличий в положении «совершенно осиротевших» и «обыкновенных сирот» не наблюдается.

Таким образом, в законодательстве Российской империи постепенно юридически оформлялись понятия «совершеннолетие» и «сирота». В рамках уточнения возраста получения полной или частичной

дееспособности, а также прав детей, потерявших одного или обоих родителей, происходило и юридическое обоснование детства как возрастной, а не только наследственно-родственной категории.

Особенность государственной политики Российской империи дореформенной эпохи в отношении детей и детства заключалась в том, что предметом интереса долгое время выступали не сами дети, а имущество и капитал их родителей. Интерес детей защищался государством только с целью дальнейшего сбора налогов. Вопросы здоровья, воспитания, образования государство затрагивало лишь частично, что, по всей видимости, объясняется экстенсивным способом воспроизводства населения в России этого периода.

При анализе мира детства в контексте истории повседневности особое значение имеет игровая деятельность. Изучение детской игровой культуры позволяет сформировать представление об особенностях воспитательных практик, механизмах социализации и усвоения социально-культурных ценностей в разные исторические периоды.

Признание игровых предметов в качестве детских атрибутов наблюдается в портретной живописи конца XVIII в. Несмотря на традицию изображения детей «взрослыми в миниатюре», в интерьеры помещаются детские игрушки – погремушки (Рокотов Ф.С. Портрет А.Г. Бобринского в детстве. Сер. 1760-х гг.) и куклы (Христинек К. Девочки. 1772 г.), свидетельствующие о начале осмысления образованной частью общества детства как особенного этапа жизни. При этом мальчики чаще девочек изображались с игрушками, среди которых преобладали всевозможные лошадки, самодельные игрушки из карт.

На более поздних портретах дворянских детей можно увидеть играющими в шахматы (Куракин А.Б. Портрет княгини Ю.Ф. Куракиной, жены художника с четырьмя детьми. 1840-е гг.) или в деревянный конструктор (Гау В.И. Дети герцога Лейхтенбергского. 1852 г.).

В XIX в. частыми героями живописи становятся дети из беднейших сословий (Тропинин В.А. Девочка с куклой. 1841(?) г.). Одним из сюжетов становится игровой досуг крестьянских детей.

Игра в бабки. В.Е. Маковский. 1870 г.

Специфика игрового мира дворянских детей нашла отражение в мемуарных источниках конца XVIII-XIX вв. (Бекетова М.А., Дашковой Е.Р., Смирная Е.-А.В. и др.). Игрушками считались ценные вещи, которые могли быть использованы для развлечения (например, серебряный детский сервиз), а не собственно предметы, изготовленные для занятия и развития ребенка. На протяжении XIX в. детский мир насыщался изысканными

Ребенок из дворянского сословия. Неизвестный художник. XIX в.

куклами импортного производства, деревянными чурочками, мячиками, деревянной посудкой, резиновыми игрушками и игрушками, изготовленными из картона, меди, соломы. Значительно беднее был ассортимент игрушек крестьянских детей, изготавливаемых из подручного

материала – соломы, тряпья, дерева. Об особенностях игрового мира крестьянских детей преимущественно повествуют этнографические/фольклорные источники.

На протяжении конца XVIII-XIX в. наблюдается расширение детских игровых предметов и форм, связанное с изменением восприятия взрослыми детства как особого периода в жизни человека, нуждающегося не только в организации досуга, но и в специальных механизмах социальной адаптации. Со становлением и развитием педагогики игры становятся воспитательным и обучающим средством.

Бабушка с внучкой. А. Корзухин

Подводя итоги общему анализу проблемы детства в последней четверти XVIII – первой половине XIX в., нельзя не заметить, что именно в это время эта проблема и появляется. В эпоху Просвещения возникает интерес к детям, как подрастающему поколению, на которое можно не просто повлиять, но и сделать из них нужную породу людей с помощью различных методов воспитания.

Появляется педагогика для удовлетворения этих нужд. Дети, их занятия, воспитание, образование становятся все больше интересны государству, обществу и самим родителям. Новый образ детства, созданный в эпоху Просвещения, привел к усилению интереса ко всему, что было связано с появлением ребенка и его воспитанием. Во Франции – родине французских философов-просветителей этот процесс начался со второй

половины XVIII в. и сопровождался большим количеством научных трудов, посвященных ребенку, в том числе медицинских, психолого-педагогических, различных руководств акушеркам, кормилицам, кормящим матерям, родителям⁴³. России не отставала от «Просвещенной Европы» той эпохи, своеобразным символом которой и была Франция. Процесс выделения детства как отдельного социального явления происходил у нас в то же время.

Глава 2. Городская среда как социо-культурный феномен

Последняя четверть XVIII в. стала временем появлением на карте России новых городов. Это было связано не только с присоединением Крыма и основанием Севастополя. В ходе городской реформы Екатерины II многие крупные села превращались в малые города, получая при этом всю атрибутику города: герб, администрацию и новый правовой статус жителей. Вероятно, Екатерина II имела своей целью «по-немецки» упорядочить все населенные пункты в соответствии с числом жителей. Устные предания донесли до наших дней некоторые казусы, которые случались в ходе этих преобразований. Так, старожилы маленького городка Владимирской области (а некогда губернии) под названием Меленки рассказывают такую байку. Императрица Екатерина II, путешествуя по России, проезжала мимо села Рогожино, находившегося примерно в 30 верстах от Муром. Остановки там не предусматривалось. Жители, естественно, были заранее оповещены о предстоящем быстром визите императрицы. Поскольку это происходило в темное время суток, то по пути следования Екатерины II было велено всем зажечь огни, причем не только в селе Рогожино, но и во всех окрестных деревнях. Освещение традиционно было характерно для городов, а не для сельской местности. По словам местных краеведов, императрица, проезжая мимо, была удивлена размером села; в ночное время она приняла за одно село все освещенные окрестные деревни. После этого село Рогожино превратилось в город Меленки.

г. Меленки, Касимовская улица и Никольская церковь, старая открытка

Эта история может быть приукрашена и имеет ряд нестыковок, но российская действительность была такова, что городами в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. называли как столичных гигантов: Санкт-Петербург и Москву, так и совсем маленькие населенные пункты, которые совсем недавно были селами.

Накануне реформы губернского управления, в 1772 г. в Новгородской губернии Валдай, Вышний Волочек, Боровичи и Осташков становились административными центрами одноименных уездов. Коренные жители этих сел и слобод, преобразованных в города, сразу становились горожанами, мещанами или купцами⁴⁴.

В дальнейшем на этот указ неоднократно ссылались при оформлении перехода из крестьянства в городское гражданство. На основании «новых городов Новгородской губернии» были учреждены городские поселения, а их жители переведены в горожане в Костромском, Вологодском, Симбирском, Пензенском и других наместничествах⁴⁵.

Город последней четверти XVIII – первой половины XIX в. представляет собой особое явление.

Город последней четверти XVIII. Неизвестный художник.

Он уже не похож на средневековый русский город, в котором переплелись различные категории населения, нередко и конфликтующие друг с другом. В то же время, облик города этой эпохи далек от города, который

появился в результате преобразований Александра II, наполненного получившими свободу крестьянами и разночинцами.

При Екатерине II происходит, по выражению дореволюционных историков и юристов, «юридическое оформление» понятия город. Каждый российский город становится, выражаясь на современном языке, «юридическим лицом», от имени которого действует городской голова и городская дума (точнее, шестигласная дума, которая являлась постоянно действующим органом, в отличие от городской думы). В выборах городской думы, так же как и городского головы, могли участвовать люди, имевшие недвижимую собственность в пределах этого города.

В соответствии с городской реформой Екатерины II посадская община (основное население города) расширялась за счет включения в нее представителей других социальных категорий города. Отныне «общество градское» состояло из всех лиц, проживавших в городе, записанных в оклад, имеющих там недвижимую собственность или исполнявших городскую службу⁴⁶.

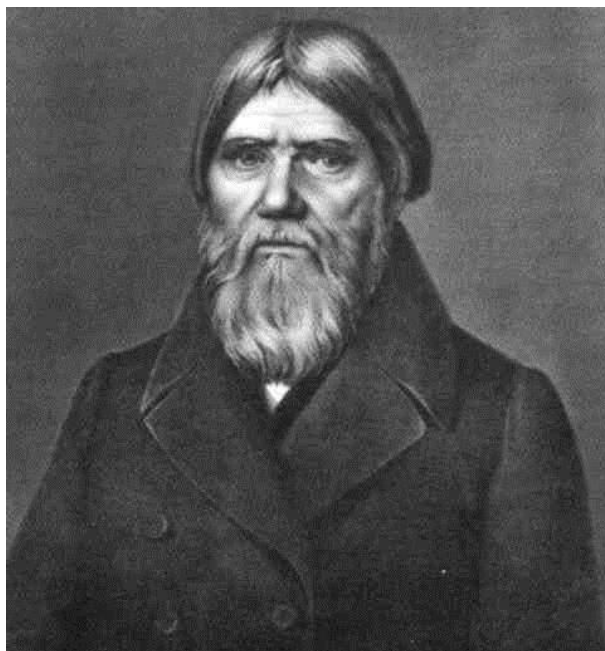
Все члены городского общества заносились в городскую обывательскую книгу, состоявшую из шести частей. В первую часть вносились только «настоящие городовые обыватели» - те, кто имел в городе недвижимую собственность. Вторую категорию составляли купцы первой, второй и третьей гильдий.

В первую гильдию входили горожане с капиталом от 10 до 50 тыс. руб., во вторую – от 5 до 10 тыс. руб., в третью – от 1 до 5 тыс. руб.

В третью часть городской обывательской книги вносились цеховые ремесленники. К четвертой принадлежали иногородние и иностранцы, занимавшиеся тем или иным промыслом или работой. Пятую группу городских обывателей

составляли именитые граждане. К ним принадлежали лица, владевшие капиталом свыше 50 тыс. руб., оптовые торговцы, судовладельцы, а также ученые, художники, музыканты. Шестую категорию образовывали посадские люди – «старожилы, или поселившиеся, или родившиеся, кои в других частях городской обывательской книги не внесены, промыслом, рукоделием или работою кормятся в том городе»⁴⁷.

Это вовсе не означало, что в городах в это время больше никто не проживал, из указанных групп людей. В число горожан входили и дворяне, но они, в силу своего «дворянского достоинства» освобождались от личных податей и служб⁴⁸.

Портрет. Шапошников К.К. Купец первой гильдии. Неизвестный художник.

В этот же период, в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. начинает активно складываться новое сословие – чиновничество.

В научной литературе долгое время существовали споры, можно ли считать чиновников отдельным сословием. Было принято считать, что чиновники в основном были из дворянского звания, и фактически чиновник – это разновидность дворянина, который нес не военную, а гражданскую службу.

Однако, если для первой половины XVIII – такое понимание чиновников является довольно точным, то позже чиновничество

Портрет чиновника.
Неизвестный художник. 1810 год.

как социальная категория значительно расширяется. В последней четверти XVIII – первой половине XIX в. чиновниками могли стать не только дворяне, но и выходцы из духовенства. Так, хорошо известен Михаил Михайлович Сперанский, сделавший невероятную по тем временам карьеру на государственной гражданской службе, исключительно благодаря своим способностям. Он происходил из семьи приходского священника Владимирской губернии.

Известны примеры чиновников из купеческого сословия. Одним из самых ранних является Диомид Карманов, тверской купец, который по собственной инициативе стал заниматься самообразованием. Это позволило ему стать довольно крупным для его происхождения чиновником губернского уровня.

Не углубляясь в проблему оформления чиновничества в отдельное сословие в Российской империи, отметим лишь, что чиновники в

последней четверти XVIII – первой половине XIX в. составляли самостоятельную группу городского населения. Это, в первую очередь, относилось к столичным городам (Санкт-Петербургу и Москве), где сосредотачивались высшие и центральные органы власти (в Москве в это время находился Правительствующий Сенат – высший орган власти с судебными функциями). Также чиновники проживали в губернских городах, в которых располагалась губернская администрация. При этом расселялись они обычно в определенных районах города, которые находились в непосредственной близости от их работы: губернских или городских учреждений. Уездные города не могли похвастаться большим числом чиновников среди своих горожан. Население маленьких городов было довольно монолитным, состояло из купцов и мещан.

Исследователь русского города Б.Н. Миронов отмечает, что для русского города в этот период был чрезвычайно важен фактор приезжих. По его подсчетам, они составляли в среднем 5 % от численности постоянных жителей⁴⁹. Приезжими могли быть люди разных сословий: и дворяне, и чиновники, и крестьяне-отходники и даже представители купечества и мещанства, зарегистрированные в одном городе, но по каким-то причинам проживающие в другом. Больше число приезжих было в столичных городах, а также в городах, которые являлись узловыми точками на какой-либо транспортной магистрали. Так, например, в Тверской губернии таким городом был Вышний Волочек.

Вид Вышнего Волочка 1661-1662 года. Альбом Мейерберга. 12 ноября 2008 г. Отчет о сплаве по Мсте из Вышнего Волочка.

зерно и другие товары первой необходимости. Барки часто останавливались в Вышнем Волочке, ремонтировались здесь. Город был полон лоцманами и прочими людьми, обслуживающими барки и доставку груза.

Несмотря на все попытки Екатерины II упорядочить городскую социальную модель, русский город так и оставался неоднородным и весьма пестрым социальным явлением. Причина этого кроется не только в том, что города в эту эпоху были привлекательны для проживания разных слоев населения, но и в том, что в Российской империи был довольно высокий уровень социальной мобильности. Сословия вовсе не представляли собой строго закрытые сообщества. Это положение хорошо проиллюстрирует один пример из книги Элис К. Виртшафтер. В 1792 г. житель города Ельца (Орловской губернии) предъявил городскому правлению паспорт своего покойного отца, в котором значилось, что тот был дворянином. Паспорт был выдан когда-то Московским городовым

Этот город
являлся важным пунктом
Вышневолоцкой водной
системы, которая
соединяла Санкт-
Петербург с Волгой.
Благодаря системе
каналов столица
империи обеспечивалась
хлебом. С низовьев
Волги через
Вышневолоцкую водную
систему в Санкт-
Петербург доставлялось

управлением, там было четко приписано, что этот человек поступил на службу в Елец как безземельный русский дворянин. Несмотря на то, что подлинность паспорта ни у кого не вызывала сомнений, елецкое дворянство отказалось признать дворянство этого человека, ссылаясь на отсутствие других документов, подтверждающих этот факт. Получив отказ, непризнанный дворянский сын попросил зарегистрировать его вместе с братом как елецких купцов на том основании, что они занимались в городе торговлей. Купцы не отказали им в этом, но решили повременить до внесения полной определенности в вопрос их происхождения. Тогда братья попросили записать их в елецкое мещанство, но этого не было сделано по той же причине. Социальное положение этих людей не было определено еще около двадцати лет. Однако это не мешало им проживать в Ельце, при этом беспрепятственно заниматься торговлей и чувствовать себя вполне комфортно. В окрестностях Ельца у этих людей был двор, вероятно, доставшийся от отца. Эти люди, с неопределенным социальным положением, в равной степени были готовы числиться дворянством и мещанством⁵⁰.

Итак, в городе эпохи Просвещения, помимо основного купеческо-мещанского населения, нередко проживали дворяне, разночинцы, а также, как ни странно, крестьяне. Выход крестьян в город осуществлялся двумя способами. Первый путь – законный, официальный, через запись в состав посадской (городской) общины. Для официального перехода крестьян в сословие горожан требовалось наличие торгов или промысла, а соответственно и денежных средств, которые позволяли заниматься этими делами. Но, в то же время, лицам, не состоявшим в посадской общине, категорически запрещалось торговать и заниматься промыслами на посаде, а ведь только так разбогатевший крестьянин мог приобрести права и привилегии городского гражданства и получить свободу для своего предпринимательства. Кроме того, для перехода в купечество необходимо

было предоставить капитал, минимальный размер которого устанавливался 300-500 руб. в год.

Для вступления в городское сословие крестьянину требовалось также получить согласие односельчан. Для этого было необходимо выплатить общине отступные, размер которых устанавливался на сходе. Далее он должен был получить разрешение того ведомства в котором он числился, или от помещика. Потом предстояло заручиться поддержкой купцов, представить необходимые документы городскому обществу, а также в городской и губернский магистраты. Важным препятствием на пути перехода крестьянина в городское сословие было двойное налогообложение. Крестьянин, вступивший в купечество, был обязан платить как новые, так и прежние подати. Многие из перешедших в купечество крестьян не выдерживали этой тяжелой материальной нагрузки и выходили из числа горожан. Ю.Р. Клокман приводит такой пример. Со времени учреждения Владимирской губернии в 1778 г. и до 1783 г. там было записано в купечество по разным городам 428 дворцовых и экономических крестьян. С них взимается двойной оклад, который они не в состоянии более платить, и потому все они просят, чтобы их или освободили от уплаты подушной подати и оброка, как с бывших крестьян, или снова обратили «в первобытное крестьянское состояние»⁵¹.

Несмотря на все трудности перехода из города в деревню, этот процесс постепенно шел. В одном 1776 г в посадские города Москвы было принято 400 крестьянских дворов, примерно столько же в Ярославле, около 300 дворов в Санкт-Петербурге, 84 двора в Севске⁵². Переход крестьян в город особенно усилился после опубликования указа 25 июля 1777 г. в котором говорилось о взимании двойных платежей как о временной мере впредь до выхода «генерального по всем местам о выгодах купеческих учреждений». Крестьяне спешили воспользоваться этим законом, надеясь наряду с «приобретаемыми выгодами» купеческого

звания получить в недалеком будущем и освобождение от двойного оклада. Это законодательное послабление продолжалось недолго, к концу XVIII столетия доступ в купечество и мещанство был серьезно ограничен. Однако это не изменило общей картины русского города, в котором продолжали наряду с городскими сословиями проживать и крестьяне различных ведомств: дворцовые, экономические и даже помещичьи.

Помимо законного пути перехода в городское сословие для крестьян существовал и второй способ – нелегальный, бегство из деревни.

Неимущему крестьянину, находившему источник своего существования в работе по найму, можно было воспользоваться только вторым способом. И несмотря на то, что законодательство жестоко преследовало самовольный переход крестьян в город, именно за счет такого пришлого элемента пополнялось в основном население городов и их промышленных окраин⁵³.

Крестьянские мальчики. В. Маковский. 1880 г.

Глава 3. Демография детства

В целом для Российской империи на протяжении всего периода ее существования была характерна высокая рождаемость и, одновременно, высокая детская смертность. Эти два явления были взаимосвязаны.

Общий коэффициент рождаемости в XVIII – первой половине XIX в. на территории Европейской России среди православного населения находился на уровне 50 рождений на тысячу человек населения. Примечательно, что эта цифра отражает особенности демографических процессов практически во всех сословиях. В XVIII – первой половине XIX в. женщины, будь то помещные дворянки, горожанки, крестьянки или попадьи рожали в среднем 5-6 детей в одном браке.

Крестьянская семья в избе. К.И. Кольман 1841.

Исключение представляли собой представители чиновничества. В последней четверти XVIII – первой половине XIX в. чиновники постепенно оформляются в отдельное, довольно замкнутое сословие со своими особенностями брачного поведения и, соответственно, своими демографическими показателями. Чиновники в России жили исключительно на жалование и, вследствие этого, не всегда могли позволить себе жениться⁵⁴. А.Н. Островский в «Бесприданнице» довольно точно отобразил на примере Карандашова, мелкого чиновника, который на фоне других поклонников главной героини, был самый бедный. Вследствие этого, они вступали в брак в зрелые годы, когда получали

нужный чин, и имели меньше детей, чем в семьях других горожан⁵⁵. В целом в XVIII – первой половине XIX в. различия в числе детей в возрасте до 7 лет у разных сословий были несущественны и несистематическими.

Младенческая смертность до середины XIX в. превышала 300 на тысячу (т.е. 30% и более). Если бы детей рождалось меньше, они бы получали лучший уход и их бы меньше умирало. Начиная с третьего ребенка, у детей было все меньше шансов выжить. До 11 лет доживали самые здоровые, самые смышленные дети, способные пережить все невзгоды, которые выпадали на их долю⁵⁶.

Демографические процессы в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. были естественны во всех слоях населения. Существует мнение, что в это время женщины не знали способов регулирования рождаемости.

Однако такое суждение кажется весьма поверхностным. Высокие показатели рождаемости, а вместе с тем и младенческой смертности, были связаны, скорее, с религиозным сознанием русских людей (или, как отмечает Б.Н. Миронов, с особенностью

Дьячок объясняет крестьянам картину страшного суда.
В.В. Пукирев 1861 г.

демографического поведения). Русские люди были готовы родить то количество детей, которое пошлет им Бог. Отношение к смерти ребенка стояло на той же религиозной платформе: «Бог дал, Бог взял».

Такое отношение к детям было характерно для большинства женщин, находящихся в браке. Иначе обстояли дела с внебрачными беременностями и незаконнорожденными детьми. Доля зарегистрированных православными священниками незаконнорожденных детей в общем числе новорожденных в конце XVIII – первой половине XIX в. колебалась от 2 % в Киевской губернии до 7 % в Московской, составляя в среднем по Европейской России около 3,3 %. ⁵⁷

Интересно, что проблема незаконнорожденных была характерна, в первую очередь, для городского пространства⁵⁸. Это легко объяснить. В городе вследствие большей численности народа было больше анонимности, чем в сельской местности. Это обстоятельство способствует большей распущенности и порочности нравов. Наряду с ростом преступности в городах увеличивается и число незаконнорожденных детей. Кроме того, нельзя забывать и тот факт, что именно в городах расквартировывались военные. Именно они нередко становились главными участниками и инициаторами внебрачной связи, вследствие которой рождался ребенок.

Среди таких женщин в первую очередь возникало желание предотвратить возможную беременность или избавиться от нежеланного ребенка.

В XVIII – XIX в. женщины использовали зелья для «вытравливания» плода, известные испокон веков. Кроме того, использовали механические способы ликвидации беременности (поднятие тяжестей, прыжки, тугое бинтование, разминание живота и прочее), а также удлинение лактации «далее пределов законных – двух великих постов». По свидетельству Ф.В. Гиляровского «матери продолжают кормить грудью ребенка до четырех и до пяти лет и кормят чужого, иногда и беззубых щенят, не говоря уже об извлечении ими своего молока и более неестественным способом»⁵⁹. В первой половине XIX в., вероятно, уже практиковались аборты. Известно,

что в 1830-е гг. за «истребление беременности» привлекались в среднем в год по 108 мужчин и 284 женщин⁶⁰.

XVIII – первая половина XIX в. было временем, когда методы контрацепции, т.е. предотвращения нежелательной беременности, были еще не столь популярны, но достоверно, что они были уже известны. Носителями этих знаний было именно городское население, которое чаще сталкивалось с проституцией (в сельскую местность эти знания стали проникать уже во второй половине XIX в. через отходников, которые приносили это из города, в котором работали)⁶¹.

Завершая разговор о демографических аспектах проблемы детства, отметим следующее. Исследование показателей детской смертности в изучаемый период позволяет исследователям сделать вывод, что экзогенный характер причин смерти, высокая скорость вымирания, прежде всего, детского населения и как результат – низкая продолжительность жизни свидетельствуют о смертности традиционного типа, характерной для всего российского общества дореформенного периода. Исходя из этих наблюдений становится понятно, что в рассматриваемую эпоху к детям относились далеко не так трепетно, как сейчас.

Раздел 2. Купецкий сын и мещанская дочь

Глава 1. Особенности городской семьи

Городское сословие как таковое появилось в России с введением Городового положения в 1785 г. Именно там впервые город оформлялся как самостоятельная юридическая единица с правом на органы самоуправления. К вновь создаваемому городскому сословию были отнесены купцы трех гильдий и мещане. Именно купеческо-мещанское население составляло основу городского населения вплоть до середины 60-х гг. XIX в., когда в результате отмены крепостного права начался активный приток сельского населения в города.

Изучение внутрисемейных отношений городской семьи дореформенного периода не относится к простым задачам. Сведений об этой интимной стороне купеческого и мещанского населения не так много. До настоящего времени сохранилось некоторое количество купеческих дневников конца XVIII – первой половины XIX в., в которых, помимо финансовых и хозяйственных заметок, присутствуют замечания, отражающие семейный быт и отношения.

Известный исследователь социальной истории Б.Н. Миронов изучал внутрисемейные отношения в городе по анкетам Русского географического общества. Это позволило ему сделать вывод о том, что среди купцов, мещан и ремесленников вплоть до середины XIX в. преобладали составные семьи, в которых господствовали патриархально-авторитарные отношения. Глава семьи управлял всем домом, всеми членами семьи и домочадцами. Его приказания должны были выполняться беспрекословно, к непослушным и провинившимся применялись наказания, в том числе и физические. Он представлял свою семью во всех

внешних отношениях, перед городской общиной и государством. Внутри семьи его власть была практически не ограничена, он распоряжался имуществом семьи и судьбой каждого ее члена, женил детей по своей воле и мог отдавать их в работы против их воли на определенный срок.

Современник так характеризовал семейные отношения горожан в Пермской губернии: «отец или муж имеет неограниченную власть, которой все остальные члены семейства повинуются

Крестьянское семейство перед обедом. Ф.Г. Солнцев 1824 г.

беспрекословно. Со всеми домашними он обращается по большей части сурово и повелительно. Нежное и ласковое обращение с женой и детьми считается у них чем-то вроде слабости. В этом отношении здешний купец не опередил простого крестьянина, всегда отличавшегося грубым обращением». О семейных отношениях мещан «можно сказать то же, что сказано о купцах, с той только разницей, что здесь проявляется еще более грубости и своеволия со стороны главы семейства. Ссоры и драки – весьма обыденные явления в семействах мещан»⁶².

Сыновья жили с отцом, как правило, до его смерти, а если и отделялись от него, то имущество делилось между братьями поровну, а младший сын оставался с родителями. Женщины в семьях городских сословий вовсе не были бесправны. В случае смерти хозяина вдова становилась главой вплоть до детей.

Дети находились в полном подчинении у родителей, с раннего детства они помогали им по хозяйству, воспитание и образование получали главным образом домашнее. Это обеспечивало преемственность купеческого или ремесленного дела: когда дети вырастали, они занимались делом своего отца. Возрастом зрелости (не совершеннолетия, а именно зрелости) считался возраст 15-16 лет. С этого времени дети полностью включались в семейное дело, начинали принимать участие в деловых операциях отца.

В первой половине XIX в. богатые купцы старались дать своим детям хорошее образование, необходимое для успешного ведения дела, дочерям – скромное, для престижа семьи. С образованными детьми приходилось больше считаться⁶³. Исходя из этого, формировалась следующая закономерность: чем богаче городская семья, тем больше прав там имеет подрастающее поколение.

Нравы в городских семьях были строгие. Девушка до замужества не могла выйти из дома без разрешения родителей, а если ей нужно было куда-либо сходить, то, спросившись у родителей, она непременно брала с собой ведра на коромыслах, чтоб соседи о ней не подумали, что она праздно шатается по улицам.

В первой половине XIX в. в некоторых малых городах к уличным в прелюбодеянии молодым людям применялся униженный ритуал «вождения». Их заставляли обмениваться одеждой: на женщину надевали мужскую одежду и наоборот, и в таком виде водили по всем улицам города⁶⁴.

Крещенские морозы. С.И. Смирнов 2007 г.

Однако не следует думать, что положение женщины в семье и в обществе в целом было неполноправным. Борьба за нравственность вовсе не лишала женщину, например, права обладать собственностью. Женщины в городских семьях имели право на свою законную часть имущества (как дочери, так и жены), могли обращаться в суды и другие учреждения городского управления или самоуправления.

В 1823 г. в палату гражданского суда и расправы поступила жалоба на Осташковский сиротский суд от опекаемого Петра Иванова Савина. Он требовал выдать ему капитал умершей матери Аграфены Ефимовой Савиной, состоящий в опеке. Сиротский суд не отдавал ему капитал, поскольку сомневался в совершеннолетию Петра. Жалобу переслали в сиротский суд, который, в свою очередь, объяснил гражданской палате свою позицию, и решение осталось прежним⁶⁵. В этой истории покойная женщина предстает полноправным членом семьи и городской общины. Интересно не только то, что Аграфена Ефимовна обладала собственным

капиталом (вероятно, доставшимся от ее отца), но и то, что после ее смерти к оставшемуся сыну были приставлены опекуны, а все имущество и капитал передавался в их ведение. Ситуация несколько не типичная, поскольку она свидетельствует о том, что главой в некогда целой семье фактически была мать, а не отец.

Таких примеров в городских семьях первой половины XIX в. можно найти немало. С начала XIX в. в Тверской губернии неоднократно «определяли» опекунов к детям после смерти матери «при живых отцах». В журнале Тверского сиротского суда 1808 г. записана просьба посадского Михаила Федоровича Борцова определить опекунов к детям его умершей дочери Татьяны, так как ее муж Павел Алексеевич Культепин, по его мнению, не справляется с обязанностями отца. Сиротский суд определил опекуном просителя М. Ф. Борцова — дедушку сироты⁶⁶. 5 мая 1808 г. в журнале записано похожее доношение от посадского Никифора Иванова Шеломова, где он сообщал о смерти своей племянницы Марии Яковлевой. Опекунами сиротский суд назначил просителя и отца осиротевших детей, Степана Лебедева⁶⁷. В журналах заседаний неоднократно записаны рапорты опекунов, которые определялись сиротским судом для детей, потерявших мать⁶⁸. Такое явление было характерно и для Ярославской губернии⁶⁹. По наблюдениям Е. А. Зуевой, примеры назначения опеки после смерти матери встречаются и в сибирских городах. Однако Тобольское губернское правление, узнав об этом, запретило сиротским судам учреждать опеку «при живых отцах»⁷⁰. В Тверской губернии таких запретов от губернской администрации не поступало.

Соглашаясь с мнением Е. А. Зуевой, что случаи назначения опекунов к детям после смерти матери были связаны с желанием родственников умершей сохранить в целостности ее имущество⁷¹, отметим, что появление этих прецедентов свидетельствует о тенденции к повышению социальной

роли женщины в городском пространстве, что, видимо, осознавалось и на уровне губернских учреждений Тверской губернии.

Патриархальные отношения, безусловно, все еще составляли основу семейного уклада. Однако постепенно, на смену ему приходили другие отношения, чисто капиталистические: у кого больше капитал – тот и главный в семье. Эта тенденция к смене ролей в семье проявилась уже в следующую эпоху – в конце XIX – начале XX в. Самым ярким художественным примером может служить героиня произведения М.Горького Васса Железнова, державшая в «железных» руках не только свою семью, но и дело. Но зародилось это явление в русском городе еще раньше.

Внимание к деньгам и капиталу в городских семьях поддерживалось на высшем государственном уровне. Сиротские суды давали назначенным к купеческим и мещанским детям опекунам «наставление». Примерное содержание наставления («Примерное, или Повальное наставление опекунам») вошло в состав «Учреждения о губерниях», оно содержало 17 пунктов. В соответствии с примерной формой наставления опекуну предписывалось: взять в «смотрение и ведомство» и хранить движимое и недвижимое имущество опекаемого, включая векселя, контракты, закладные и т. д.; вести приходно-расходные книги по делам сироты, заботиться о приумножении капитала; выполнять все необходимые общественные обязанности, как то: починка дорог и улиц и т. д.); своевременно опротестовывать векселя и взыскивать долги; возвращать долги, оставшиеся от умершего родителя, «стараться изворачиваться так, чтобы времени не терпящие долги наперед выплачены были, а на другие выиграно было время»; решать судебные дела опекаемого, если такие имеются; следить за здоровьем и нравственным воспитанием опекаемого⁷². Интересно, что из 17 пунктов примерного наставления 11 посвящены вопросам имущества опекаемого и лишь в одном речь идет о нравственном

воспитании сироты⁷³. На наш взгляд, это подтверждает, что основной целью установления опеки было сохранение капитала. Это отмечала советская историография, определяя основную задачу дворянских опек и сиротских судов в «сохранении дворянской или буржуазной собственности в том случае, если владельцами её оказывались вдовы, малолетние или лица, проматывающие состояние»⁷⁴. Современный исследователь Т. Л. Мигунова выявляет различия между наставлением опекунам дворянских детей и сирот «городского сословия». В последнем не ставилось политической задачи — воспитывать подрастающее поколение в почтении к власти и закону. Императрица учитывала интересы торгово-промышленного сословия, ставила задачу в первую очередь сберечь их имущество, не разорить, не подорвать кредит⁷⁵. Воспитание детей «городского сословия» осуществлялось в процессе труда. Мальчиков отдавали учиться какому-либо ремеслу или привлекали к торговым делам и работе в лавке. Девочек приучали вести хозяйство⁷⁶. Материалы сиротских судов Тверской губернии подтверждают это правило⁷⁷.

Несмотря на такое строгое воспитание и раннее приучение детей к труду, в городских семьях иногда вырастали отъявленные хулиганы. Так, например, в 1760-е гг. в Бежецке «чудил» молодой человек, по закону того времени еще не совершеннолетний Илья Самохвалов. В 17 лет он был участником пьяной кабацкой драки с горожанином В. Ососковым. По показаниям Ильи последний «между разговорами безо всякой вины ударил ево, Самохвалова, в щеку, от которого купца Осокова он, Самохвалов, ис того кабака побежал вон, а он Ососков, схватя кол и нагнав ево, Самохвалова, ухватил за кафтанную полу и намерен был тем колом быть, точию он, Самохвалов, до того бою ево не допустил, но толкнув в груди, упали на землю обще, причем между собою схватились за волосы и случившимися сторонними людьми купцов Иваном Неворотиным да целовальником Гуром Загадашниковым от драки разведены»⁷⁸.

Через несколько лет, будучи уже 20-летним женатым человеком, Илья Самохвалов был замечен в блуде, при чем стало известно, что он расплатился с проституткой крестом, полученным от жены при венчании. За этот поступок, а также за систематическое пьянство, Самохвалова решили отдать в рекруты. Узнав о таком решении, Илья отрубил себе топором палец на правой руке, потом сказал, что сделал это «без умы».

Подводя итоги общей характеристике городской семьи, отметим, что в массе своей она была еще патриархальна.

Глава 2. Сироты в купеческих и мещанских семьях

Судьба осиротевших детей в городе была, безусловно, не простой. Самое тяжелое испытание для ребенка было, как и сегодня, остаться круглой сиротой, т.е. потерять отца и мать. А.Б. Каменский приводит довольно грустную историю о 12-летнем мальчике по имени Антон Неворотин, который потерял сначала мать, а после смерти отца остался с мачехой. Помимо него, у этой женщины (мачехи) после смерти мужа на руках оставались падчерица Мавра и два своих младенца: годовалый сын Василий и новорожденный Федор. Ситуация для женщины, по всей видимости, была безвыходная, кормильца не было, и она решилась на преступление с участием ребенка. Вот как описывается это в документах со слов мальчика Антон: «От роду ему двенадцать лет. И в нынешнем 1746 году июне месяце, а в котором числе, того он сказать не упомнит, ночным временем мачеха де ево, вдова Анна Анисимова дочь Герасимовская жена Неворотина, взяла де ево из дому своего с собою, и как пришли к лавке, которая имеетца в Бежецку городе остроге в москотильном ряду, а сказала де она мачеха, что де та лавка бежечанина Степана Буркова. И у той лавки имелось окошко от городской стены, и она де мачеха ево к тому окошку имеюся близ той лавки лежащие бревна и с тех бревен открыла окошко гвоздем, подсадя к тому окошку, велела ему в то окошко во оную лавку лезть, в которую де лавку он и влел и с той лавки взял.... а лазил де он во оную лавку перве ночи, и с тем де товаром они и пошли к себе в дом и тот де товар положили в подызбице, и оной де товар мачеха ево отдавала для продажи патчерице своей, а сестре ево родной Мавре при нем же, Антоне, а как де отец ево Герасим умре, то де по смерти ево на третий день пришел к ним в дом сосед их, а по родству их дядя двоюродной Петр Иванов сын Неворотин для осмотра пожитков и в то де время усмотрил у них в доме платков и лент немалое число и пошел

обратно в дом свой и прислал де сына своего Ивана по него, Антона, и по сестру ево Мавру, и как де он, Антон пришел к нему в дом, а большая сестра ево Анна у него ж в доме, оной де Петр спрашивал, где де вы такой товар взяли, и он де, Антон, о том объявил, что де украли ночным временем у дяди своего Стефана Буркова из лавки...»⁷⁹.

Вынужденное преступление, а затем и признание мальчика-подростка повлекло за собой следующие события. Антон, его сестра Мавра и мачеха были арестованы. Вдова на допросе пыталась свалить вину на пасынка, утверждая, что он принес в дом ворованные вещи, а она вместе с падчерицей их только приняла. Мавра сообщила, что мачеха давала ей вещи на продажу. Все трое на несколько лет оказались в тюрьме без окончательного приговора. По непонятным причинам следствие прекратилось. Через 4 года вдову снова допросили, и она дала признательные показания, полностью совпадавшие с показаниями Антона. Позже была устроена очная ставка мачехи и падчерицы. Последнюю вскоре освободили, так как она не знала, что вещи, которые ей передавала мачеха – краденые. За это время брат вдовы Федор Бурков возместил Степану Буркову стоимость украденных вещей. Мальчика Антона выпустили из заключения. Он был освобожден от наказания кнутом как малолетний. В этом же году его отдали в рекруты и, таким образом, избавились от человека, который, оставшись сиротой, оказался в сложной жизненной ситуации и не получил никакой поддержки от города, в котором жил⁸⁰.

В первой половине XVIII в. встречались и более тяжелые судьбы осиротевших детей. В том же Бежецке в 1724 г. 16-летний мальчик Алексей Гневашев покончил жизнь самоубийством. История его довольно печальна. Он рано потерял отца, а мать, как оказалось, он тяготил. Когда ему исполнилось 15 лет, он «по выбору бежецких посадских людей» был выслан в целовальники в Санкт-Петербург. Через год подросток по

неизвестным причинам вернулся к матери, и стал жить у нее в доме. Через 2-3 дня после возвращения сына, мать (вдова Фекла Акинфеева дочь Борисовская жена Гневашева), донесла об этом Бедецкому городовому магистрату. Этот мальчик был явно не нужен матери. К этому времени она уже состояла во втором браке, была замужем за надсмотрщиком крепостных дел Киприаном Львовым. До отправления в столицу мальчик жил не с матерью, а со своим дядей – братом покойного отца, Михаилом Гневашевым. В 1716 г. отчим мальчика попытался оформить фиктивную купчую на часть владений Михаила Гневашева, якобы проданных его пасынку Алексею. Но тот, вероятно, пожаловался, и дело было решено полюбовно. Однако отношения у мальчика с матерью и ее новым мужем нельзя назвать хорошими⁸¹.

После доноса матери мальчика арестовали, посадили в колодничью избу. А через неделю «оной Алексей Гневашев стал метатца и скорбеть животом, и потом уже и рвота ево непомерная изняла. И от той скорби, признавая, мы стали ево спрашивать и обыскивать, нет ли какова отравного зелья. И по обыску... при всех колодниках и караульных денщиках выняли у него, Алексея Гневашева, из кармана мышьяку и квасцов... и, призвав сторонних людей, ево, Гневашева, спрашивали, что он тот мышьяк ел ли, и он... Гневашев при всех объявил, что тот мышьяк ел сам тайно, а для какой притчины и где оной мышьяк взял, того за тою болезнию и за рвотою им, караульным, не сказал. И от того объядения он, Алексей Гневашев, будучи в колодничьей избе, и помер»⁸².

После смерти отца этот ребенок оказался в затруднительном положении, наследства у него фактическим не было (в его отчем доме проживала мать с новым мужем), другие родственники (родной дядя) не торопились за него заступаться. Возможно, в Санкт-Петербурге тоже были какие-то неприятности. Ощущая свою ненужность мальчик впал в отчаяние и отравился.

Надо сказать, что эта история произвела на городское общество сильное впечатление. Сложно сказать, насколько часто такое случалось в русских городах петровской эпохи. Но именно Петр I в 1720-е гг. впервые озаботился проблемами осиротевших детей. Безусловно, этот вопрос волновал царя только в рамках необходимости позаботиться о сохранении их имущества. Ведь население города в основном составляли податные сословия, платившие налоги в государственную казну. Начав заботиться о сохранении наследственных капиталов горожан Петр I положил начало государственной системе социального призрения. Если раньше этой проблемой занимались родственники сироты и церковь, теперь в этом должно было участвовать городское общество и создаваемые для этих целей городские учреждения.

Начинания Петра в этой сфере были продолжены и доведены до логического завершения Екатериной II уже во второй четверти XVIII в.

Первым шагом императрицы в деле облегчения жизни малолетних сирот горожан было освобождение их от платежей оклада. В 1760-х гг. освобождение от подушного оклада происходило в тех случаях, когда семья лишалась взрослого тяглеца, т.е. отца семейства. В Москве от подушного оклада освобождались все малолетние «главы» семей в возрасте до 9 лет включительно. Это происходило независимо от состоятельности умершего отца. Н.В. Козлова приводит такие примеры из жизни купеческой Москвы последней четверти XVIII в. От подушного оклада в это время были освобождены 5-летний Михаил Васильев сын Чирьев, чей умерший отец состоял купцом 1-й гильдии и платил 20 руб. оклада. Мальчик проживал вместе с матерью и двумя сестрами, 10 и 4 лет в доме купца Александра Петрова, который приходился им свойственником. Освобождался и 9-летний Ефим, сын купца 3-й гильдии Андрея Герасимова сына Мушникова. Этот ребенок вместе с матерью был вынужден снимать угол у крестьянина с. Покровского. Такова была судьба

детей, оставшихся без отца. Большая их часть не имела собственного угла, жили у свойственников или дальних родственников или снимали угол⁸³.

Каким образом малолетние «тяглецы» сводили концы с концами – можно только догадываться. Забота об осиротевших горожанах стала одной из важных аспектов реформы управления Екатерины II 1775 г. Императрица тщательно работала над юридическим оформлением опекунских учреждений. Первоначально планировалось организовать три группы таких учреждений: для дворян, для городских жителей и для сельского люда⁸⁴. Но правовую разработку получили лишь первые два учреждения — дворянские опеки и сиротские суды.

По «Учреждению о губерниях», в каждом городе при городском магистрате открывался сиротский суд для детей городских обывателей. В состав сиротского суда входили председатель — городской голова, два ратмана и городской староста⁸⁵. Городской голова возглавлял городское самоуправление, являлся доверенным лицом всех горожан (независимо от их социальной принадлежности), представлявшим их интересы перед правительственной администрацией⁸⁶. Ратманами называли советников бургомистров в городских магистратах, имевших после 1775 г. в основном судебные функции⁸⁷. Ратманы входили в состав присутствий и имели совещательный голос по всем вопросам, которые находились в компетенции магистратов⁸⁸. Староста возглавлял общество купцов и мещан и председательствовал на городских собраниях (органы местного самоуправления). В обязанности старосты входило ведение городской обывательской книги⁸⁹. Все перечисленные должности являлись выборными.

Сиротский суд должен был работать ежедневно («будучи всегда налицо»), однако разрешалось собираться на заседании в полном составе только при наличии входящих документов: указов, предложений, сообщений, прошений и др.⁹⁰ В соответствии со статьёй 297 «Учреждения»,

городовому сиротскому суду поручалось попечение о малолетних сиротах, их имуществе, а также о вдовах. Сиротский суд мог начать дело об установлении опеки над осиротевшими детьми по уведомлении о смерти родителя, которое могло исходить от городского главы, родственников или свойственников малолетних, двух посторонних свидетелей, приходского священника, а также по повелению вышестоящих учреждений: наместнического правления и губернского магистрата — и по сообщению других судебных мест⁹¹, к которым в первую очередь, по-видимому, относился городской магистрат.

По статье 302 сиротскому суду вменялось в обязанность ежегодно доносить губернскому магистрату об имуществе опекаемых, в том числе динамике их капитала, и об опекуном управлении. Помимо ежегодных обязательных отчетов сиротский суд должен был докладывать губернскому магистрату о разделах имущества вдов и сирот, а также о необходимости продажи имущества малолетнего для уплаты его долгов с «прописанием» своего мнения по этому вопросу. Губернский магистрат был также апелляционной инстанцией, куда можно было вносить жалобы на работу сиротского суда⁹².

Таким образом, сиротские суды, не являясь по своему составу и полномочиям судебными учреждениями, действовали при городских магистратах и были подотчётны губернским магистратам, обладавшими судебными функциями⁹³. На этом основании некоторые учёные относят сиротские суды к судебной вертикали власти и называют их судебными учреждениями⁹⁴.

Как упоминалось выше, сиротский суд по законодательству должен был опекать не только сирот, но и вдов. Предполагалось, что члены сиротского суда могли назначать попечителя вдове «для совета и защиты во всех ее делах» по ее желанию, т. е. помогать в судебных тяжбах⁹⁵. В случае если вдова не имела никакого имущества, сиротскому суду вменялось в

обязанность «доставить пристанище и пропитание или работу, приличную их состоянию». Это относилось и к осиротевшим детям, оставшимся без имущества. Сиротский суд должен был устраивать таких детей в училища или к «доброхотным» людям для обучения наукам, промыслам, ремеслам⁹⁶.

«Учреждение о губерниях» 1775 г. достаточно полно очертило круг полномочий сиротского суда и определило его место в системе городского и губернского управления. Историки отмечают, что губернская реформа заложила основы для создания новой системы управления Российской империей в целом и городами, в частности. Аппарат управления, созданный в ходе преобразований, почти без изменений просуществовал до 60–70-х гг. XIX в., а многие учреждения местного управления завершили свою работу лишь в 1917 г. в результате кардинальных изменений государственных структур в ходе революций⁹⁷. Реформу местного управления 1775 г. можно считать одной из наиболее удачных и прочных в отечественной истории⁹⁸.

По мнению некоторых исследователей, «Учреждение о губерниях» не было идеальным законодательным актом и требовало некоторых уточнений и изменений со стороны законодателя, в том числе по вопросам, связанным с деятельностью сиротских судов и опекунов⁹⁹. Анализ законодательства показал, что в процессе реализации реформы местного управления императрица не возвращалась к вопросам защиты прав опекаемых категорий.

Изменения в работе сиротского суда после 1775 г. были связаны с реформой Павла I, упразднением верхних земских судов и губернских магистратов, которым подчинялись соответственно дворянские опеки и сиротские суды. 13 сентября 1798 г. вышел сенатский указ о подчинении дворянских опеки и сиротских судов гражданскому департаменту палаты суда и расправы, которая, в свою очередь, подчинялась губернскому правлению. Отныне сиротский суд должен был отчитываться о состоянии имущества опекаемых, об опекуновском управлении, а также о продажах и

закладах подопечного имущества перед этой палатой¹⁰⁰. Однако в указе не было оговорено, что палаты являются апелляционной инстанцией для дворянских опекунов и сиротских судов. В результате этого жалобы на опекунов и сиротские суды стали поступать в Сенат, что значительно увеличивало объем работы последнего и усложняло решение дел в связи с его территориальной удаленностью от людей, проживавших в регионах. 13 января 1801 г. Сенат издал указ, в соответствии с которым все жалобы на опекунов, дворянские опеки и сиротские суды должны были направляться в палаты суда и расправы¹⁰¹. Таким образом, палаты суда и расправы к 1801 г. взяли на себя все функции относительно сиротских судов, принадлежащие ранее губернским магистратам.

Следует отметить, что во время правления Павла I были ликвидированы сиротские суды в «обеих столицах» (в Москве и Санкт-Петербурге). Их восстановил Александр I в начале своего правления¹⁰². Подобные действия не коснулись деятельности сиротских судов других российских городов. В городах Тверской губернии сиротские суды функционировали непрерывно с момента их учреждения.

Учреждение министерств по реформам 1802 и 1811 гг. не затронули напрямую деятельности сиротских судов. Однако создание новой системы центрального управления не могло не изменить общих принципов функционирования местных учреждений. Считается, что учреждение министерств повлекло за собой «отвлечение некоторых дел из губерний в министерства»¹⁰³, т. е. смещение центра управления губернией из региональной администрации в центр. Учёные отмечают, что между министерствами и местными учреждениями сразу появилась тесная связь¹⁰⁴. С созданием министерств все местные учреждения распределяются между ними, образуя таким образом ведомства. Ведомства — это соединение близких по функциям и назначению центрального аппарата каждого министерства и подчиненных ему местных

учреждений. Центральный аппарат ведомства осуществлял внутриведомственный контроль, рассылал акты ведомственного управления (циркуляры, приказы). Местные учреждения отчитывались перед центральным аппаратом, посылая туда множество отчетов и ведомостей¹⁰⁵. Министерская система формировала чёткую централизованную вертикаль власти. Сиротский суд как учреждение, непосредственно подчиненное гражданской палате суда и расправы, состоял в ведомстве Министерства юстиции¹⁰⁶. Однако по роду своей деятельности сиротский суд тесно сотрудничал с учреждениями и должностными лицами ведомства Министерства внутренних дел (к ним относились губернские правления, приказы общественного призрения, городничие и др.). Таким образом, министерская реформа начала XIX в. не решила противоречия екатерининского законодательства между функциями и подведомственностью сиротских судов. Решая задачи социальной поддержки, они подчинялись между тем судебным учреждениям.

Впоследствии вплоть до Великих реформ практически не издавались законы, затрагивавшие деятельность сиротских судов. Исключение составляет лишь сенатский указ 11 июня 1830 г., в соответствии с которым расширился круг обязанностей дворянских опеки и сиротских судов. С этого времени данные учреждения должны были выдавать свидетельства «об оставшемся после умершего супруга имуществе или о том, что никакого наследства для раздела с детьми первого брака не осталось», в случае если другой супруг «протестантского исповедания» повторно вступал в брак¹⁰⁷.

Заседатели сиротских судов должны были выбирать достойных опекунов к осиротевшим детям и попечителей к их имуществу из числа их родственников, свойственников или «посторонних людей доброго, честного и порядочного поведения»¹⁰⁸. В «Учреждении» отдельным

пунктом отмечалось, кого нельзя было назначать на должность опекуна. К ним относились: расточители собственного имущества; банкроты; порочные или судимые люди; те, чьи «суровые поступки известны членам городского сиротского суда»; находящиеся в ссоре с родителями малолетнего, «ибо опекуну надлежит быть кротку, человеколюбиву, попечительну, радиву и усердну к пользе малолетнего»¹⁰⁹.

Следует заметить, что часто имена назначаемых сиротским судом опекунов вписывались в журналы заседаний другим почерком или другими чернилами, явно позднее дня, когда рассматривали этот вопрос. В этих случаях имена опекунов могли вписывать в специально оставленное в тексте резолюции место. Известны случаи изменения первоначального решения о назначении опекунов и попечителей, об этом свидетельствуют зачёркивания имён ранее определенных опекунов. Наши наблюдения позволяют предположить, что процесс выбора опекунов над имуществом горожан нередко сопровождался спорами и борьбой заинтересованных сторон. Подобные разногласия между опекунами малолетних детей А. К. Штанковского, а также между городским головой Я. П. Грузинцевым и старостой Н. М. Диковым описаны в дневнике новоторжских купцов Масленниковых¹¹⁰.

В 1823 г. аналогичная борьба происходила в Осташкове. Сиротский суд назначил опекуном имущества умершего купца Козмы Корольковых купца Ивана Григорьевича Бочкарева. С этим решением был не согласен староста. Его мнение записано в журнал отдельно. Староста предлагал на эту должность купца Ивана Данилова Дрызлова, утверждая, что протезируемая ратманами кандидатура И. Г. Бочкарева является недостойной. Такая же реакция старосты последовала на решение сиротского суда назначить И. Г. Бочкарева опекуном имущества Свербихиных. Староста обвинял И. Г. Бочкарева в «неспособных поступках», обнаруженных квартирной комиссией. Однако, возможно,

причиной этому служила личная неприязнь старосты к И. Г. Бочкареву. Староста требовал донести о его особом мнении начальству, но сиротский суд ограничился записью в журнале и не изменил своего решения¹¹¹.

Для опеки и попечения каждой семьи, как правило, назначали двух опекунов. В Ярославской губернии были случаи назначения одного опекуна¹¹². В сибирских городах у одной семьи могло быть от одного до трех опекунов¹¹³. В городах Тверской губернии примеры назначения одного или трех опекунов встречаются редко, все они относятся к первой половине XIX в. В последнем случае третьим опекуном являлась мать осиротевших детей. Следует отметить, что матери стали назначаться сиротским судом опекунами с начала XIX в. В журнале заседаний Тверского сиротского суда зафиксирована просьба вдовы Евдокии Григорьевны Вагиной определить опекунов для ее осиротевших детей. По решению сиротского суда одним из опекунов стала сама просительница¹¹⁴. В этом же журнале среди рапортов и отчетов опекунов за прошедший год записан рапорт вдовы Авдотьи Горской за 1807 г. о состоянии имущества ее детей, опекуншей которых она являлась¹¹⁵.

В делопроизводственных документах сиротских судов за последнюю четверть XVIII века нам встретился лишь один случай выполнения матерью обязанностей опекунши. После смерти купца Михаила Попова члены сиротского суда выбрали опекунов его несовершеннолетней дочери — Федора Попова и Родиона Богданова. 14 июня 1798 г. вдова Михаила Попова принесла в сиротский суд «доношение», в котором сообщила о смерти обоих опекунов. Сиротский суд решил назначить опекуншей мать сироты, Ирину Ивановну. Вдова аккуратно вела отчетную документацию, ежегодно приносила в суд рапорт и приходно-расходные книги¹¹⁶.

Эти наблюдения свидетельствуют, что систематически женщинам стали доверять опеку собственных детей и попечение их имущества при

отсутствии кормильца лишь с начала XIX в., что свидетельствует об изменении положения женщины в городах в это время. Наши наблюдения также могут говорить о возрастании в общественном сознании значения матери в семье. Следует отметить, что на протяжении последней четверти XVIII — первой половины XIX в. сиротой юридически считался ребенок, потерявший даже одного из родителей, что значительно отличается от современного состояния законодательства и общественных стереотипов. Это, очевидно, связано с традиционностью российского общества в изучаемый период, в результате чего государство и общество относилось к семье как к важному общественному институту. Неполная семья нуждалась в опеке и попечении, следовательно, воспринималась как аномальное явление социальной жизни. Государство и общество осознавали необходимость присутствия обоих родителей в воспитании детей, что формировало особое отношение к институту семьи.

Назначенные опекуны воспринимались как должностные лица, подчиненные сиротскому суду. Встречались случаи, когда один и тот же человек был одновременно опекуном имущества нескольких людей. Так, в Осташкове в 1820-е гг. Степан Савин отвечал за имущество несовершеннолетних детей мещанина Алексея Харитоновича Антонова, купечкой жены Екатерины Савиной и горожанки Прасковьи Териховой¹¹⁷. Такие примеры встречаются в отчётных документах сиротских судов Ярославской губернии¹¹⁸.

За выполнение своих обязанностей опекуны могли ежегодно брать 5 % из доходов малолетнего¹¹⁹. Это являлось, на наш взгляд, немаловажным стимулом для качественного выполнения ими своих обязанностей по приращению капитала опекаемого. Фактически некоторые члены городского общества могли просто зарабатывать за малолетних сирот, используя их капитал в своих коммерческих целях.

Для обеспечения контроля за деятельностью опекунов последние должны были ежегодно отчитываться перед сиротским судом о доходах и расходах сироты и о воспитании малолетнего¹²⁰.

Иногда в ходе отчетов опекунов перед сиротскими судами возникали конфликтные ситуации. Как отмечалось выше, для опеки имущества сиротский суд назначал двух опекунов, которые должны были согласовывать между собой свои действия по опеке. Однако в первой четверти XIX в. появляется практика несогласованного ведения финансовых дел опекаемого, что и приводило к ссорам между опекунами.

Так, в 1823 г. опекун осташковский мещанин Федор Митин обратился в сиротский суд с жалобой на своего товарища по опеке Андрея Серебренникова, обвиняя его в том, что тот не участвовал в составлении годового отчета и не сообщил о заключенных им вексельных сделках. Такая же жалоба поступила в сиротский суд от А. Серебренникова на Ф. Митина. Сиротский суд пытался помирить опекунов, настаивая на необходимости ведения совместной деятельности опекунов в отношении опекаемого имущества¹²¹.

В этом же году подобный конфликт возник между опекунами Иваном Антоновым Суворовым и Мосягиным¹²², а также между Иваном Семеновым Морозовым и Петром Запутряевым. Последний обвинялся в том, что отдал деньги опекаемого под вексель, не сообщив об этом своему товарищу и не отчитавшись в сиротском суде. П. Запутряев, в свою очередь, обвинял в таких же действиях И. Морозова¹²³. Аналогичная спорная ситуация возникла между Федором Петровым Мосягиным и Степаном Шишкиным. Ф. Мосягин отказался отчитываться за опекаемое имущество после смерти своего товарища, ссылаясь на незнание, где покойный хранил имущество, капитал и векселя. Сиротский суд заподозрил его в воровстве, настаивая на составлении общего отчета¹²⁴. Опекуны Никита Северов и Иван Бочкарев тоже хранили векселя по

отдельности, но это не привело к спору между опекунами. Однако сиротский суд, узнав об этом, запретил им хранить опекаемое имущество «в разных местах»¹²⁵.

Одним из важнейших аспектов опекунской работы были взыскания долгов в пользу опекаемых. Проценты с денег, отдаваемых в долг, часто были основным и даже единственным доходом опекаемых¹²⁶. К примеру, капитал умершего купца Михаила Попова опекуны ежегодно отдавали в рост под 6 % годовых. Слепой сирота Абрам после смерти родителей, посадских людей Уединовых, получал доход от ежегодных вексельных сделок с момента учреждения опеки в 1791 г. до своего совершеннолетия в 1803 г.¹²⁷ В 1778 г. сиротский суд «взял в рассмотрение» имущество тверского купца Ивана Воротилницына по причине «его слабого стояния», и после вступления в должность опекуны отдали вверенные деньги (725 р. 70 коп.) в рост под проценты¹²⁸.

Кредит был важнейшим условием торговли и использовался всеми слоями городских обывателей¹²⁹. Поскольку в это время еще не сложилась банковской системы, была необходимость пользоваться частными займами¹³⁰. Е. А. Зуева, исследовав материалы сиротских судов городов Сибири, отмечает, что опекуны, заботясь о приращении капитала, должны были предоставлять его частным лицам и государственным учреждениям под проценты. На деле же в сибирских городах капитал часто оставался в руках опекунов или родственников для их собственных торговых операций¹³¹. При исследовании документов Тверского сиротского суда такой практики не выявлено, что свидетельствует о более точном выполнении тверскими опекунами задачи, возложенной на них государством. Однако, на наш взгляд, использование капиталов сирот в личных интересах опекунов, наблюдаемое в Сибири, не противоречит основной задаче института опекунства. Опекуны назначались, как правило, из родственников или свойственников, которые являлись гражданами

этого же города. Следовательно, это в любом случае способствовало развитию торговой жизни в городском пространстве.

Взыскания с должников в пользу опекаемых должны были производиться через городские магистраты, наряду с другими исками¹³², потому что именно эти учреждения обладали информацией обо всех вексельных сделках и долговых обязательствах горожан. В городах Тверской губернии противоречий законодательству в этой области не было и сиротский суд сам не занимался взысканием долгов¹³³.

Несмотря на то что при учреждении опеки опекуны сообщали сиротским судам обо всех долговых обязательствах, иногда эта информация обнаруживалась случайно. Так, в 1803 г. в Вышнем Волочке опекунша Анисья Михайловна случайно нашла за шкафом вексель на новоторжского купца Козму Артемьева Минина на сумму 390 руб. Она самостоятельно отнесла вексель для взыскания в городской магистрат и сообщила об этом сиротскому суду¹³⁴. Однако чаще опекуны прибегали к помощи сиротских судов при взыскании долгов, сиротский суд представлял интересы опекаемых в городских магистратах¹³⁵. В 1825 г. опекуны Василий и Леонтий Матушкины дважды обращались в Вышневолоцкий сиротский суд с просьбой взыскать 500 руб. в пользу опекаемого¹³⁶. Сиротский суд помогал им, но сами взыскания производились в городском магистрате.

23 июня 1832 г. вышел «Устав о торговой несостоятельности». В нем особо оговаривалась ответственность опекунов и попечителей за убытки малолетнего в случае, если опекун отдал деньги в долг человеку, оказавшемуся впоследствии «несостоятельным». Кроме того, если опекун использовал капитал опекаемого в своих интересах, а потом оказывался «несостоятельным», т.е. разорялся, то он подвергался взысканию, определенному законом «за злоупотребление опекунами и попечителями предоставленной им власти»¹³⁷.

Важно отметить, что уже в 1823 г. в Осташкове сиротский суд стал тщательно следить за тем, какую сумму, кому, на какой срок и за чьим поручительством опекуны отдавали в долг под вексель¹³⁸. Опекуны не просто сообщали сиротскому суду о подобных сделках, но должны были показывать вексель членам сиротского суда, которые, в свою очередь, отчитывались по этому вопросу перед палатой гражданского суда и расправы¹³⁹. В случае если опекуны не предоставляли сведений о векселях, сиротский суд выдавал им вторичный указ о необходимости отчитаться по этому вопросу¹⁴⁰. Сиротский суд обращал особое внимание на «надежность» и состоятельность поручителей, записанных в векселе. С 1823 г. опекуны также сообщали сиротскому суду о продажах лавочного товара, принадлежавшего опекаемым¹⁴¹. Эти примеры дают основание говорить, что в Осташкове реальная практика опережала законодательство.

Контроль за своевременным взысканиям по векселям опекаемых осуществлял и ТПП. В 1823 г. ТПП запросил у Осташковского сиротского суда информацию об опекаемом имуществе купца Козмы Королькова. ТПП интересовался векселями и процентами, получаемыми по ним¹⁴². По сведениям сиротского суда, деньги были выплачены только одним из векселедавцев — Щетининым. Остальные должники, по замечанию сиротского суда, были неплатежеспособны. ТПП потребовало от сиротского суда внимательно следить за своевременными взысканиями в пользу Корольковых.¹⁴³ В этом же году ТПП наложило «запрещение» на имущество одного из опекунов в г. Осташкове за то, что тот отдал капитал опекаемого под «неблагонадежный» вексель¹⁴⁴.

Усиление финансового контроля за деятельностью опекунов привело к резкому увеличению числа их рапортов, поступавших в сиротский суд в течение года, и к общему увеличению количества бумаг, однако это способствовало более эффективной работе сиротского суда по контролю за состоянием опеки.

Долговые обязательства могли лежать и на самом опекаемом имуществе: часть из них возникали еще до учреждения опеки, другие появлялись в процессе опекунской деятельности. Сиротские суды должны были следить за уплатой долгов с опекаемого имущества¹⁴⁵. При установлении опеки сиротский суд должен был объявлять «о вызове кредиторов»¹⁴⁶. Объявление «о вызове кредиторов» отправлялось в ТГП, оттуда в 1 и 6 департаменты Сената и лишь затем отдавалось в печать в Московские и Санкт-Петербургские ведомости¹⁴⁷. В 1823 г. такое объявление было составлено в Осташковском сиротском суде по поводу имущества умерших купца Афонасия Фомина и его жены¹⁴⁸. 9 августа 1823 г. сиротский суд получил указ ТГП с требованием сообщить Осташковскому магистрату срок для печати объявления в ведомостях по делу умершего мещанина Ефима Алексеева Суворова¹⁴⁹. Наряду с печатью объявлений в ведомостях, информация о «вызове кредиторов» передавалась городничему для трансляции в пределах города¹⁵⁰. Городничий объявлял горожанам о поисках кредиторов имущества, находящего под опекой¹⁵¹, собранные им долговые претензии отсылались в сиротский суд. Так, 10 октября 1823 г. в Осташковский сиротский суд от городничего поступило 8 долговых документов от разных лиц на имущество умершего купца Трофима Абрамова Мосягина¹⁵².

Взыскания долгов с опекаемого имущества производились в городских магистратах¹⁵³. Они сообщали сиротским судам о векселях и всех долговых обязательствах, поступавших для взыскания с имущества, над которым была учреждена опека, а также о результатах взысканий¹⁵⁴. В этих сообщениях городской магистрат излагал тексты доношения и прошения купцов, мещан, чиновников («колегских советников»¹⁵⁵), крестьян с требованиями «выплатить долги», сделанные умершим при жизни.

Иногда в процесс взыскания долгов с опекаемого имущества вмешивалось Тверское наместническое правление. В журнале заседаний Осташковского суда за 1790 г. зафиксирован указ ТНП о взыскании денег по вексям из имущества Герасимова¹⁵⁶. Указ ссылался на просьбу, которая поступила в ТНП от жителей Осташкова. В 1823 г. Осташковский сиротский суд получил указ ТГП, предписывавший взыскать с мещанина Ефима Алексеева Суворова 217 руб. в пользу дворового человека помещицы Александры Ельчаниновой Архипа Дмитриева¹⁵⁷; в этом же году — указ о погашении долгов с имущества умершего мещанина Николая Алексеева Пыпкина по требованию городского магистрата¹⁵⁸. По указу ТГП, записанному в журнале заседаний Вышневолоцкого сиротского суда 1838 г., сиротский суд должен был без промедления взыскать необходимую сумму с имущества умершей мещанки Парасковьи Сучковой¹⁵⁹.

12 августа 1797 г. вышел Сенатский указ «О взыскании справедливых и доказательных долгов по всей строгости, не смотря на лица и не уважая опек, кроме учрежденных над малолетними и сумасшедшими¹⁶⁰. В указе оговаривались случаи, когда взрослые лица (должники) добровольно «отдают себя под опеку и попечительство» для того, чтобы избежать платежа¹⁶¹. Попечение имущества расточителей было предусмотрено в «Учреждении о губерниях», что давало возможность должникам законно использовать институт опекунства в своих целях. 31 октября 1828 г. вышел сенатский указ «О продаже заложенных в Приказах общественного призрения имений, принадлежащих малолетним». В указе акцентировалось, что опекуны, так же как остальные граждане, обязаны выплачивать в срок долги по кредитам, взятым в Приказах общественного призрения, они должны «заблаговременно изыскивать меры к уплате долгов»¹⁶².

Служащие сиротских судов наказывались за несвоевременные взыскания долгов с опекаемого имущества. Например, в 1825 г. в Вышневолоцкий магистрат поступил указ ТГП «о наложении пени» на городовой магистрат и сиротский суд за неудовлетворение претензии купца Тимофея Синькова «из имущества» малолетних Вершининых. Сумма долга составляла 956 руб. 97 коп. Указ поступил в начале сентября, однако в середине ноября долг опекунами еще не был выплачен¹⁶³.

В Осташкове сиротский суд часто не торопился с взысканием долгов с опекаемого имущества, что побуждало городовой магистрат присылать повторные (а иногда «третичные») сообщения о необходимости «удовлетворить» кредиторов¹⁶⁴. Медлительность сиротского суда, скорее всего, была связана с позицией опекунов, которые могли не располагать необходимыми средствами для погашения долгов.

Были случаи, когда опекуны отказывались удовлетворять долговые претензии, поступившие на опекаемое имущество. В Вышнем Волочке опекуны Василий Тормохов и Егор Калугин заявили о невозможности удовлетворить долговые претензии купца Камогровского на сумму в 223 руб. и просили освободить опекаемых Тормоховых от городских повинностей, поскольку они не имеют средств для пропитания¹⁶⁵. Опекуны имущества умершего Зубова Иван Жуков и вдова Пелагея Зубова также сообщили в 1820 г., что расплачиваться с долгами покойного им нечем¹⁶⁶. Отказался выплачивать недоимки и опекун осиротевших Тарасовых мещанин Степан Андреев Тарасов, объясняя это тем, то «в наличности денег нет»¹⁶⁷. В этих случаях сиротский суд, как правило, советовал отдавать дом опекаемого в наем или самостоятельно искать источники доходов для оплаты долгов и недоимок¹⁶⁸.

В 1838 г. в Вышнем Волочке опекуны Калугиных, назначенные после смерти их матери, купец Семен Воронов и мещанин Дмитрий Калугин отказались выплачивать долг 1300 руб. купцу Воскресенскому за

неимением денег. Сиротский суд предложил опекунам продать имущество для удовлетворения кредитора, а опекаемых отдать на иждивение и попечение отца Петра Калугина¹⁶⁹.

Сиротские суды не имели права самостоятельно принимать решение о продаже недвижимости. Однако иногда, сообщая губернскому магистрату о долгах опекаемых, сиротские суды высказывали свое мнение о необходимости продать недвижимое имущество¹⁷⁰. Например, 20 мая 1781 г. Тверской сиротский суд написал в губернский магистрат, что, по его мнению, следует продать имущество купца Козина, чтобы расплатиться с долгами. Однако окончательное решение выносил губернский магистрат. В 1780 г. Тверской сиротский суд получил указы губернского магистрата, которые содержали постановления продать дом умершего купца Иова Кабатова, чтобы расплатиться с его долгами. 24 февраля 1780 г. губернский магистрат санкционировал продажу недвижимости умершего купца Ивана Шевякова. Сиротские суды остальных городов Тверской губернии также запрашивали разрешения губернского магистрата продавать дом и другое имущество опекаемых для уплаты долгов и делали это лишь получив разрешение¹⁷¹.

К концу XVIII в. происходит усиление контроля над деятельностью опекунов и сиротских судов. Указ 11 марта 1793 г. предусматривал обязательное «представление» Сенату о закладах и продажах опекунами имущества опекаемых. Сенат запрещал губернским магистратам самостоятельно решать эти дела без его разрешения, как было предусмотрено ранее, когда эти вопросы разбирались в губернском магистрате¹⁷². После публикации указа Тверской губернский магистрат выслал в сиротские суды губернии напоминания, чтобы имущество сирот ни в коем случае не продавалось и не закладывалось без его разрешения¹⁷³.

Изменение порядка продажи недвижимости опекаемых может свидетельствовать о повышении внимания к проблемам осиротевших

детей со стороны центральной власти. Однако подобное изменение порядка, введенного в 1775 г., свидетельствует и о появлении тенденции к централизации управления, что противоречит основному замыслу «Учреждения о губерниях». В связи с этим наблюдением нельзя не согласиться с мнением дореволюционного историка А. Д. Градовского, который, высоко оценивая замысел императрицы по децентрализации управления и формированию «самоуправления в сословной его форме», отмечал, что «Учреждения о губерниях» подвергались испытаниям исторического опыта, что значительно деформировало их смысл¹⁷⁴. Искажение первоначального замысла императрицы при реализации преобразований отмечали многие исследователи екатерининского правления¹⁷⁵.

После ликвидации губернских магистратов разрешение на продажу недвижимости сиротские суды стали запрашивать в палате гражданского суда и расправы, а та, в свою очередь, — в Сенате. Последний уведомлял о своем согласии на продажу имущества губернское правление, а оно, в свою очередь, — палату гражданского суда и расправы¹⁷⁶; такая процедура была проведена по делу о продаже имущества умершей купечкой жены Натальи Антоновой¹⁷⁷, Егора Фомина Сусленикова¹⁷⁸ и Павла Дружинина для погашения их долгов¹⁷⁹. Пройдя такую же процедуру, Осташковский сиротский суд получил одобрение на продажу имущества умершего купца Евдокима Иванова Антонова для получения денег на содержание его несовершеннолетних детей. Подобная система принятия решений свидетельствует о централизации аппарата управления.

В 1823 г. Осташковский сиротский суд дважды получил указ, содержащий разрешение гражданской палаты на продажу имущества умершей мещанки Серебренниковой, но только в случае согласия ее совершеннолетних детей Алексея и Андрея¹⁸⁰.

Убедительными причинами для продажи опекаемого недвижимого имущества были необходимость расплатиться с долгами и недостаток средств для содержания сирот. По Сенатскому указу 1804 г., дома сирот могли продаваться также «по совершенной деревянного строения ветхости или требующие на содержание их более, нежели получается с них дохода, или же для раздела между наследниками совершеннолетними и малолетними»¹⁸¹. При отсутствии этих обстоятельств сиротский суд мог не получить разрешения на продажу. В делопроизводственной практике Осташковского сиротского суда в 1823 г. был случай, когда палата гражданского суда и расправы не дала своего согласия на продажу недвижимого имущества. Основанием для такого решения был возраст опекаемого Королькова. На тот момент ему было 19 лет, «гражданская палата» рассудила, что за 2 года (до достижения им совершеннолетия) недвижимость не успеет «обветшать»¹⁸².

23 мая 1804 г. Сенатом был установлен особый порядок продажи движимого имущества опекаемых, который отличался от процедуры продажи имущества для выплаты казенных или партикулярных долгов. Имущество малолетних могло также продаваться, «потому что иные вещи для малолетних не нужны, другие до пришествия их в совершеннолетие не могут сохраниться в целости»¹⁸³. Продажа движимого имущества малолетних должна была производиться с аукциона — для «большей выгоды» под наблюдением дворянских опеков или сиротских судов. В указе отмечалось, что имущество должников положено было продавать без аукциона «с трех публичных торгов»¹⁸⁴. По сенатскому указу от 27 июня 1807 г., сиротским судам разрешалось продавать опекаемое имущество, подверженное быстрой порче, не спрашивая решения вышестоящих инстанций¹⁸⁵. На этот закон ссылались сиротские суды, принимая решение о продаже движимого имущества. Однако в ПСЗ РИ этот указ обнаружить не удалось.

Важно отметить, что на практике сиротский суд мог самостоятельно принимать решение относительно продажи движимого имущества и до публикации в начале XIX в. вышеописанных указов. В состав движимого имущества обычно включалась одежда, иногда украшения и посуда¹⁸⁶. Таким образом, сенатский указ закреплял уже сложившийся в городах порядок.

Указ 12 марта 1824 г. подробно прописал, в каких случаях следует «производить продажу движимых имений» сирот, состоящих под опекой. Закон устанавливал: «1) продажу движимого имущества малолетних, состоящего в вещах, тлению и порче подверженных, производить на правилах, доныне на сие существующих; 2) но продажа вещей, тлению не подверженных, заключающихся: в серебре, золоте, жемчуге и всякого рода драгоценных камнях, может быть допускаема только в следующих случаях: а) если продажа сих вещей необходима для уплаты долгов малолетнего, наследованных им вместе с имением; б) если она необходима для содержания малолетнего; в) если означенные вещи составляли товар того лица, от которого они перешли к малолетнему, во всех сих случаях опекуны должны входить с представлением в дворянскую опеку или сиротский суд, и дело [через палату гражданского суда и расправы] поступает на окончательное рассмотрение в Правительствующий Сенат; по разрешению же продажа означенных вещей производится под непосредственным надзором опеки или сиротских судов, которым при сем случае вменяется в обязанность строго наблюдать и охранять выгоды малолетнего»¹⁸⁷.

Эти законы сохраняли право сиротских судов самостоятельно принимать решения относительно продажи движимого имущества. Однако на практике были исключения. В 1811 г. в Осташкове продажа «с публичного торгу» движимого имущества умершей мещанки Н. А. Нечаевой была произведена лишь после согласия палаты гражданского суда и расправы¹⁸⁸.

По закону о публичной продаже опекаемого имущества должны были объявлять гражданам через городскую полицию или ведомости. В объявлениях о публичной продаже сообщалась причина, предмет продажи, время и место торга, место, где можно ознакомиться с описью и оценкой имущества. Объявление в ведомостях необходимо было делать трижды¹⁸⁹. В городах Тверской губернии оповещением обывателей («публики») об организации публичных торгов, на которых продавалось имущество опекаемых, занимался городничий. С торгов продавали одежду покойных родителей сирот, которая уже не могла пригодиться детям¹⁹⁰.

Продажи дворовых людей из имущества опекаемых не были характерны для городского пространства и встречались в делопроизводстве сиротских судов крайне редко. Нетипичность этих случаев предопределила активное участие в таких делах ТГП. Так, правление отслеживало, как в 1829 г. проходила продажа дворовых людей, принадлежавших калязинским жителям Тугариновым, напоминая, что об этой продаже необходимо сообщить городским и земским помещикам¹⁹¹. Наличие в делопроизводстве сиротских судов Тверской губернии опекунских дел дворян подтверждает вывод В. В. Рабцевич о всесословности этих учреждений¹⁹².

Нередкими были случаи раздела опекаемого имущества, на который претендовало несколько родственников умерших горожан. Полюбовные разделы имущества, как правило, разбирались через сиротские суды¹⁹³, в том числе и дела о «выделе» части имущества вдове¹⁹⁴. При возникновении споров и конфликтов решении дел о разделах обычно участвовали городские магистраты¹⁹⁵, что соответствовало их судебным функциям¹⁹⁶. Сиротские суды рапортовали в губернский магистрат, а затем (с 1797 г.) в палату гражданского суда и расправы об имущественных спорах в семьях опекаемых и результатах их решения¹⁹⁷. Иногда в решение вопросов о разделах опекаемого имущества вмешивалась губернская

администрация. Так, 19 октября 1783 г. ТНП просил Бежецкий сиротский суд отчитаться, почему до сих пор не был произведен раздел имущества покойного именитого гражданина Ревякина¹⁹⁸, дело было велено передать в городской магистрат¹⁹⁹. Основанием для этого была медлительность Бежецкого сиротского суда.

В случае несогласия с решением о разделе имущества любая сторона могла подать на апелляцию. Апелляционной инстанцией для сиротских судов был в последней четверти XVIII в. губернский магистрат. В Твери апелляционные просьбы подавались горожанами непосредственно в губернский магистрат, минуя сиротский суд. В других городах Тверской губернии апелляционные дела, как правило, при описи отправлялись сиротским судом в губернский магистрат²⁰⁰, что объясняется территориальной удаленностью апелляционной инстанции от жителей уездных городов. Однако были исключения. 7 февраля 1788 г. губернский магистрат сообщил Вышневолоцкому сиротскому суду, что по делу Латышева подали апелляцию²⁰¹.

С упразднением губернских магистратов в 1797 г. апелляционной инстанцией для сиротских судов стала палата гражданского суда и расправы. 29 октября 1815 г. был издан сенатский указ, в соответствии с которым опекуны, так же как и частные лица, должны были платить штраф за «неправую апелляцию» по какому-либо судебному делу опекаемого. Взыскивать эти штрафы предусматривалось с имущества малолетних²⁰².

Сам процесс апелляции также требовал затрат. По указу гражданской палаты 1825 г., дела должны были передаваться на апелляцию на листах «рублевого достоинства»²⁰³. За саму апелляцию с горожан также взыскивали деньги. Взысканием штрафных денег за «неправую апелляцию» и необходимую сумму за гербовую бумагу занимались сиротские суды²⁰⁴. Нередко о необходимости взыскивать деньги за апелляцию сиротским судам напоминал городской магистрат²⁰⁵,

что подчёркивает тесную связь этих учреждений. Эти деньги, в свою очередь, сиротские суды отправляли в уездные казначейства²⁰⁶. Соблюдение всех этих правил опекунами контролировали сиротские суды. Когда опекуны Гаврила Большаков и Семен Калугин отказались выплатить необходимую сумму за использование гербовой бумаги, объяснив это отсутствием средств в опекаемом имуществе, сиротский суд Вышнего Волочка в ответ порекомендовал отдать в наем дом и тем самым выручить необходимые деньги²⁰⁷.

Завершая долгий разговор о положении осиротевших детях из «городского сословия», заметим, что выделение сирот как проблемы в последней четверти XVIII в. уже является неким прорывом в общественном сознании. Однако, как видно при более близком рассмотрении дел, и государство и городское общество, в первую очередь, волновала финансовая сторона этого вопроса. Государство было заинтересовано в сохранении и преемственности купеческих капиталов, а сами горожане заботились о своих личных меркантильных интересах. Опека осиротевших горожан, точнее их имущества, удовлетворяла интересам и тех и других. А вот сами дети не всегда оставались в выигрыше от действий своих попечителей и опекунов. Заступиться за них было тогда еще некому.

Раздел 3. «Разночинная» компания

Глава 1. Дети дворян и чиновников в городском пространстве

Городское население в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. отнюдь не состояло исключительно из торгово-ремесленного населения. Помимо купцов и мещан в городах проживали дворяне и крестьяне. Безусловно, это, в первую очередь, относилось к губернским городам, так как в них находилась губернская администрация, представленная, преимущественно, представителями дворянского сословия. Малые уездные города, в особенности если в округе не было поместий, редко могли похвастаться проживавшими в них дворянами со своей дворней.

В XVIII в. отношение к детям в дворянских семьях практически не отличалось от купеческих, мещанских и крестьянских семей. Дворяне обращались с детьми довольно сурово, не пренебрегая физическими наказаниями.

Подобное отношение к детям в период их воспитания и обучения в лучших сочинениях этой эпохи оправдывалось тем, что «детская натура по существу зла и что необходима усиленная борьба с заложенными в душе ребенка зачатками пороков»²⁰⁸.

Особенности воспитания в дворянских семьях и семьях чиновников нам известны из воспоминаний. В.Н. Геттун (1771 – 1848), дворянин, ставший впоследствии крупным чиновником, писал: «Отец мой чрезвычайно был к детям своим строг и взыскателен, и я в жизнь свою ничего так не боялся, как гнева отца моего».

Известный писатель граф В.А. Соллогуб (1813 – 1882) вспоминал о своем детстве: «в то время любви к детям не пересаливали... Их держали в духе подобострастия, чуть ли не крепостного права, и они чувствовали, что созданы для родителей, а не родители для них»²⁰⁹.

Между матерями и дочерьми и между отцами и сыновьями было мало

истинной любви и эмоциональной привязанности, преобладали отношения идентификации и руководства. Интересно, что отношения матерей и сыновей были более трепетными. Женщины, которые выходили замуж не по любви, а по сговору родителей, как правило, не испытывали теплых чувств по отношению к своему мужу. Зато они зачастую компенсировали это искренней любовью к своим сыновьям. Последние, в свою очередь, отвечали матерям взаимностью, в то время как своих отцов они не любили, а скорее боялись. Положение дочери в дворянской семье было еще более сложным. Девочки воспитывались в строгости, которая исходила как от отца, так и от матери²¹⁰.

Семейный портрет. Ф.И. Хруцкий 1854 г.

Семейная картина (на балконе).
М.Ф. Славянский 1851 г.

Е.П. Янковая (1768 – 1861),
дворянка по происхождению, так
вспоминает свои детские годы:
«В то время дети не бывали при
родителях неотлучно..., не смели
прийти, когда вздумается, а
приходили поутру
поздороваться, к обеду, к чаю и к
ужину или когда позовут за чем-
нибудь... Мы не смели сказать: за
что вы на меня сердитесь, а
говорили: за что вы изволите
гневаться... Мы наших родителей
боялись, любили и почитали.
...В наше время никогда никому
и в мысль не приходило, чтобы
можно было послушаться отца

или мать и беспрекословно не исполнить, что приказано», дети не смели
при родителях сесть без разрешения, отвечали не иначе как стоя²¹¹.

Такова общая характеристика положения детей в дворянских семьях.
Следует сказать, что дворяне последней четверти XVIII – первой половины
XIX в. – это, преимущественно, сельские жители. После издания Петром
III Манифеста о дворянской вольности в 1762 г. и Жалованной грамоты
дворянству Екатерины II (1785 г.) значительное число дворян покинуло
государственную службу и устремилось в свои имения, где они с
увлечением стали заниматься своим хозяйством. В городах в основном
проживала та часть дворянства, которая занималась государственной
гражданской службой, в губернских, центральных или высших органах

власти. Из этих людей в первой половине XIX в. постепенно формировалось чиновничество.

Ребенок из дворянской семьи, как правило, проводил ранние детские годы в поместье своих родителей. В зажиточных дворянских семьях ребенок сразу после рождения переходил на попечение кормилицы и нянек. С 5 –

Кабинет князя Долгорукого в Москве.
Неизвестный художник. XIX в.

7 лет к нему приставляли домашних учителей и гувернеров. В бедных дворянских семьях воспитанием и образованием ребенка до поступления в учебное занимались сами родители²¹².

С городом дворянский отпрыск впервые сталкивался при поступлении в какое-либо учебное заведение. После домашнего воспитания и обучения няньками, гувернантками, гувернерами или собственными родителями ребенок попадал в город, а именно в какое-нибудь учебное заведение. Жизнь в стенах школы или училища у ребенка была не простой. Главным воспитательным средством в это время повсеместно считались телесные наказания. Б.НГ. Миронов приводит следующие данные, свидетельствующие о широком распространении использования телесных наказаний. В 1858 г. в 11 гимназиях Киевского учебного округа из 4109 учеников телесному наказанию подвергся 551 (13 %), а в одной гимназии даже 48 % учеников²¹³. Декабрист В.И. Штейнгейль писал в своих воспоминаниях:

«Способ исправления состоял в истинном тиранстве. Капитаны, казались, хвастались друг перед другом, кто из них бесчеловечнее и безжалостнее сечет кадет. Каждую субботу подавались ленивые сотнями, и в дежурной

Порка. Рисунок. Неизвестный художник. XIX в.

комнате целый день вопль не прекращался. Один прием наказания приводил сердца несчастных детей в трепет. Подавалась скамейка, на которую двое дюжих барабанщиков растягивали виновного и держали за руки и ноги, а двое со сторон изо всей силы били розгами, так что кровь текла ручьями и тело раздиралось в куски. Нередко отсчитывали до 600 ударов и более, до того, что несчастного мученика относили прямо в лазарет». В лучшей школе Санкт-Петербурга – Аннинском училище, в 1830-х гг. использовали в качестве наказаний обыкновенное сечение, карцер и сечение по ладоням. «К двум последним прибегали редко, зато последнее было почти в ежедневном ходу»²¹⁴.

Их обучение в последней четверти – первой половине XIX в. заканчивалось к 16 годам. Считалось, что к этому времени молодой человек уже готов к службе, а девушка – к замужеству. Если образование юного дворянина продолжалось за границей, оно могло длиться до 18 – 20 лет, т.е. вплоть до его совершеннолетия. После окончания обучения молодые люди приступали к службе, которая соответствовала их положению и образованию – военную, гражданскую или придворную.

Дети бедных дворян и чиновников нередко были вынуждены рано заниматься какой-нибудь канцелярской работой. 16 – 18 лет считалось

нормальным возрастом для начала государственной гражданской службы в первой половине XIX в., несмотря на то, что в это время постепенно повышались требования к чиновникам и их квалификации. В некоторых случаях гражданская служба для таких детей начиналась и раньше: в 13-14, и даже в 10 лет.²¹⁵ Ранний выход на работы детей чиновников имел несколько причин. Во-первых, это было связано с традиционно небольшим жалованием, которым, обычно, ограничивались доходы в этом новом сословии.

Средние и мелкие чиновники были довольно бедные. Работающие дети помогали поддерживать финансовое благополучие. Кроме того, они получали возможность раньше продвинуться по служебной лестнице (благодаря опыту) и получить чины. Второй

Портрет семьи Бенуа.
Неизвестный художник. 1816 г.

причиной можно считать то, что чиновники, как правило, поздно заводили детей. Это также было связано с относительно низким достатком. Малый чин и небольшое жалование не позволяли чиновнику заводить детей раньше 30 лет. С возрастом, когда служебное и материальное положение улучшалось, увеличивалась и численность семьи²¹⁶. В результате «позднего» рождения увеличивалась вероятность того, что дети чиновников рано осиротеют, не достигнув совершеннолетнего возраста. Пример такой вынужденной работы в городской канцелярии был в Твери. Младший сын Диомид Карманов Петр рано остался без отца, в 10 лет. Диомид Карманов в последней четверти XVIII в. был «главным» чиновником Тверской губернии. Сам он происходил из купеческого

сословия, но, на правах вольного слушателя, получил образование в Тверской семинарии и стал самым грамотным человеком губернии. Он работал канцеляристом и регистратором сразу в нескольких учреждениях городского и губернского уровня (городовой магистрат, сиротский суд, губернский магистрат и пр.)

Кабинет в Островках, имени Н.П. Милюкова.
Г. Сорока 1844 г.

Разумеется, в каждой семье система воспитания зависела от ценностных ориентаций родителей, эмоционального отношения к ребенку. Существовали семьи, в которых приоритет отдавался более гуманным воспитательным методам. Понимание ценности детской личности нашло отражение в правилах,

изложенных тверским помещиком, отцом известного революционера А.М. Бакуниным, которыми он руководствовался в воспитании своих детей: «1) приобретать ласковым, дружеским и снисходительным обращением искренность и любовь детей своих; 2) не оскорблять их несогласием не только с моими прихотями, но и со мнениями, и когда нужно вывести их из заблуждения, убеждать их в истине советами, примерами, рассудком, а не отеческою властью; 3) отнюдь не требовать, чтобы они меня исключительно любили, но радоваться новым связям их, лишь бы непорочны были; 4) стремиться, чтобы они праздными никогда не были и жили по возможности нашей весело и приятно; 5) как скоро достигнут совершенного возраста, сделать их соучастниками нашего имущества, 6)

не требовать, чтобы дети мои волею или неволею богомольничали, а внушать им, что религия единственное основание всех добродетелей и всего нашего благополучия». Согласно представлениям Бакуниных, относившихся к просвещенной части тверского дворянства, родители должны руководствоваться в воспитании чувствами взаимного уважения, дружеского расположения и любви, прививать добродетели. В ответ на ошибки детей прибегать не к физическим наказаниям, а к рациональным убеждениям, отеческому совету. Подобные принципы носили новаторский характер в глазах провинциального общества начала XIX в.

Проявления искренней любви, привязанности к детям можно обнаружить в эпистолярных источниках первой половины XIX в. других представителей тверского дворянства. В 1828 г. А.Е. Измайлов, тверской вице-губернатор, в письме к сыну Александру проявляет заботу о его будущем накануне семнадцатилетия и дает рекомендации по случаю переезда сына из Твери в Москву, вероятно, для поступления в учебное заведение, указав фамилии своих близких приятелей, которые смогут быть ему полезны. Заканчивается письмо словами, в полной мере выражавшими отеческие чувства: «Прощай. Да благословит тебя Бог! С нетерпением буду ждать от тебя завтра писем, а потом из Москвы. Любящий тебя отец твой А. Измайлов».

Дети отвечали не меньшей преданностью и любовью на доброе к себе отношение родителей. Примером искреннего почтения к родителям является письмо 1819 г. тверского помещика И.П. Вульфа, скорбевшего о смерти брата: «Милый папенька и милая маменька, целую милые ваши ручки и молю Бога о сохранении драгоценнейшего для нас вашего здоровья. Милый папенька, брат нас покинул, он теперь с Богом; поберегите себя, милые папенька и маменька, вспомните, что здоровье ваше есть единственное для нас сокровище, не огорчайтесь, сделайте милость... С глубочайшим почтением остаюсь покорным вам сыном».

Утрата близкого человека, безусловно, заставляла проявлять бóльшую заботу о родителях.

Тем не менее, в искреннем беспокойстве сына о здоровье родителей и почтении, оказываемом им даже не в столь трагичные моменты жизни, сомневаться не приходится. Не менее трогательное письмо к родителям тверского дворянина А.И. Чагина, готовившегося к выпуску в 1810 г. из Санкт-

Портрет Екатерины Ивановны Новосильцевой с детьми. Неизвестный художник. 1830 г.

Петербуржского учебного заведения и поступлению на службу. Делясь с родителями успехами в учебе, Чагин не забывает проявить к ним крайнее уважение и почтение, используя эпитеты «любезные родители», «драгоценные родители», «щедроты родительской милости».

Но не во всех семьях складывались столь гармоничные отношения между родителями и детьми. И если на первый взгляд можно подумать, что дети в дворянско-чиновничьих семьях получали более благопристойное воспитание, то многочисленные жалобы, поступавшие от родителей в Тверской совестный суд, порой опровергают связь между социальным статусом и качеством воспитания.

В 1843 г. в Тверской совестный суд поступила жалоба от коллежского асессора П.К. Васильева на сына, служившего дворянским заседателем Тверского земского суда, который «обнаружил все знаки развратного своего нрава... А сверх того утаил от меня полученные на мое имя деньги и письма от крестьян моих...». Раздосадованный поведением

сына и супруги, потворствовавшей и защищавшей его, истец просил «за непокорность, неуважение и ложь наказать сына, как законы повелевают, охраняя от сына как злодея...». В данном случае избалованность сына матерью и потакание его прихотям спровоцировало непослушание к родителям и склонность к обману и воровству, за что ему грозило по закону заключение в смирительном доме сроком от 6 месяцев до 1 года¹⁰.

Не меньшие неприятности причинял титулярному советнику А.В. Васильеву его сын коллежский регистратор Петр, который неоднократно избивал своего родителя, чем вынудил того обратиться в 1831 г. к властям с просьбой отправить «сына для обуздания в военную службу против польских мятежников, ... чем доставит мне в жизни спокойствие и удовлетворение». Лишь угроза наказания за оскорбление отца смогла обуздать строптивца и заставить покаяться.

Непослушание родителям оказывали не только сыновья, но и дочери, к поведению которых предъявлялись более строгие требования. В 1830 г. Тверской совестный суд разбирал дело о непристойном поведении дочери титулярного советника Праскевы Степановны в замужестве Никульской. После смерти мужа Праскева, вернувшись в родительский дом, «причинила великие грубости и непочтения..., а затем самовольно отошла на особую квартиру». Ее распутный образ жизни обесчестил не только память покойного мужа, но и фамилию родителей, которые вынуждены были вмешаться и потребовать «отослать ее в Осташковский Знаменский девичий монастырь впредь до исправления и раскаяния, а дабы она из Твери утечки не учинила, поддержать ее под присмотром тверской полиции».

Семейство за чайным столом.
Т.Е. Мягков 1844 г.

Женитьба детей не прекращала их зависимости от родителей. Взрослые дети, имевшие собственные семьи, обязаны были считаться с мнением родителей, демонстрировать им свою любовь, преданность и покорность. Вдовство возлагало большую

ответственность за непрерываемую репутацию не только на плечи супруга, но и его родителей. Таковы были правила, и нарушение их влекло за собой общественное порицание. Распространенной статьей обвинения был отказ в содержание немощных родителей детьми, к чему обязывало семейное законодательство. Дети являлись кормильцами своих состарившихся родителей. Особенно эта забота требовалась одиноким матерям-вдовам, большинство которых могло рассчитывать лишь на поддержку детей. Несмотря на эту моральную и правовую обязанность детей, некоторые родители не получали должной заботы и, живя на грани нищеты, вынуждены были обращаться с иском в Тверской совестный суд. С просьбой в совестный суд, «дабы повелено было о понуждении сына... к даче пособия в содержании учинить законное распоряжение», обратилась вдова титулярная советница Л.С. Ильина. Лишь судебное вмешательство обязало ее сына, служившего в Тверском городском магистрате, выплачивать матери ежемесячно 1 руб. сер.¹³.

Однако нерадивые дети нарушали постановления суда, как в случае с вдовой коллежской регистраторшей М.Я. Пядышевой, сын которой обязан был выплачивать ей ежемесячно по 3 руб. в месяц. Вместо этого он наносил матери оскорбления и побои, что вынудило женщину повторно

обратиться в суд. В конце концов, мать простила раскаявшегося сына, и дело было закрыто. Жестокое обращение своих детей испытывали и отцы. Священник Старицкого уезда С.Е. Галахов, вынужденный оставить службу по старости лет и болезненности, поселился у сына – титулярного советника Василия, от которого в скором времени начал терпеть «разные неудовольствия и, наконец, сын..., повинувшись наговорам жены своей и тещи... отказал в пропитании, с укоризною выслал меня из собственного дома». Скитаясь по семьям других двух сыновей, терпевших не меньшую нужду, чем он сам, обездоленный отец обратился в 1829 г. за покровительством в суд. В судебном порядке сыновья обязаны были выплачивать отцу в общей сложности 8 руб. в месяц.

Особенностью судебных разбирательств подобного рода являлось отсутствие объяснений непозволительного поведения детей по отношению к своим родителям. Причиной принуждения детей к содержанию своих немощных родителей, вероятно, был тот факт, что государство не разработало системы социальных гарантий старикам, и вся ответственность возлагалась на плечи детей. Как правило, поведение детей являлось следствием тех моральных принципов, которыми родители руководствовались сами и стремились заложить в своем потомстве. Нередко родители «пожинали плоды» попустительского отношения к воспитанию детей.

Причинами конфликтов между родителями и детьми являлись не только распущенность нравов, стремление детей руководить своею судьбою, но и ссоры из-за дележа владений. Родители, передавая все права владения собственностью своим детям и уповая на их порядочность, могли оказаться в весьма плачевном положении. Вдова, городовая секретарша В.А. Культепина разделила между сыном и дочерьми имение, правом управления которым они могли воспользоваться после ее смерти. Сын Алексей «оказывал пред прочими детьми отличное почтение, ... убедил,

чтоб она назначенную ему часть имения отдала в полное его владение». Получив желаемое, Алексей вместо бóльшего почтения начал оказывать матери «грубости с изречениями таковыми, что имение, упроченное ему, распродаст, людей и крестьян отпустит на волю». Обиженная лицемерием и корыстью сына, мать в 1820 г. обратилась в совестный суд, чтобы «уничтожить раздел и возвратить в первобытное ее владение». Ссора матери с сыном завершилась миром только спустя пять лет. Вдова, коллежская асессорша Л.Я. Давыдова передала дочери в дар благоприобретенное имение, состоявшее в Тверском уезде из 82 крестьянских душ, в надежде на ее заботу. Почувствовав себя полноправной хозяйкой, дочь Софья отстранила мать от управления имением, стала наносить оскорбления и в итоге поселила «в самой тесной комнате, почти с девками». Дерзкое отношение вынудило мать покинуть дом и, стыдясь положения, в котором она оказалась, «поселиться в незнакомом городе Торжке». «За неповиновение и личное оскорбление» она потребовала возвращения имения. Однако разбирательство дела в совестном суде, как и положено, примирило стороны, но на условиях, поставленных матерью, чтобы «все недвижимое имение было у меня, Любви Давыдовой, в пожизненном владении».

Имущественные споры родителей с руководимыми меркантильными соображениями детьми свидетельствуют об отсутствии доверительных отношений между ними. Следует отметить, что, несмотря на обилие претензий к своим детям со стороны родителей, те, в свою очередь, обращались в суд в редких случаях. Взрослые дети не имели оснований для претензий к родителям, за исключением имущественных, так как ответственность с родителей за содержание совершеннолетних детей снималась.

Если нарушались права несовершеннолетних детей, то защитниками их интересов выступали либо один из супругов, чаще всего мать, либо опекуны, либо родственники; последние, как показывает практика, редко ввязывались в судебные тяжбы. В 1845 г. в результате обращения вышневолоцкой помещицы О.В. Мельницкой к губернскому прокурору по поводу безнравственного поведения ее мужа, чиновника

Портрет Авдотьи Ивановны Молчановой с дочерью Елизаветой. О.А. Кипренский 1814 г.

14 класса, выяснился факт его инцеста с дочерью, что характеризовало Мельницкого как преступника с точки зрения христианских и светских законов. Связь с дочерью, вышедшей из повиновения матери, свидетельствует об отсутствии моральных принципов в поведении отца. Плохой пример отца, ведущего предосудительный образ жизни, неминуемо сказался на характере поступков дочери.

В семьях с приёмными детьми общение выстраивалось на тех же принципах, что и с родными. Кроме того, в составе семей нередко встречались «воспитанники» — дети, отданные на воспитание несостоятельными родителями, сироты, взятые от умерших родственников, незаконнорожденные. Отношение к воспитанникам отличалось от отношения к родным детям. Часто они фактически находились на положении прислуги.

Таким образом, отношения между поколениями в семьях были результатом поведенческих стереотипов и зависели от желания родственников соблюдать нравственные требования, которые диктовало общество. Воспитание детей во многом определялось социальной группой, к которой принадлежали родители, а также их жизненным опытом, принципами, установками, пониманием целей воспитания и в силу этого было очень вариативным.

В целом, внутрисемейные отношения в первой половине XIX в. строились на всевластии главы семьи, на зависимости функций, прав и обязанностей члена семьи от пола и возраста. Однако в результате нуклеаризации семьи отношения между ее членами упрощались, что нашло отражение не только в проявлении чувственности между домочадцами, но и в напряженности отношений между ними, неповиновении детей родителям.

Глава 2. Солдатские дети: чужой среди своих

Регулярная армия, созданная Петром I, на протяжении полутора веков приносила России победы, расширяя ее границы и укрепляя международный авторитет. Однако у этой боеспособной армии были свои особенности, которые отражались на социальной жизни страны в эту эпоху. Офицерский состав новой армии составляли, безусловно, дворяне. А многочисленные солдаты набирались из рекрутов, призываемых из «подлых», податных сословий: крестьян всех мастей и горожан.

Проводы новобранца. И.Е. Репин 1879 г.

Первоначально в армию рекруты уходили на всю оставшуюся жизнь, длину или короткую, как повезет. Затем, срок службы уменьшился до 25 лет, что не

сильно меняло положение дел для каждого отдельного солдата, а лишь добавило головной боли государству. Теперь с отставными солдатами надо было что-то делать, а ведь они могли быть и инвалидами после многочисленных сражений.

Так или иначе, призыв в армию сразу приводил к изменению правового статуса каждого рекрута, он юридически освобождался от обязательств, налагаемых городской или сельской общиной, т.е. фактически исключался из нее. Для его семьи и общины правовые и социально-экономические последствия этого наступали незамедлительно. Каждый рекрут оказывался потерянным как работник, налогоплательщик, отец,

муж и сын. Община была вынуждена нести его часть подушной подати до следующей ревизии. Но самым сложным было положение жены, детей и родителей рекрута. Они практически оказывались нищими. Жена и дети рекрута тоже исключались из общины в момент призыва и оказывались совершенно «вольными»²¹⁷.

Солдатские жены и дети были освобождены от налогов, но, в то же время, община больше не несла ответственность за них и не хотела иметь с ними никаких дел. В Осташкове был случай, когда солдатка Ульяна Семенова Терехова, бывшая ранее в городском сословии, обратилась в Осташковский сиротский суд с просьбой выделить ей часть из имущества мужа. (Вероятно, она смогла доказать, что овдовела, и требовала законную часть). Но сиротский суд, состоявший из представителей городского общества (городского головы, городского старосты – председателя общины, и двух ратманов), отказался рассматривать ее дело. Женщина не отчаялась и пожаловалась на решение Осташковского сиротского суда в вышестоящую инстанцию – губернскую гражданскую палату. После указа гражданской палаты сиротский суд согласился с законностью ее требований²¹⁸.

Таким образом, солдатские жены становились юридически свободными, вольными. Теперь они подпадали под власть военных, формально они могли проживать со своими мужьями. Но на практике они пользовались своей свободой, пополняя ряды городских жителей.

Потеряв место в родной общине, солдатские жены могли легко получить паспорт, а значит и поменять место жительства. Их можно было встретить в городах, где они занимались мелкой торговлей, проституцией, а также сделками между брошенными детьми, приютами для подкидышей и сельской округой. Некоторые из них устраивались получше и владели ремесленными мастерскими или доходными заведениями²¹⁹, но вряд ли это было доступно пришлым деревенским женщинам. Скорее всего, этим

продолжали заниматься коренные горожанки, которые проводили своего мужа в армию.

Хотя даже у солдаток, происходивших из горожан, нередко были серьезные проблемы после ухода мужа в армию. Интересное дело сохранилось в фонде тверского городского магистрата под № 287. Дело разбиралось в течение 1779 г. в городском магистрате вместе с сиротским судом. 28 января 1779 г. в городской магистрат поступило предложение наместника Я.Е. Сиверса рассмотреть совместно с сиротским судом прошение вдовы Прасковьи Сергеевой²²⁰. Суть дела заключалась в следующем: в 1773 г. ее мужа забрали в рекруты, после чего она осталась с двумя детьми на попечении свекра мещанина Алексея Кирилова. Последний, «не желая быть хорошим гражданином и полезным обществу, и не проча для себя и воспитание малолетних ее дочерей, а его родных внуков, упражняясь в пьянстве, все свое движимое имение, заложа разным людям в малой цене, прожил...». Я.Е. Сиверс предложил городскому магистрату взять имущество А. Кирилова «в смотрение» сиротского суда²²¹. 29 января того же года в журнале сиротского суда зафиксировано сообщение, поступившее от городского магистрата, о необходимости взять имущество А. Кирилова «в смотрение» для сохранности²²². Однако это дело, очевидно, не было передано в делопроизводство сиротского суда, несмотря на то, что по законодательству подобные вопросы должны были разбираться именно там. Совместное заседание (присутствие) городского магистрата и сиротского суда по этому делу состоялось 31 января 1779 г., на котором было решено: передать имущество А.Кирилова «в смотрение» сиротского суда, определить опекунов к его малолетним внукам – городского старосту Якова Татаринцова и купца Луку Прасолова, дать им наставление в соответствии с «Учреждением о губерниях» 1775 г., а также признать недействительной сделку А. Кирилова с Михаилом Хлебниковым по продаже каменного дома²²³. 12 февраля 1779 г. в городской магистрат

вновь поступает предложение Я.Е. Сиверса уточнить причину убытков, которые потерпел А. Кирилов. Последний в прошении утверждал, что он не проматывал имущество, причиной всего являются «несчастные приключения в торгах», и грабеж разбойников, что заставило его нажать заложить имущество для уплаты долгов²²⁴. Было установлено, что последние несколько лет он «никаких торгов и промыслов не имел, а кормление только от пущания в дом свой проезжающих людей и из старого имения»²²⁵. На совместном заседании с сиротским судом было определено оставить прежнее решение в силе²²⁶. Опекунов обязали следить за малолетними и их имуществом, а также постепенно расплатиться с казенными и партикулярными долгами А. Кирилова²²⁷. Интересно, что 14 ноября 1779 г. в журнале сиротского суда записана просьба вдовы Прасковьи Сергеевой содействовать ей в решении дела. Сиротский суд вернул просьбу обратно, т.к. она была писана на простой вместо гербовой бумаге²²⁸. 1 апреля 1780 г. в сиротский суд поступило сообщение от городского магистрата назначить нового опекуна детей Прасковьи Сергеевой вместо Якова Татаринцева в связи со смертью последнего²²⁹. Больше документов, освещающих историю этой семьи, обнаружить не удалось.

Сложность социального положения приводила к тому, что солдатские дети, вероятно, выросли раньше своих сверстников. Примечателен случай, который произошел в Бежецке в 1766 г. 15-летний Петр Григорьев, служителем полковника В.К. Семенова, пришел в городской магистрат с доносом на горожанина Алексея Егоровича Тыранова. Подросток обвинял его в фальшивомонетничестве. История, рассказанная им, была вполне правдоподобной. Началось следствие, у Тыранова устроили обыск, в ходе которого ничего не обнаружили, кроме «оказавшихся в поставе двух пузырьков, из которых в одном видно, что ртуть, а в другом незнамо что». Тыранова посадили в тюрьму, а через два

месяца подросток Петр Григорьев признался, что оклеветал его, так как хотел отомстить за драку, случившуюся на прошлую масленицу²³⁰. Поступок Петра достоин осуждения. Однако нельзя не отметить, что он действовал смело и решительно, как взрослый человек, принимающий самостоятельные решения и готовый за них отвечать.

Солдатские жены и дети, проживая, в основном, в городах, пополняли ряды разночинцев. Также они являлись источником значительного числа незаконнорожденных детей. Положение солдатских детей: законных или нет, было крайне затруднительно, так же, как и их матерей.

Иногда, солдатки искали помощи и поддержки в когда-то родной городской общине. В Осташкове в 1811 г. зафиксирован случай, когда беременная рекрутская вдова Фекла Яковлева Карпова обратилась в сиротский суд с просьбой определить опекуна к ее ребенку сразу после его рождения²³¹. Подобным образом поступила рекрутская жена Федосья Иванова Запутряева²³². Интересно, что в Осташкове откликнулись на эти просьбы. Сложно сказать, что именно руководило служащими сиротского суда при принятии этого решения. Но следует отметить, что опекуны ежегодно получали 5 % с капитала опекаемого в качестве вознаграждения за свою работу.

Но в большинстве солдатские жены и дети, проживающие в городах, были нищими и могли заниматься попрошайничеством. Во второй четверти XVIII в., с развитием системы государственного призрения, велась систематическая борьба с нищими, попрошайками и «праздношатающимися на улицах города». Для этих целей в российских городах образовывались богадельни. По именному указу от 26 февраля 1764 г., предписывалось отставных солдат, их вдов или жен «в богадельни нигде ни под каким видом не принимать и не определять; ибо им за вышеозначенным о них генеральным и довольным к содержанию их

распоряжением в богадельнях быть, и при малом жаловании подаяния милостыни к содержанию своему испрашивать весьма неприлично»²³³.

Однако практическая сторона этого вопроса кардинально расходилась с этой законодательной нормой. Интересно, что среди помещенных в Тверскую городскую богадельню чаще всего встречались отставные солдаты, солдатские вдовы и дочери. Такой состав «богадельников» был характерен и для Владимирской богадельни²³⁴. Однако такая ситуация продолжалась недолго. Уже в 1782 г. в Твери была открыта Арефьевская богадельня, в которую были переведены отставные военнослужащие, ранее проживавшие в городской богадельне. Свое название она получила «в засвидетельствовании похвального подвига тверского купца Семена Арефьева, положившего начало созидания оной»²³⁵.

В маленьких уездных городах, где, как правило, существовала только одна городская богадельня, которая содержалась силами городского общества, солдатские жены и вдовы с детьми помещались в богадельню и впоследствии, в первой половине XIX в. 2 сентября 1803 г. в Вышневолоцкий сиротский суд поступило прошение жены бывшего мещанина Данилы Шорапова, который находился в военной службе, Матрены Петровой. Женщина рассказала, что ее сын за распутство тоже был отдан в рекруты. Оставшись одна, она не могла себя прокормить и решила записаться в богадельню²³⁶. В 1804 г. в богадельню попросились мещанская вдова Пелагея Пахомова Сабачкина и мещанская жены Степанида Андреева Смирнова, муж которой находился в это время в военной службе²³⁷. 15 августа 1811 г. в Осташкове в богадельню поместили Федосью Козмину, жену мещанина Василия Денисова Рылкова, который находился на военной службе²³⁸. В 1820 г. был случай помещения в Вышневолоцкую богадельню даже отставного рядового Михаила Алексева Сироткина, который до службы жил в этом городе²³⁹. Городское

общество соглашалось содержать в богадельне солдатских жен и детей только в том случае, если до призыва в армию они проживали в этом городе, а именно входили в состав этой городской общины. Таким образом, городское общество брало на себя попечение о детях тех людей, которых оно же и отправило в армию. Чужакам (бывшим членам других городских или сельских общин) здесь было не место, ведь богадельни содержались на деньги горожан.

Согласиться жить в богадельне солдаты с детьми могли только в крайне отчаянном положении. Вот как выглядела жизнь там. Предписанием Приказа общественного призрения была установлена единая форма одежды для них: для мужчин — длинные кафтаны с капюшонами из российского черного сукна, слева — крест из красной тесьмы, черные широкие кожаные пояса, черные кожаные шапки; для женщин — синее крашенное длинное платье с капюшоном, нашитым красным крестом и нешироким поясом. Сроков износа одежды не предусматривалось. Размер месячного пайка на человека составлял по 2/4 пуда муки и по 3 руб. в год на приварок. Содержаться богадельники должны были, в основном, на подаяния «доброхотных дателей». 1 июня 1776 г. Приказ общественного призрения выслал в Тверской городской магистрат для передачи городскому голове книгу для записи подаяний на содержание богадельни и ящик для пожертвований. Его должны были разместить на «Соборной церкви» [кафедральном соборе]²⁴⁰. По итогам 1776 г. общая сумма подаяний составила 56 р. 15 ¼ к.²⁴¹; в 1777 г. на богадельню было собрано 20 р. 3 к.; в 1778 г. в ящике было обнаружено 19 ¼ к.; в 1780 — 2 р. 49 ½ к.²⁴²; за последующие годы эту информацию обнаружить не удалось.

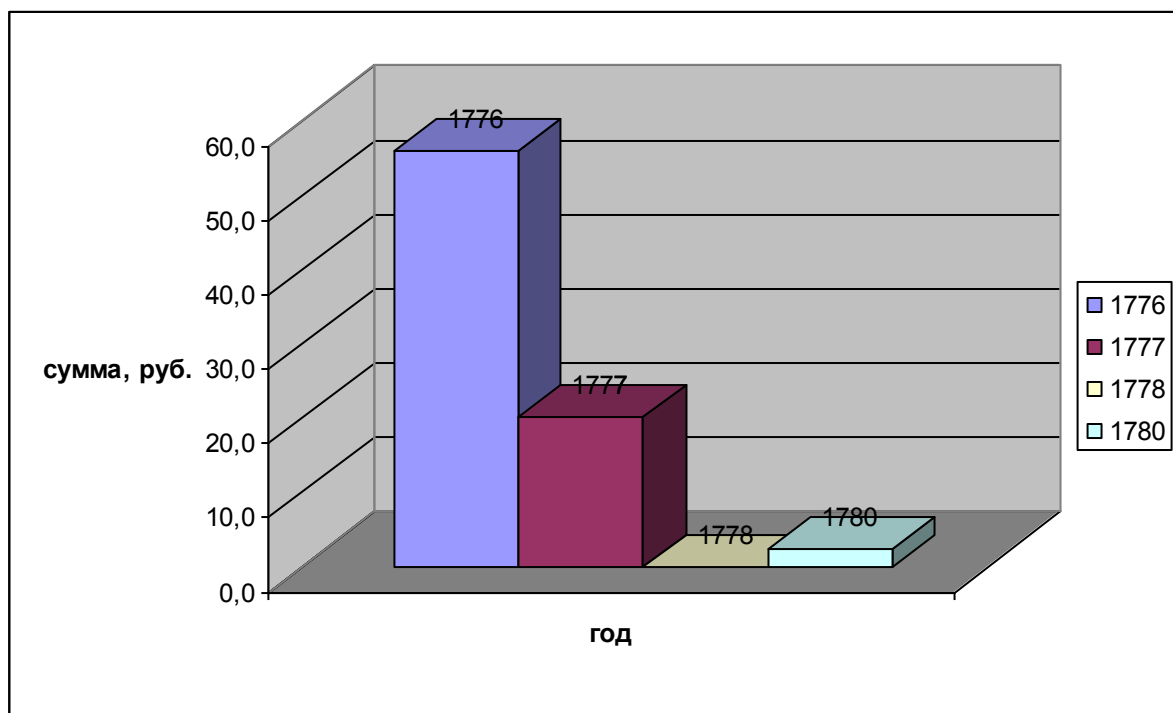

Рис. 1. Размер пожертвований на содержание городской богадельни в Твери с 1776 — 1780 гг.

Полученные данные выявляют тенденцию уменьшения активного участия горожан по оказанию помощи богадельне. Тверских горожан явно тяготила необходимость содержать богадельню «своим коштом». Это наблюдение подтверждается и другими фактами. 23 декабря 1782 г. от старосты А. Борцова в городской магистрат поступило доношение, в котором он от имени всего городского общества просил исключить всех «богадельников» (на тот момент их было 9 человек) из числа тверского мещанства, так как обществу «за них государственные подати и поборы платить будет напрасно»²⁴³.

Солдатские дети оставались крайне бедными даже при живом отце в отставке. Вот несколько примеров из более раннего времени: в июле 1762 г. отставной солдат Яков Якимов, проживавший в Федоровской богадельне за Никитскими воротами в Москве, просил Коллегию экономии прикрепить его для пропитания к Высокопетровскому монастырю. Свою

просьбу он мотивировал тем, что и ел у себя «законную жену и малолетних детей, и за мало получаемым жалованием во оной богадельне быть» впредь не желал, дабы «ему з женою и з детьми не претерпеть крайней нужды». По наведенным справкам оказалось, что Яков был прислан из Военной конторы с прочими отставными в 1760 г. и определен в Федоровскую богадельню согласно его желанию. Тогда у него было трое детей (годовалый сын и две дочери 7 и 5 лет). Поскольку размер ежедневного жалования, выдаваемого богадельникам-нищим, составлял 1 коп., он не имел возможности прокормить семью. Трудно представить, как они водили концы с концами. Возможно, жена пробивалась случайными заработками, чередуя их с попрошайничеством. О том, что такая ситуация была нередкой, видно из многочисленных доношений отставных солдат. Они жаловались, что их жены с малолетними детьми скитаются по чужим углам, «где день, где ночь», пробиваются подаянием, порой терпя «глад немалой» и «немалую нужду». Радея о своих близких, одни отставные солдаты видели выход в том, чтобы помочь детям обрести место в богадельне, а другие, как Яков Якимов, надеялись на переход под монастырский покров. В монастырях отставным сверх денежного жалования (та же 1 коп. в день), выдавалось хлебное жалование²⁴⁴. По крайней мере, просьба Якова была удовлетворена, и, возможно, с монастырской поддержкой его детки выросли и достойно прожили свою жизнь.

Встречались и обратные примеры, когда отставные солдаты переводить из монастыря, в котором они содержались в городскую богадельню. В мае 1762 г. отставной солдат Артемий Алексеев просил Коллегию экономии перевести его из Николаевского Тропского монастыря Пошехонского уезда, где он содержался, в Москву. Он объяснил, что в Москве у него жили законная жена Анна Герасимова и малолетние дети (сын Василий 5 лет и дочь Наталья 7 лет). Отец семейства «для воспитания

их» хотел быть на пропитании в московской богадельне. Артемий предъявил чиновникам «пропускное письмо», выданное ему настоятелем монастыря. В документе сообщалось, что отставник отпущен из монастыря сроком на 2 месяца «ради забранья ево шкрабу жены и детей». По истечении отпущенного времени он должен был явиться в монастырь обратно. Доношение в Коллегию экономии было подано через 2 недели после того, как он покинул монастырь. Возможно, свидание с семьей так повлияло на бывшего солдата, что он захотел быть поближе к своим близким. Быть может он решил, что в Москве будет проще найти заработки и удержаться от нищеты, а также позаботиться о детях²⁴⁵.

Следует сказать, что помещение отставных солдат вместе с семьям в монастыри не относится к той эпохе, о которой идет речь в этой книге. После секуляризации церковных земель, проведенной Екатериной II, монастыри были освобождены от обязанности принимать у себя инвалидов, их жен, солдатских вдов и детей. С 1764 г. все они высылались в Муром²⁴⁶ и другие инвалидные города. Однако после распределения отставников с семьями, находившихся до этого в монастырях, оказалось, что осталось еще 1489 человек, нуждающихся в призрении (150 унтер-офицеров и 1339 рядовых). На них была выделена специальная сумма в 12250 руб. из расчета по 15 руб. в год на каждого унтер-офицера и 10 руб. на солдата²⁴⁷.

Пособие получили и вдовы отставников, а также их дети. Вдовы моложе 40 лет получали разовое пособие в размере годового жалования мужа; те, кто был старше этого возраста, но не выходил замуж, могли рассчитывать на ежегодную пенсию в размере восьмой части оклада.

Пенсионные выплаты детям составляли 1/12 часть жалования отца. Детям унтер-офицеров и рядовых выплачивалось по 3 руб. Они продолжались для сыновей до 12 лет, для дочерей до 20 лет или до замужества. Затем сыновей следовало определять в школы и военную

службу, а дочерей отдавать замуж с годовым жалованием отца в качестве приданного. Дочери, оставшиеся в девичестве по причине болезней или увечья, продолжали получать прежнюю пенсию до конца жизни или до пострижения в монастырь. Девочек могли также до замужества отдавать на фабрики. Однако пенсией были охвачены не все лица. Их число ограничивалось размером выделяемой для содержания вдов и сирот суммой в 34400 руб.²⁴⁸

Несмотря на эти радикальные преобразования, они не охватили всех солдаток и их малолетних детей. Механизм государственной помощи этим детям был не достаточно отработан и он оставался неизменным вплоть до 60-х гг. XIX в.²⁴⁹

Своеобразным отголоском прежней эпохи было то, что часть солдатских детей продолжали проживать в монастырях, в основном при своих матерях. Однако их число постепенно уменьшается. К концу XVIII в. по данным Н.В. Козловой в Московских монастырях число солдатских детей и вдов становится ничтожным. К этому времени в монастырях оставались в качестве «белиц» (т.е. не постриженных в монахини) женщины с детьми (в основном дочерьми), однако, в основном, это были уже взрослые «девки» от 16 до 31 года, которые не смогли выйти замуж²⁵⁰. Поступление в монастыри женщин с малолетними детьми прекратилось.

По закону любой ребенок мужского пола, рожденный солдаткой – женщиной, чей муж поступил на действительную военную службу, принадлежал е военному ведомству и был изначально предназначен для службы. Именно такая судьба была у вышеупомянутого Петра Григорьева, который уже в 15 лет состоял на службе у полковника. Солдатские дети по закону принадлежали армии. Городские общины не могли заявлять претензии на солдатских детей, даже если они их содержали. Эти дети в правовом отношении занимали как бы срединное положение. В конечном

счете они становились разночинцами²⁵¹, судьба которых могла сложиться по-разному, в зависимости от усердия и, в какой-то степени, удачи.

Так, солдатские дети имели право получать пропитание, будучи зачисленными в гарнизонные школы. Но свободные места там были далеко не всегда. Например, 9-летний солдатский сын Михайла Соловьев просил Контору Сената определить его в Московскую гарнизонную школу «для научения грамоте и протчих наук за камплект... А как в той школе будут порозжие места, и тогда написать меня комплект и денежным и хлебным жалованием причислить против той школы школьников». Возможность получения такого жалования и являлась для солдатских детей главным стимулом поступления в школу. Оставаясь при своей матери в Москве и не имея никакого пропитания, он «скитался промеж двор» и «помирал голодною смертию»²⁵².

Глава 3. Городская школа

Дети жили в городах в разных условиях. Но существовало место, где все они должны были собираться, не зависимо от своего происхождения, звания, капитала. Это были городские школы, основанные Екатериной II как ВСЕСОСЛОВНЫЕ учреждения. Так ли это было на самом деле?

Екатерина II хорошо понимала, что успех любых социальных и политических преобразований в значительной степени зависит от уровня образованности народа. Она мечтала создать «новую породу людей», вот почему школа в ее понимании должна была не только и не столько учить и распространять знания, сколько воспитывать²⁵³. В своих «записках» Императрица выделила пять «правил управления» государством. На первое место она поставила следующее: «Нужно просвещать нацию, которой должен управлять»²⁵⁴. Развитие образования стало одним из важнейших направлений внутренней политики не только Екатерины II, но и ее преемника Александра I.

Принято считать, что реформаторская деятельность в сфере образования началась с 80-х гг. XVIII в.²⁵⁵ Начало проведения реформы связывают с 1782 г., когда Екатерина II создала «Комиссию об устройстве народных училищ» под руководством серба Янковича де Мириево. Осуществление же этого проекта традиционно относят к 1786 г., когда был разработан устав народных училищ²⁵⁶.

Однако ряд современных историков связывают начало школьной реформы с разработкой «Учреждения о губерниях» 1775 г.²⁵⁷: в каждой губернии открывались Приказы общественного призрения, которым в числе прочего предписывалось установить школы «по всем городам... для всех, кои добровольно пожелают обучаться в оных»²⁵⁸. В городском пространстве вопросом организации и функционирования школы занимались в разное время городской магистрат, сиротский суд и городская дума. Городские учреждения являлись теми инстанциями,

которые осуществляли связь и взаимодействие губернской администрации и городских обывателей.

В соответствии с «Учреждением» в Твери школа была открыта 23 мая 1776 г., т.е. за 10 лет до проведения школьной реформы. На её торжественном открытии присутствовали правитель наместничества, городской голова, представители Приказа общественного призрения, духовенства. По реестру 1777 г., сохранившемуся в деле, в школе обучались 47 человек. Ответственным за функционирование городской школы был городской голова²⁵⁹, последний являлся по законодательству также председателем сиротского суда. Возможно, этим объясняется то, что вскоре вопросы, связанные с функционированием городской школы, были переданы в ведение сиротского суда²⁶⁰.

В делопроизводственных документах сиротского суда городская школа впервые упоминается 6 ноября 1777 г. В этот день на заседании разбирался вопрос об определении человека из числа ратманов²⁶¹, который бы следил за прилежанием учеников и распределением денег²⁶². В школе предусматривалось обучение в основном купеческих и мещанских детей в возрасте от 6–13 лет.

Однако, нельзя говорить о строгом соблюдении принципа сословности, как это планировал сподвижник императрицы И.И. Бецкой²⁶³. В 1781 г. дважды в сиротский суд из Приказа общественного призрения приходило предложение поместить в школу детей, не относящихся к тверскому купечеству или мещанству. Один из них – «мальчик польской нации местечка Талочина Иван

Портрет И. И. Бецкого. А. Рослин 1777 г.

Аникин». Второй (незаконнорожденный крестьянский сын Егор Иванов) был прислан Приказом общественного призрения в Тверскую богадельню. Сиротскому суду было поручено следить, чтобы он исправно ходил в школу, посещал все занятия²⁶⁴. Однако обучение в городской школе крестьянских детей было скорее исключением, чем правилом.

В 1778 г. из Приказа общественного призрения в сиротский суд были присланы экземпляры «Апофегмата Российского». Апофегмат – это Наказ о выборах в Уложенную комиссию, по которому предлагалось строить обучение в школе чтению и письму. Ученики должны были его переписывать и заучивать наизусть²⁶⁵. В 1781 г. сиротскому суду было предписано сделать для детей школы одинаковые платья из белого сукна с малиновыми обшлагами²⁶⁶. Кроме того, Приказ предоставил Тверской школе каменный дом и необходимый для обучения инвентарь²⁶⁷. Правитель наместничества прислал некоторое количество азбук, букварей, учебников арифметики, часословов, псалтырей, «рисовальную книгу»,

аспидные доски и грифели²⁶⁸. Таким образом, первоначально государство активно участвовало в создании материальной базы Тверской школы.

Однако впоследствии финансирование городской школы было целиком возложено на городское общество. С «имущих» родителей собиралась плата, которая должна была употребляться на обучение «неимущих», а «малоимущие» мещанские дети должны были обучаться бесплатно. Кроме того, градское общество выделяло дополнительную сумму на нужды школы из городских доходов. В школе велись приходные и расходные книги, которые регулярно проверялись смотрителем от сиротского суда, а затем должны были храниться в архиве сиротского суда²⁶⁹.

Несмотря на финансовую помощь государства на первоначальном этапе, городская школа в Твери сталкивалась с целым рядом проблем с самого начала своей работы. Одной из них являлась нехватка учителей. Поиск учителей охватывал всю Тверскую губернию. Долго не могли найти учителей арифметики и рисования. В 1778 г. городской магистрат послал сообщение в Осташковский магистрат с просьбой выяснить, кто из осташковских купцов и мещан желает обучать детей рисованию²⁷⁰. На просьбу ответили отказом. Среди горожан явно не было желающих, а, возможно, и способных к учительской деятельности. Кроме того, социальное положение местного учителя в это время было унижительным²⁷¹, «всякий интеллигентный труд ... оценивался по самой низкой категории»²⁷². В Твери эту проблему отчасти удалось решить, привлекая к работе в школе людей духовного звания. Первыми учителями в тверской школе были *протоиерей*, *семинарист* и купец²⁷³. Это не соответствовало основной идее реформы – изъять школьное образование из рук церкви. Однако другого выхода у тверитян не было.

Второй проблемой являлось нежелание горожан учиться. Ученикам тверской школы разрешалось ходить в школу 3 раза в неделю:

понедельник, среда и пятница²⁷⁴, вместо ежедневных посещений, установленных Екатериной II²⁷⁵. Но и сокращение времени обучения не убедило родителей в необходимости отдавать своих детей в школу.

В 1789 г. в ходе осмотра О.П. Козодавлевым училищ ряда губерний (в том числе и Тверской) было отмечено, что родители не видят смысла обучения, особенно в высших классах²⁷⁶. Родители не пускали своих детей в школу, ссылаясь на болезнь или другие причины. Мечта современного школьника в конце XVIII в. была обычным явлением.

Можно	выделить	Козодавлев О.П.
множество	причин	Неизвестный художник. XVII в.

индифферентного отношения горожан к школьному образованию: это и трудность учебных программ, и оторванность обучения от жизненных реалий, неудачный подбор педагогических кадров, недоверие к казенной школе, бедность жителей и др.²⁷⁷ Но скорее всего, основным мотивом нежелания городского населения учить своих детей было то, что горожане не осознавали до конца практической ценности школьного государственного образования. Горожане готовили своих детей для ведения торговли, и им было непонятно, как в этой деятельности им может помочь, например, рисование.

Для решения этой проблемы в Тверской губернии предпринимались попытки стимулирования учеников и их родителей к обучению. Например,

в Торжке существовала своеобразная стипендия для тех, кто изучал латинский и французский языки²⁷⁸; в Твери родителей, дети которых пропускали занятия, штрафовали на 5 коп.; даже самых нерадивых учеников не исключали из школы. Так, в 1777 г. школьный учитель протоиерей Андреянов предложил Приказу общественного призрения исключить 17 нерадивых учеников, но разрешено было отчислить только четверых, пропускавших занятия по причине болезни²⁷⁹.

Нежелание тверитян учиться на первый взгляд противоречит тому факту, что именно в Твери был создан такой документ как «Вопль купеческих и разночинческих малолетних детей», обращенный к Владыке²⁸⁰. Однако следует учитывать, что авторство этого документа традиционно приписывают Диомиду Карманову, который являлся одним из самых влиятельных и образованных граждан Твери того времени. В документе отражено, на наш взгляд, отношение к образованию самого Д. Карманова и его окружения, а не всего тверского гражданства.

Школьная реформа Екатерины II, положившая начало широкому распространению учебных заведений, была проведена в 1786 г. В городах создавались училища, которые разделялись на 2 разряда: главные (четырёхклассные) в губернских городах, малые двухклассные в уездных и малые одноклассные в селениях²⁸¹. С большой долей уверенности можно говорить, что главное народное училище в Твери возникло на материальной базе городской школы, функционировавшей с 1776 г. А. Вершинский, исследуя народное образование в Тверской губернии в конце XVIII в., отмечает, что в Твери в эти годы существовало 2 училища: главное и малое²⁸². Однако документы городских учреждений этих наблюдений не подтверждают. Учитывая, что малые училища должны были учреждаться в уездных городах, мы предполагаем, что вплоть до начала XIX в. в Твери было только одно училище – главное, как и положено было губернскому городу.

Управление училищами поручалось комиссии народных училищ. Она выступала как своего рода Министерство народного просвещения: ведала координацией учебных программ, следила за квалификацией учителей, их служебным продвижением, жалованием, учебниками и т.д.²⁸³. Приказы общественного призрения подчинялись комиссии и должны были заведовать хозяйственной частью училищ каждой губернии.

Для надзора за учебной частью училищ в каждой губернии вводилась должность директора народных училищ. Последний мог участвовать в заседаниях Приказа общественного призрения и 2 раза в год должен был отчитываться перед комиссией о своей работе. Директору подчинялись смотрители²⁸⁴. Смотрителя для школы (училища) стали выбирать не из числа служащих сиротского суда, а из членов городского общества, что расширило круг лиц, допускаемых к регулированию процесса обучения в городском пространстве²⁸⁵.

После реформы вопросы финансирования училищ на городском уровне решала городская дума²⁸⁶. Собираемые с горожан деньги должны были тратиться как на содержание городских учреждений и жалование приказным служителям, так и на жалование учителям городской школы²⁸⁷.

Однако городская дума выделяла деньги на училище крайне неохотно. Три года подряд 1797 - 1799 гг. на училище деньги вовсе не выплачивались. Приказ общественного призрения в 1800 г. трижды требовал погасить недоимку, которая составила 2162 руб. 8 к. Требование было удовлетворено лишь после того, как в эту проблему вмешалось Тверское наместническое правление и тверской гражданский губернатор В.Ф. Мертенс, предупредивший, что если и впредь дума не пришлет указанной суммы, то «за упорство с думой поступят по строгости законов». В рапорте губернатору дума возложила всю ответственность за недоимки на бывшего городского голову Макара Блохина, который обвинялся в растрате всех городских доходов. Для исполнения

предписания начальства на городском собрании 4 июня 1801 г. было решено собрать по 75 к. с окладной души. Деньги были отправлены в Приказ общественного призрения, а оттуда - в Казенную палату. 2 сентября того же года Приказ общественного призрения написал городской думе, что по представлению «директора школ» (директора училищ) Тверской губернии Толмакова в Тверской школе «худо и мокро», протекает в классы, «балкон сгнил, стекла выпадают, двери не обшиты, ворота изломаны». Поскольку тверская дума не доставила в Приказ денег для школы на прошлый (1800 г.) и текущий (1801 г.) годы, Приказ вменил ей в обязанность привести в порядок помещение школы и выбрать для нее нового сторожа²⁸⁸.

Преемник идей и замыслов Екатерины II – Александр I, провел в начале XIX в. целый ряд реформ системы образования в России. В 1802 г. было создано Министерство народного просвещения, в ведомство которого передавались все учебные заведения. Министерство заменило комиссию народных училищ, действовавшую в екатерининскую эпоху. Законом 1803 г. в России были учреждены шесть учебных округов. В 1804 г. по «Уставу учебных заведений, подведомственным университетам» создавалась сеть учебных заведений. Базой для новых училищ явились екатерининские школы. Так, четырехклассная гимназия заменила главное народное училище, двухклассное уездное училище – малое народное училище уездных городов, а одногодичное приходское училище – малое народное училище в селениях. Всеми учебными заведениями губернии, как и прежде, заведовал директор училищ²⁸⁹. Новая система всё же отличалась от екатерининской - она предполагала преемственность учебных заведений²⁹⁰. Следовательно, появлялась необходимость открытия уездных и приходских училищ и в губернских городах, а не только в уездных или в селениях, как прежде.

Учебные заведения Тверской губернии входили в округ Московского университета, во главе которого стоял попечитель Московского учебного округа Михаил Никитич Муравьев. На губернском уровне следить за работой и содержанием школ, а также назначать учителей должен был директор училищ Тверской губернии - Иван Генниг. Хозяйственные вопросы исключались из компетенции Приказа общественного призрения и передавались директору. В городе эти функции остались за городской думой: из средств городского общества должны были содержаться здания школ, включая их отопление, и выплачиваться жалования учителям.

В соответствии с реформой образования 2 февраля 1804 г. в Твери было открыто уездное училище, а в первых числах июня того же года – четыре приходских училища (по числу частей в городе)²⁹¹. Напомним, что учреждение школ в каждой части города было предусмотрено еще по Уставу благочиния 1782 г. (п. 83)²⁹², однако до 1804 г. это не было сделано. Учителями в приходских школах назначались священники. Обучение в училищах предусматривалось все дни, кроме воскресенья и «табельных дней» до обеда с 9 до 12, после обеда летом с 2 до 4, зимой с 1 до 3. В среду и субботу обучение предполагалось только до обеда. Обучению подлежали дети «всякого звания и обоего пола» возрастом от 6–13 лет. Время обучения и возраст учеников, принимаемых в училища, был таким же, как предполагалось по «Учреждению о губерниях» 1775 г.

Попечитель Московского учебного округа установил сумму, которую городское общество должно было ежегодно выделять на содержание уездного училища и приходских школ в губернском центре: на уездное училище – 1410 руб., а на каждое приходское училище – по 100 руб., всего – 1810 руб. Оговаривалось, что на нужды уездного училища в случае необходимости денежные средства будут выделяться из государственной казны, в то время как содержание «приходских училищ» целиком возлагалось на обывателей. Деньги должны были отдаваться

директору под расписку. Городская дума долгое время тянула с выплатой необходимой суммы. 22 декабря 1804 г. дума дала знать директору училищ, что не может выплачивать сумму 1810 р., и нуждается в помощи государственной казны для содержания учебных заведений города. Вскоре гражданский губернатор напомнил городской думе о необходимости выделить директору установленную сумму. По приговору думы от 23 мая 1805 г. было решено выделить требуемые деньги из городских доходов, однако они так и не были отправлены директору. Деньги на содержание четырех училищ, и то не в полном размере, были доставлены лишь к 6 октября 1805 г., т.е. по прошествии полутора лет. Интересно, что и все последующие годы городская дума высылала сумму на содержание четырех приходских училищ со значительным опозданием, что заставляло директора училищ И. Геннинга неоднократно напоминать думе об этой обязанности²⁹³. Сумма на содержание уездного училища градским обществом вовсе не выделялась.

В отчете губернатору о городских доходах и расходах за 1810 г. городская дума сообщила, что на содержание четырех училищ было потрачено 593 руб. 25 к., что составило около 1 % всех городских расходов за год, и было значительно меньше требуемой суммы. По настоянию губернатора принца Георга Ольденбургского с 1811 г. из городских доходов стали ежегодно выделяться 200 руб. на содержание Тверского уездного училища, помимо средств, выделяемых на приходские школы. Однако тверская дума, как и прежде, высылала деньги директору с большой задержкой²⁹⁴. Но в 1819 г. на содержание городских школ было выделено лишь 400 руб.²⁹⁵ Городская дума отказывалась содержать уездное училище вплоть до 20-х гг. XIX в. Исключением был небольшой период, когда Тверским генерал-губернатором был назначен принц Георг.

Так же неохотно дума выполняла обязанность по содержанию и отоплению зданий училища и школ. Все училища должны были

отапливаться из городских доходов. Однако дума до поздней осени не выделяла необходимую сумму на дрова, что приводило к срыву учебного процесса в школах²⁹⁶.

Следует отметить, что городская дума на протяжении исследуемого периода не оспаривала необходимость выделять деньги на содержание приходских школ. Сопротивление вызывало лишь требование финансировать уездное училище, где могли обучаться дети различных сословий. Горожане не хотели оплачивать обучение дворянских или крестьянских детей. Тверское дворянство, в свою очередь, не желало обучать своих детей совместно с представителями других категорий населения, и в 1822 г. приняли решение о создании «благородного пансиона» для дворянских детей, который должен был действовать наряду с гимназией.²⁹⁷ В этом контексте становится понятным, почему в 1823 г. на просьбу гражданского губернатора увеличить выделяемую на училище сумму тверская дума ответила согласием, повысив ее более чем в два раза²⁹⁸. свидетельствует о несогласованности интересов сословий в Тверской губернии. Позиция тверских горожан и дворян не соответствовала основной идеи школьных реформ Екатерины II и Александра I и делала невозможным создание бессословной системы учебных заведений в регионе.

Упорство, проявленное Тверской городской думой в вопросе финансового обеспечения тверского училища, свидетельствует об особенностях гражданского сознания тверских жителей. Последние были готовы не выполнять указания губернского начальства, пытаясь оставить за собой право самостоятельно распоряжаться городскими доходами. Сопротивление тверской городской думы в этом вопросе было направлено на сохранение элементов самоуправления в Твери и свидетельствует об активной гражданской позиции тверитян.

Становление и развитие образовательных учреждений в Твери оказалось невозможным без учета государством интересов различных категорий населения города, что говорит об устоявшейся традиции сословного самоуправления в Твери.

Вышесказанное позволяют иначе взглянуть на судьбу реформ в России. Возникнув в эпоху Екатерины II, идея бессословного образования, очевидно, не была воспринята различными категориями российского общества. Скорее всего, это было невозможно в условиях становления и развития сословного самоуправления, введенного Жалованными грамотами дворянству и городам в 1785 г. Однако, несмотря на кажущуюся несвоевременность идеи бессословности, заложенной в школьных реформах Екатерины II и Александра I, именно они, по всей видимости, подготовили общество к Великим реформам Александра II, в ходе которых принцип бессословности был реализован как в системе образования, так и в других сферах общественной жизни.

Раздел 4. Незаконнорожденные

Глава 1. Внебрачные дети в русском городе

Незаконнорожденными в дореволюционной России считались все внебрачные дети.

Появление на свет незаконнорожденного расценивалось Церковью и обществом как греховное, подрывающее нравственное начало института семьи. Государство лишало внебрачных детей права на «имя фамилии отца и законное после него или после матери своей в имуществе наследство»²⁹⁹. Хорошо известно, что российские императоры сами строго следовали этому закону. Так, Александр I имел внебрачных.

Около 14-ти лет он был увлечен первой красавицей Петербурга Марией Антоновной Нарышкиной.

Эта любовь подарила императору трех детей: Марину, Софью и Эмануила. Все они, к глубокой скорби Александра, скончались в детстве, не дожив до совершеннолетия.

Судьба у них могла быть радикально разной в зависимости от того, в какой среде родился ребенок. Хорошо всем известный литературный персонаж Пьер Безухов из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» был незаконнорожденным, однако по именному указу Императора в ответ на прошение его отца, именно он, незаконнорожденный, стал наследником огромного состояния.

Александр Павлович
(Александр I), Император
Российской Империи
23.12.1777-19.11.1825.

Пьер Безухов – персонаж вымышленный. Однако такие примеры встречались и в жизни. Мать любимой жены А.С. Пушкина Наталья Николаевна – Наталья Загряжская, была незаконнорожденной. Она была прижита от любовной связи ее отца с некой испанкой Ульрикой. Несчастливая женщина умерла вскоре после родов и девочку воспитывала его законная жена. Воспитание девочке самое хорошее, отдали во фрейлины при императорском дворе, где очень быстро нашли ей хорошую партию – выдали замуж за Загряжского.

Мария Антоновна
Нарышкина. С.Тончи 1800

Действительно, российское семейное право позволяло признать законность внебрачного ребенка. Это можно было сделать через последующий брак родителей, а также без брака, но по высочайшему разрешению³⁰⁰. Пример последнего и был описан Л.Н. Толстым в знаменитом романе, но это было доступно единицам, представителям самых знатных фамилий империи. А вот первый вариант использовался разными сословиями. Сейчас это явления довольно распространенное, его называют «брак по залету». Надо сказать, что и в XVIII – первой половине XIX в. на брак с беременной или уже родившей невестой общественность смотрела благосклонно. Вероятно, так предписывала российскому менталитету христианская мораль: поженились, значит раскаялись. Ю.В. Бодрова приводит пример такого брака в среде провинциального чиновничества. В 1806 г. дочерью подпоручика Пелагеей Яковлевной Орловой был рожден сын Василий. Отцом являлся губернский секретарь Иван Петрович Петров. Через несколько месяцев после родов молодые были обвенчаны. Младенец скончался в возрасте пяти месяцев от

простуды, но в метрической книге он уже был записан как законный ребенок³⁰¹.

Примеров узаконивания внебрачных детей путем заключения брака между родителями можно найти немало. Но все они характерны для довольно состоятельных сословий. Ведь принудить отца незаконнорожденного младенца вступить в брак мог только авторитетный человек, отец семейства.

Младенцы, которых находили в корзиночках у ворот церквей, сиротских домов, домов горожан или вовсе на улице, тоже были незаконнорожденные. Однако придворными дамами или кавалерами они стать никак не могли, даже если выживали. Их жизнь была не простой с самого рождения.

Женщины, родившие незаконнорожденных детей, подвергались позору и резкому общественному порицанию. Поэтому они всячески старались скрыть факт и, тем более, последствия, внебрачных сексуальных отношений, прибегая к прерыванию нежелательной беременности. Иногда боязнь позора приводила к детоубийствам или вынуждала подкидывать детей горожанам или в воспитательные дома.

В XVIII в., со становлением системы государственного социального призрения (социальной защиты), закон взял под защиту всех внебрачных детей. В 1716 г. на отца была возложена обязанность содержать незаконнорожденных детей вместе с матерью. Внебрачных детей можно было усыновлять по ходатайству отца и при вступлении в брак родителей, но только в исключительных случаях – в виде награды за особые заслуги и с разрешения государя.

В 1804 г. Тверской приказ общественного призрения предписал позволять горожанам брать на воспитание подкидышей и записывать этих детей в городское общество³⁰². В Тульском приказе общественного

признания аналогичное решение было принято несколькими годами ранее, в 1794 г.³⁰³ В Вышнем Волочке такая практика существовала на протяжении всей последней четверти XVIII в.

В первой половине XIX в. жители Вышнего Волочка отличались особенной активностью в усыновлении подкинутых детей. В 1803 г. просьбы отдать на содержание детей из сиротского суда поступили от 8 людей³⁰⁴. Подобные просьбы удовлетворялись, при этом сирот приписывали к Вышневолоцкому мещанству³⁰⁵.

Судьба усыновленных подкидышей никем не отслеживалась. Исследователи истории социального признания в Ярославле отмечают, что сироты часто «жили в людях», работая у «достаточных хозяев»³⁰⁶. В 1820 г. Приказ общественного призрения запретил отдавать на воспитание «несчастнорожденных» детей до 17 лет без его разрешения; а также требовал отсылать всех подкидышей («несчастнорожденных») до 17 лет для обучения в приходские и уездные училища.

Лишь после обучения или ввиду отсутствия способностей к учебе подкинутых детей разрешалось отдавать на воспитание или обучение какому-либо мастерству³⁰⁷. Вероятно, вводимые ограничения были попыткой сломать сложившуюся практику использования труда детей-сирот.

Николай I в 1829 г. запретил усыновление, что, впрочем, строго соблюдалось

Подмастерье. О.А. Кипренский

лишь в отношении дворянства. Городские сословия могли усыновлять подкидышей, приемышей, не помнящих родства, что открывало возможности усыновления и своего внебрачного ребенка. В 1859 г. был восстановлен порядок усыновления, существовавший до 1829 г.³⁰⁸

Начиная с Петра I, российские императоры стремились во всем найти государственную пользу. Указы 1730 и 1733 гг. ввели практику распределять подкидышей следующим образом: детей мужского пола, которые «не помещичьи и не посадские», следовало определять в школы гарнизонные, учрежденные для солдатских детей, «дабы оные по возрасту годились в службу вместо рекрут», а девочек – отдавать на фабрики или тем, кто «для воспитания и во услужение взять похочет»³⁰⁹.

Такая практика продолжалась и в последующее время. 19 сентября 1789 г. в Тверской сиротский суд из Приказа общественного призрения была прислана «немая девка» из «больнишного дома» для помещения в городскую богадельню. В резолюции сиротского суда записано, что девушку взяла купеческая жена Соболева. Она должна была содержать «немую девку» в своем доме, при этом с Соболевой взяли подписку, «чтоб шататься по миру не допускала»³¹⁰. В данном случае материальное обеспечение немой девушки возлагалось на Соболеву. Отдача подкинутых детей на содержание в частные руки позволяла экономить средства городского общества. В Твери такие случаи встречаются, но, по всей видимости, они были единичными. В Томске в конце XVIII в. комендант города майор Суховицкий настоятельно рекомендовал отдавать престарелых, увечных и нищих, в том числе детей, на проживание и содержание более состоятельным горожанам. Только в случае если желающих не находилось, их должны были передавать в богадельню³¹¹.

Одним из самых ярких примеров использования детского труда была Императорская Александровская мануфактура.

Императорская Александровская мануфактура
(Обуховский сталелитейный завод).
Неизвестный автор. Современное фото.

Эта фабрика получила свое название от местечка Александровска, лежащего на левом берегу Невы, в 10 верстах от Петербурга. «Она устроилась по одобренному императором Павлом I в 1798 г. проекту аббата Михаила

Оссовского, доказывавшему необходимость основания такой казенной мануфактуры для примерной механической выделки прядева хлопчатой бумаги, льна и шерсти»³¹². Уже в начале XIX в. эта мануфактура была передана в ведение учреждений императрицы Марии, а именно, она непосредственно принадлежала к ведомству Санкт-Петербургского Воспитательного дома. С самого начала предполагалось, что дети, содержащиеся в Воспитательном доме столицы, будут работать на этой фабрике. Обхват детей-сирот оказался значительно больше. В начале XIX в. по инициативе Приказа общественного призрения из Тверского сиротского дома неоднократно набирались дети-подростки для работы на Александровской мануфактуре. Подобные же письма-предложения приходили и в другие регионы центральной России. Предприятие с детьми-сиротами в качестве рабочей силы существовало достаточно долго, вплоть до Великих реформ Александра II. Все это время на этой фабрике выделывали игральные карты, составляющие монополию Воспитательного дома. Кроме выделки игровых карт, она произвела ткацкие изделия на значительные суммы.

В 1860 г. фабрика была закрыта на ее помещения были вскоре переданы Морскому ведомству для постройки Обуховского

сталелитейного завода (в советское время – сталелитейный завод «Большевик»).

Незаконнорожденные дети, или дети-сироты, рано потерявшие родителей и не помнящие о себе почти ничего, нередко пополняли в городах категорию нищих попрошаек. Как ни печальны были истории этих ребят, в городских учреждениях, куда они присылались, к ним часто относились достаточно формально. Вот пример из книги Н.В. Козловой (он относится к середине XVIII в., но в этом вопросе ситуация не изменилась и впоследствии): В ноябре 1735 г. Московская полицмейстерская канцелярия отослала в Коллегию экономии малолетний Гаврила Иванов, «у которого руки в кистях, а ноги в коленях, знатно от болезни, свело, ...лет пяти». Он был обнаружен лежащим под рогожей в санях на Тверской улице. О себе, «какова чину отец его был и откуда он привезен и ничего, кроме того, что де отец его и мать померли», по малолетству и болезни он сообщить не смог. Мальчика отослали обратно в полицию, объявив, что без указа Канторы Сената сделать с ним ничего «не смеет». Через год ситуация повторилась с некоей девкой Афимьей. Отец ее умер, а сама она, «весьма больная», жила в разных сараях и была подобрана лежащей на улице. В Коллегии экономии заявили, что «еже ли де из Сенатской канторы прислан будет указ, то она принета будет». В результате маленький мальчик умер в полиции, а девочка какое-то время содержалась в полиции как лежащая больная³¹³. Дальнейшая ее судьба не известна.

Глава 2. «Детские дома» эпохи Просвещения

Одним из наиболее обсуждаемых социальных вопросов современной России является детская беспризорность. Поиск новых подходов к решению этой проблемы не возможен без рассмотрения её в ретроспективе.

Сложно сказать, когда именно в России появились подкидыши. Естественно, этот процесс непосредственно связан с ростом городов и, как следствие, анонимности. Известно, что уже в XVI в. в некоторых богадельнях воспитывались подкидыши и круглые сироты. Эта традиция сохранялась и в следующем столетии. В конце 1660-х – начале 1670-х гг. дети-сироты проживали в богадельнях Москвы: на Могилицах, на Кулишках, в Боровицкой (за Боровицким мостом) и Введенской. Имелись они также и в богадельне на дворе у боярина Б.И. Морозова³¹⁴.

В 1715г. Петр I учредил сиротские приюты, которые были открыты в Петербурге, Москве и других городах. В московских приютах в 1719 г. находилось 90, а в 1724 г. – 865 подкидышей, среди которых были дети от новорожденных до 8 лет. Однако после смерти Петра I сиротские приюты закрылись и возродились вновь только при Екатерине II в виде Воспитательных домов в Москве и Санкт-Петербурге, а также сиротских домов во всех губернских и многих уездных городах России³¹⁵.

Принято считать, что в России государство стало заботиться о призрении сирот (подкидышей — О. Д.) при Екатерине II. 1 октября 1763 г. в Москве был учрежден первый в России Воспитательный дом³¹⁶. В 1770 г. Воспитательный дом был открыт в Санкт-Петербурге³¹⁷.

Первый воспитательный дом Тверской губернии был учрежден 27 ноября 1773 г. в городе Осташкове.

Заведение «для
воспитания найденных и
приносимых несчастно
рождающихся и
родителями оставленных
младенцев обоего пола»
открывалось и
содержалось за счет
жителей города.
Опекунский совет
Императорского

Воспитательный дом в г. Осташкове.
Современное фото. Неизвестный автор.

воспитательного дома объявил горожанам благодарность за «истинное христианское благотворение и богоугодное дело». Объявление о поступке осташковских мещан «в церквях в воскресные и праздничные дни при собрании народа читано было вслух, чтоб как о заведении воспитания младенцев, так о ревности и усердии тех мещан каждому было известно». Указ об объявлении благодарности вошел в состав Полного собрания законов Российской империи³¹⁸. Всех подкидышей с этого момента было велено отправлять в воспитательные дома³¹⁹.

Вскоре по «Учреждению» 1775 г. воспитательные, или сиротские, дома должны были открываться в каждом городе. По законодательству организация этих заведений поручалась Приказам общественного призрения³²⁰, однако на практике активное участие в этой работе принимали сиротские суды, вводимые в каждом российском городе.

В большей части городов Тверской губернии сиротские дома были образованы практически сразу после 1775 г. Первые записи о подкинутых младенцах встречаются в документах сиротских судов Тверской губернии уже в 1777 г. В этом же году Приказ общественного призрения разослал во все сиротские суды губернии книги для записи подкинутых детей³²¹.

Однако сиротские дома не были в полном смысле отдельным заведением, они являлись частью богаделен.

г. Тверь. Вид на центр и Аваевскую богадельню. Неизвестный автор. Фото конца XIX в.

В каждом городе эти два «богоугодных» учреждения располагались в одном здании, что приводило иногда к смешению в документах понятий и терминов. В журналах Тверского

сиротского суда часто встречаются сведения о том, что младенцев помещали в женское крыло городской богадельни³²².

Известно, что в Бежецке приют для подкинутых младенцев начал самостоятельно существовать в 1783 г.³²³, в Калязине же сведения о наличии в городе сиротского дома как отдельного учреждения, не связанного с городской богадельней, появляются лишь во второй четверти XIX в. Известно, что в Калязинском сиротском доме была должность «служительницы»³²⁴.

Содержание воспитательных домов в составе других «богоугодных заведений» было характерно и для других регионов России. Так, во Владимире воспитательный дом содержался в здании работного, а чуть позже — инвалидного дома³²⁵. Этим можно объяснить, что, по данным на середину XIX в., в России насчитывался 21 сиротский дом³²⁶. Остальные, по-видимому, оставались в составе богаделен или других учреждений социального призрения и не были учтены.

Самыми крупными сиротскими домами в России на протяжении всего периода (в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.) оставались знаменитые воспитательные дома в Москве и Санкт-Петербурге.

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

Здание Императорского воспитательного дома в г. Санкт-Петербург. Неизвестный автор. Рисунок середины XIX в.

изредка переходя за сотню. Безусловно, число подкидышей напрямую зависло от численности населения в городе. Крупные, тем более столичные города, чаще сталкивались с этой проблемой. Но, следует отметить, что в больших городах на рост числа подкидышей влияло и большее количество «домов терпимости» и в целом, распушенность нравов.

Именно в столичных городах люди проще и чаще соглашались на внебрачные связи, последствием которых и становились несчастные младенцы, или «несчастнорожденные», как их тогда называли в официальных документах.

Комплектацией

сиротских домов в Твери занимался Приказ общественного призрения и сиротский суд. В уездных городах Тверской губернии городничие присылали подкидышей в сиротские суды. Которые, в свою очередь,

По подсчетам Д. Рэнсела, в 1791 – 1800 гг. в оба дома поступали ежегодно 3342 младенца, а в 1841 – 1850 гг. – 13092³²⁷. В губернских и уездных городах эта цифра была значительно меньше: она составляла несколько десятков детей в год,

Императорский воспитательный дом в г. Москве, главное здание. Неизвестный автор. Фотография 2007 г.

направляли их попечителю или смотрительнице местной богадельни. Иногда детей оставляли около церкви. В Калязине младенцев подкидывали к самому сиротскому дому³²⁸. В Вышнем Волочке детей часто находили около домов или квартир горожан³²⁹.

Городничий занимался розыском людей, подкинувших детей и «виновных в их рождении»³³⁰. Эта работа поручалась, как правило, квартальным надзирателям. Иногда такие расследования заканчивались успешно. 11 июня 1838 г. в журнале сиротского суда было записан текст письма городничего, в котором тот описал результаты поиска «виновных в рождении» ребенка, подкинутого к дому писца канцеляриста Павла Любского. «Виновницей в прижитии того младенца незаконно» была ямщицкая дочь деревни Шишкова девица Прасковья Иванова Добова, отцом ребенка являлся неизвестный рядовой, «коего в городе сейчас нет». Сиротский суд передал городничему подкинутого ребенка, а тот, в свою очередь, вернул его матери³³¹. 3 августа 1838 г. городничий сообщил сиротскому суду, что матерью ребенка, подкинутого к дому вдовы Прасковье Еремеевой, оказалась солдатская девка Прасковья Иванова (подкинула ребенка некая Аграфена). Городничий потребовал отдать ребенка матери, однако оказалось, что тот к этому моменту уже умер³³².

В 1820-х гг. политика в отношении воспитательных домов и содержащихся в них детей изменилась. В 1828 г. вышел указ «о прекращении свободного доступа в воспитательные дома», по которому следовало закрыть воспитательные дома, а питомцев отдать частным людям³³³. Вместе с этим начались преследования родителей подкидышей. Известно, что в 1839 г. за подкидывание младенцев были привлечены к уголовной ответственности 47 мужчин и 123 женщины. Это число постоянно увеличивалось. Безусловно, количество привлеченных к ответственности людей было все равно незначительным. С ростом численности городов все сложнее и сложнее становилось разыскивать

тайных матерей, а тем более, отцов. По подсчетам Б.Н. Миронова, число подкидышей в 10 раз превышало количество родителей, которых смогли разыскать власти³³⁴.

Вновь поступающие дети продолжали передаваться попечителю богадельни³³⁵. Очевидно, большая часть младенцев так или иначе распределялась между горожанами. Практика передачи детей на воспитание при сохранении «умеренной платы» из городской казны продолжалась на протяжении всей второй четверти XIX в. Во Владимире воспитательный дом также был закрыт после указа 1828 г.³³⁶ Исследователи социальной работы в Курской губернии считают, что в Курском регионе сиротские дома в конце XVIII — первой половине XIX в. были факультативными. Наличие или отсутствие в городе сиротского дома зависело от наличия средств в городской казне. В Курской губернии разрешалось отдавать на воспитание подкинутых детей «благонадежным людям» «за умеренную плату». Это явление, очевидно, было характерно для большинства городов Курской губернии³³⁷. Принятие такого решения, по-видимому, в первую очередь было связано с отсутствием достаточных средств в городской казне. В Вышнем Волочке лицам, которые брали сирот на воспитание, выплачивали из городских доходов по 5 руб. в месяц до достижения им двухлетнего возраста³³⁸. Но содержание детей в воспитательном доме было, очевидно, дороже.

Второй причиной закрытия воспитательных домов, по мнению владимирских исследователей, являлась высокая детская смертность³³⁹. Для исследуемого периода в целом характерна высокая детская смертность. 25–30 % новорожденных не доживали до 1 года, 57–58 % — до 5 лет³⁴⁰. Б. Н. Миронов выделяет несколько причин этого явления: низкая культура и грамотность, недостаток медицинских знаний, бедность, особая экстенсивная модель воспроизводства населения³⁴¹. Н. П. Ерошкин отмечает, что в столичных воспитательных домах в XVIII — первой

половине XIX в. умирало 85 % принимаемых детей³⁴². Во Владимире смертность младенцев составляла 84,3 %³⁴³. По наблюдениям Г. И. Панова, высокая смертность была характерна и для Тульского воспитательного дома³⁴⁴. Это явление имело место и в сиротских домах Тверской губернии. С самого начала Приказ общественного призрения, а вместе с ним и сиротские суды боролись с болезнями, предпринимали профилактические меры. 3 ноября 1782 г. Приказ общественного призрения прислал в Вышневолоцкий сиротский суд банку с магнезией и рецепт от болезней младенцев, велел давать лекарство под надзором городничего еженедельно по несколько раз.³⁴⁵

Гистограммы (рис. 2, 3) наглядно демонстрируют, что большая часть подкинутых младенцев в Вышнем Волочке на протяжении первой четверти XIX в. умирала, но умирали не все. Кроме того, отчетливо видна тенденция к увеличению числа подкидышей, что свидетельствует о росте асоциального поведения среди женщин в городском пространстве. Сведения о числе приносимых и погибавших младенцев в Калязинском воспитательном доме приводятся И. С. Белюстиным³⁴⁶. Исходя из этих данных, в Калязине «пропорция умирающих равна пропорции принимаемых», т. е. уровень смертности подкидышей был выше, чем в Вышнем Волочке. Причину этого явления И. С. Белюстин видел в плохом уходе за детьми, среди «служительниц» сиротского дома часто встречались «явно пьяницы и распутные».

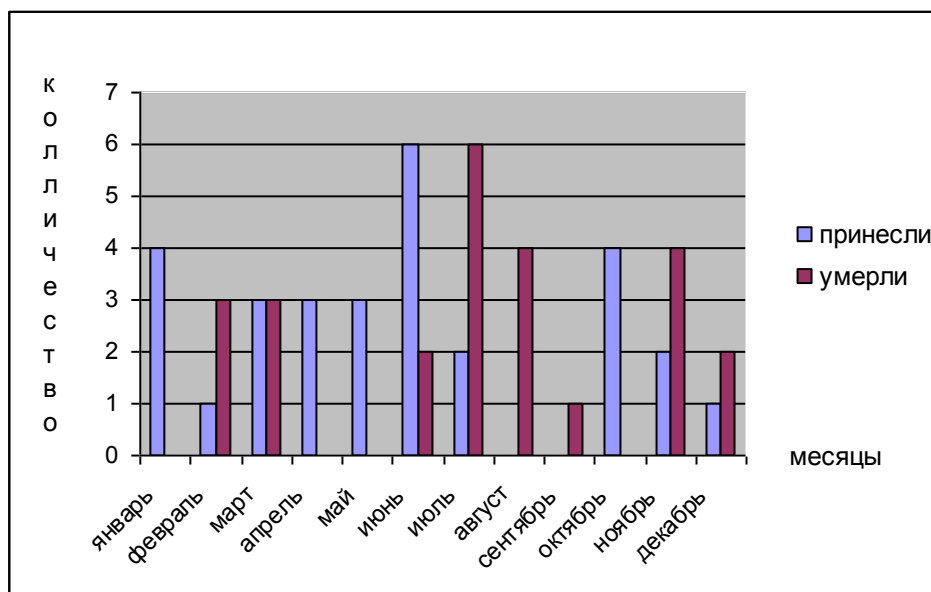

Рис. 2. Уровень смертности детей в сиротском доме в Вышнем Волочке в 1803 г.

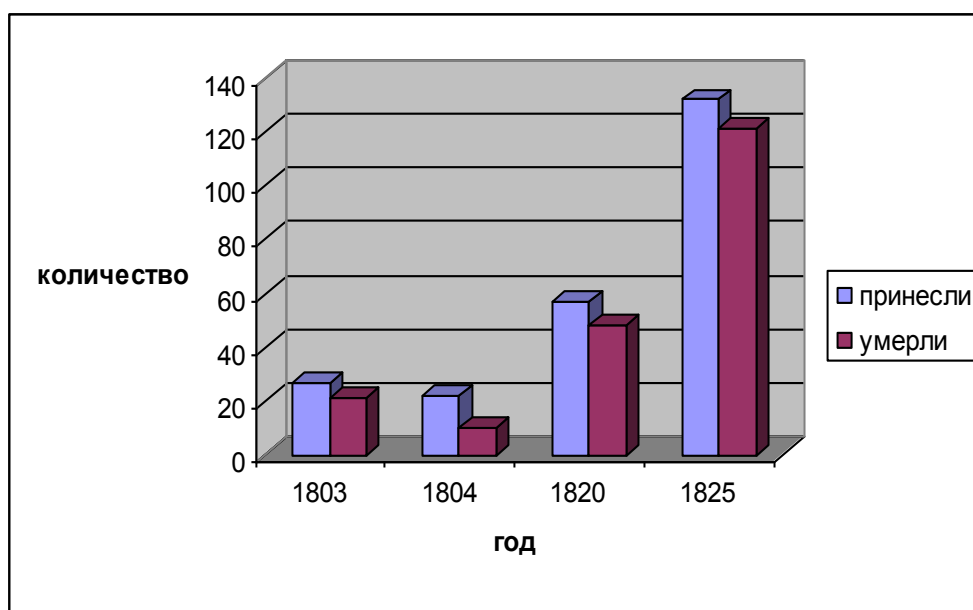

Рис. 3. Уровень смертности детей в сиротском доме в Вышнем Волочке в первой четверти XIX в.

Приказ общественного призрения, пытаясь предотвратить повышенную детскую смертность в воспитательных домах, распорядился наказывать за это попечителей³⁴⁷. Однако сведений о каких-либо взысканиях с попечителей не было обнаружено.

В первые годы существования сиротских домов на содержание каждого младенца Приказ общественного призрения единовременно выделял 15 руб.³⁴⁸ В последующем подкидыши должны были содержаться на «подаяния» и «пожертвования»³⁴⁹. Закон предусматривал использование дополнительных источников финансирования на содержание воспитательных домов, им было предоставлено исключительное право клеймить и продавать карты в Российской империи, а также получать 10-ю часть дохода, собираемого за вход в городские театры³⁵⁰. В Тверской губернии подобной практики не было.

Во второй четверти XIX в. Вышневолоцкая дума ежемесячно выделяла из городских доходов по 5 руб. на каждого подкинутого младенца до достижения им двухлетнего возраста³⁵¹. Широкое развитие дела призрения детей в России во второй четверти XIX в. современный исследователь А. Р. Соколов объясняет волной холерных эпидемий 1830—1840-х гг. В 1839 г. было утверждено «Положение о детских приютах», где дети должны были обучаться грамотности и приобретать ремесленные навыки»³⁵².

По достижении совершеннолетия подкинутых детей, содержавшихся ранее в сиротском доме в Вышнем Волочке, записывали в богадельню, т. е. переводили в статус «богадельников»³⁵³. Иногда в число «богадельников» записывали и несовершеннолетних детей. Так, по рекомендации городской думы в число богадельников были записаны Ненила 15 лет и Параскева 13 лет на том основании, что они уже были способны самостоятельно себя «пропитывать», занимаясь рукоделием³⁵⁴.

Исключение из числа «богадельников» производилось при вступлении сирот в брак. В журнале Калязинского сиротского суда 1838 г. зафиксирован случай, когда рядовой инвалидной команды Герасим Иванов Козанов заявил о своем желании жениться на 17-тилетней сироте, прожи-

вавшей в богадельне, Афимьи Федоровой. Приказ общественного призрения дал разрешение на этот брак³⁵⁵.

По закону при «выпуске» из воспитательного дома сирота должен был получить капитал, составленный из денег, выручаемых от «продажи работ», выполняемых им на протяжении всего срока содержания в сиротском доме³⁵⁶. Однако в материалах Тверской губернии сведений о подобных выплатах обнаружить не удалось. Вполне вероятно, что все выручаемые средства тратились на текущее содержание младенцев, что делало невозможным накопление капиталов.

В Вышнем Волочке после достижения совершеннолетия некоторые «подкидыши», воспитывавшиеся у горожан, навели справки, в которых просили подтвердить, что они действительно были подкинута, затем взяты на воспитание и записаны в мещанство³⁵⁷.

Итак, воспитательные дома существовали в большинстве городов Тверской губернии при городских богадельнях уже с последней четверти XVIII в. Исключение составляет Калязин, где факт существования воспитательного дома впервые был зафиксирован лишь во второй четверти XIX в. Финансирование сиротских домов зависело, зачастую, от городской администрации и размера «доброхотных» пожертвований, который варьировался в различных городах Тверской губернии в зависимости от богатства местных жителей и уровня их социальной терпимости. Общей для всех воспитательных домов оставалась проблема детской смертности. Несмотря на то, что государство прикладывало усилия для её решения, общий уровень медицинских знаний был крайне низким. К середине XIX в. наблюдается тенденция увеличения численности как сиротских домов, так и детей, содержащихся в них, что можно объяснить с одной стороны «падением нравов» среди городского населения, с другой – низким уровнем благосостояния горожан.

Заключение

Настало время повести итоги нашей работы. Как же он выглядел и чем занимался, ребенок в русском городе последней четверти XVIII – XIX в.: эпоху Екатерины II и А.С. Пушкина, время наполеоновских войн и строительства первой железной дороги в России.

В это время российское общество оставалось сословным. Строго говоря, ряд ученых полагают, что сословия и оформились в России в конце XVIII в. с изданием Жалованных грамот дворянству и городам в 1785 г. находясь в одном и том же городе, дети проживали совершенно разные жизни в соответствии со своим социальным статусом и теми обстоятельствами, в которых оказался и вырос ребенок. Жизнь ребенка была не так беззаботна, как сейчас. Каждый маленький человек проходил свои испытания: дворянский отпрыск – наказания розгами в училище; купеческий сын рано начинал помогать отцу в лавке, включался в семейное дело и его детство фактически заканчивалось; жизнь солдатского ребенка вовсе была не завидной, она зачастую состояла из голода, побирательства и других мытарств; а незаконнорожденные подкидыши, если и выживали, то тоже были обречены на тяжелый труд или скитания с малолетства.

Несмотря на то, что по закону Российской империи возраст совершеннолетия в рассмотренный нами отрезок времени колебался от 17 до 21 года, фактически детство для каждого ребенка заканчивалось примерно в 10 лет. Дети высших сословий отдавались учиться в различные заведения. Мальчики и девочки из «городского сословия» привлекались к труду: промыслу или хозяйству (некоторые девочки с 10-12 лет занимались рукоделием на продажу). К работе на Александровской мануфактуре также привлекались безродные дети примерно этого же возраста.

Жизнь среднестатистического ребенка в городе состояла из трудов и учения, и лишь малое место в ней занимали развлечения, игры и игрушки. Любопытно, что именно эти ребята выросли в героев Отечественной войны 1812 г., а затем и Крымской войны 1853 – 1856 г. именно эти дети, повзрослев, становились чиновниками, изобретателями, инженерами, писателями, художниками или общественным деятелями, богатыми купцами и меценатами или рабочими людьми, честно зарабатывающими себе на жизнь. Именно этим детям, выросшим в русских городах в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. мы обязаны и нашими доблестными военными победами, и «Золотым веком» русской культуры, и невероятными темпами роста промышленности на протяжении всего XIX столетия.

При поверхностном взгляде на поставленную проблему может показаться, что все достижения России в геополитике, экономике и культуре XIX в. стали результатом политики Просвещенного абсолютизма, в ходе которой русскому обществу «сверху» внедрялись идеи французских Просветителей. Однако обращение к реальности, подкрепленной документами различного происхождения, ясно показывает, что на протяжении последней четверти XVIII – первой половины XIX в. эти идеи, в том числе педагогические, не успели проникнуть в городскую среду (о сельской местности с традиционным патриархальным укладом даже говорить не приходится). Воспитание и обучение детей в городском пространстве осуществлялось в соответствии с их положением. Попытка Екатерины II создать сословные школы и таким образом сломать традиционный уклад не удалась или оказалась не своевременной. Сословное и трудовое воспитание оставалось в рассмотренный нами период основной парадигмой во взаимодействии с детьми.

Сословные различия в жизни детей в последней четверти XVIII – первой половины XIX в. были существенные. Но было и много общего. Например, отношение к детям и детству в целом – теплое, но спокойное. Родители дореформенной эпохи, безусловно, любили своих детей, но не так трепетно и жадно, как современные люди своих, зачастую, единственных чад. Вероятно, это можно объяснить высокими показателями детской рождаемости и смертности. Слабое использование контрацепции, в том числе благодаря пока еще крепким православным ценностям, способствовало высокому уровню рождаемости. В то же время, как видно из дневника тверского купца Волкова (см. приложения), люди спокойно и смиренно относились к смерти своего ребенка до 10-12 лет. Возможно, умышленно старались не привязываться к маленькому человечку, которого подстерегало множество болезней и опасностей.

Такое и сейчас можно наблюдать в многодетных семьях, где родители решились на трех или более детей. Вот одна зарисовка из жизни современной многодетной семьи, проживающей в том же городе Тверь. Одна моя знакомая посетила детский праздник, где среди приглашенных было несколько многодетных семей приличного достатка. У хозяина праздника своих детей было четверо, из них самый младший был еще грудного возраста, до года. Он уже уверенно сидел в детском стульчике. В разгар праздника мальчик возбудился и на радостях встал и приготовился прыгнуть со своего стула. Гостья быстро заметила этот порыв и с испугом немедленно сообщила об этом отцу. Реакция отца более чем спокойная: он не испугался, не рванул резко к стульчику, а спокойно подошел и, приговаривая «Ну что ж ты, бедолага..» посадил его обратно. Удивило гостью на празднике и то, что в таких семьях не родители бегают за своим капризным чадом, предлагая на выбор разные развлечения, игры, конфеты, а дети сами, боясь упустить из виду свою маму и папу, держаться вместе и не теряются. В таких семьях родители обычно обладают абсолютным

авторитетом у детей – иначе не возможно уберечь каждого ребенка от бесконечных опасностей дома и на улице. Помимо четкой иерархии в распределении ролей, существует и строгий распорядок: время для сна, еды, игр и отдыха для всех одинаково. На этом, вероятно, и строятся патриархальные отношения в семье. Если мы хотим узнать как выглядел и как думал ребенок в последней четверти XVIII – первой половине XIX в., не обратится ли нам к детям из таких многодетных семей?

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

Дело об опеке вдовы и детей тверского купца Якова Максимовича Капустина (1791 – 1807 гг.)

Дело храниться в фонде Тверского сиротского суда Государственного архива Тверской области. Переплет мягкий. Полное название: «Дело о взятии в опеку после умершаго тверскаго купца Якова Максимова Капустина детей»³⁵⁸. Дело является типичным для делопроизводства Тверского сиротского суда, т.к. содержит все разделы, характерные для этой категории документации. Текст дела приводится частично. Выбранные фрагменты полностью передают текст следующих документов:

- 1) предложение городского головы Тверскому сиротскому суду о необходимости взять в опеку детей умершего купца Я.М. Капустина (Л. 1, 1 об.);
- 2) свидетельство о смерти Я.М. Капустина (Л. 2);
- 3) рапорт и опись имущества, составленные опекунами при учреждении опеки (Л. 13–15 об.);
- 4) один из ежегодных отчетов, составлявшихся опекунами для сиротского суда (Л. 37);
- 5) приходно-расходная книга опекунов за 1798 год. Представляет собой таблицу на развороте: слева указан приход, справа – расход. В таблице записаны содержание прихода и расхода, суммы прописью и цифрами. (Л. 52).

При передаче текста автор старался сохранить расположение реквизитов документов и разделов текстов. Делопроизводственные пометы, включая регистрационные номера, выделены курсивом. Названия документов приведены в полном соответствии с текстом оригинала. Сохранена

орфография того времени, пунктуация соответствует современным правилам русского языка. Все документы, приведенные ниже, являются полинниками.

№ 34. Подано 8 декабря 1791 году

Тверскому городовому сиротскому суду
от градского головы Василия Волкова

Предложение.

Уведомился я, что тверской купец Яков Максимов сын Капустин волею Божиею умре; а после ево остались жена вдова Евдокея Абрамова дочь, дети Михайла семнадцати лет, Семен четырнадцати, Михайла трех лет, Алексей полугоду, дочери Анна двенатцати, Авдотья восьми лет; два дома деревянные, состоящие в первой городской части в приходе церкви Владимирския Божия Матери, да в хмелевом ряду каменная лавка и разныя движимыя имения, к коим по воле онаго Капустина опекунов не определено и имение з детьми остается без призрения, а как в высочайшем Ея императорскаго величества учреждении для управления губерний всероссийской империи в 21 главе о должности сиротскаго суда сказано в 296-й статье всякаго города глава долженствует уведомить городской сиротской суд о вдовах и о сиротах малолетних детях всякаго звания городских жителей, кои в том городе, где он избран, остались после мужей или родителей и без призрения находятся, прилагая о том свидетельство.

Того ради тверскому городовому сиротскому суду, прилагая, дабы оной благоволил о взятых показанных // (Л. 1 об.) сирот Капустиных и с имением в свое призрение, поступить по точной силе Высочайшего учреждения 299-ой статьи. А что подлинно оной Яков Капустин умре и после ево остались малолетние дети без призрения, о том прилагаю при сем свидетельство. Градской галава Василий Волков. Декабря дня 1791 года.

ГАТО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 – 1 об. Рукопись. Подлинник.

Свидетельство.

Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что тверской купец Яков Максимов сын Капустин волею божиею умре, а после ево остались без призрения жена ево вдова Евдокея Абрамова дочь с малолетними детьми: сыновьями Михайлом, Семеном, Михаилом и Алексеем, дочерьми Анною и Авдотьей и разныя движимыя и недвижимыя имений. Тверской посацкой человек Максим Васильев Сын Капустин. Тверской посацкой человек Герасим Васильев сын Капустин.

ГАТО. Ф. 679. Оп.1. Д. 15. Л. 2. Рукопись. Подлинник.

№ 31. Подан 28 сентября 1792.

В Тверской городской сиротской суд
от определенных к оставшему после умершаго тверскаго купца Якова Максимова сына Капустина малолетним ево детям и их имению опекунов тверских купцов Максима Гороскаго и Аники Капустина

Репорт³⁵⁹.

По силе определения Тверскаго городского сиротскаго суда оставшиися после объявленнаго умершаго тверскаго купца Якова Капустина движимыя и недвижимыя ево имении при правящем в тверском городском магистрате секретарскую должность регистраторе Карманове и при посторонних двух свидетелях описаны, которую опись за общими руками в сиротский суд сообщаем при сем; а таковую ж мы и у себя оставили, и то имение нами опекунами принято. Сентября дня 1792 году.³⁶⁰

К сему рапорту опекун тверской купец Максим Гороской руку приложил.³⁶¹

К сему рапорту опекун тверской купец Аника Капустин руку приложил.

ГАТО. Ф. 679. Оп.1. Д. 15. Л. 13. Рукопись. Подлинник.

Опись оставшемуся после умершего Тверского купца Якова Максимова сына Капустина движимому и недвижимому имению,

а имянно:

Дом деревянной, состоящей в городе Твери в 1-й городской части во 2-м квартале под № «...»³⁶². В нём изба жилая с комнаткою, в ней печь кирпичная простая, пять окон с оконницами стеколчетыми и при оных закрой; и две двери деревянные на крюках и петлях железных; сени; посреди оных зделан кладовой чулан дощатой с прекалитком, и при оных две двери, да по сторонам онаго чулана две двери деревянные; горница деревянная холодная, в ней четыре окна с оконницами стеколчетыми и при оных закрой; и одна дверь деревянная. При оной горницы глухой чулан, в нем небольшое окно с решедкою железною, также дверь деревянная. Между горницею и избою из сеней на двор приделанная деревянная светельня, в ней печь кирпичная галанская, три окна с оконницами стеколчетыми и при оных закрой; и одна дверь деревянная. Из сеней на крыльцо дверь деревянная; крыльцо приделанное деревянное. Для входу на оное небольшая лесница деревянная; и у всех вышеписанных покоев двери и у окон закрой на крюках и петлях железных. Оной дом крыт тесом.

На дворе деревянного строения:

два анбара деревянные, ис коих один дощатой з двумя дверьми, а другой бревенчетой з дверью ж. Под оными два погриба, возле оных скотской хлев з дверью деревянною на крюках и петлях железных, по верх онаго сенница ветхая: возле оной стая³⁶³ на столбах ветхая. Оное надворное строение крыто тесом ветхим. // (Л. 14 об.) Баня новая бревенчатая, в коей еще печь не зделана, крыта тесом. На улицу ворота створчетые с прекалиткою на крюках и петлях железных. На огород ворота небольшие на крюках и петлях железных. Под оным домом, двором и

огородом мерою земли поперешнику девять сажень с половиною, длину дватцать пять сажень. При оном доме на огороде ябынной³⁶⁴ сад.

В том доме святых образов:

1-й нерукотворенного образа

2-й всем скорбящая Божия матере

3-й преподобного Нилы Столобенского Чудотворца

Да позати онаго дому на другую улицу в том же квартале дом деревянной под № «...»³⁶⁵. В нем изба жилая с комнаткою. В ней печь кирпичная простая, пять окон с оконницами стекольчетыми и при оных закрои; и две двери деревянные. Ко оной избе приделаны сени деревянные, в них одно окно без оконницы. Из оных сеней на двор дверь деревянная. И вышеписанные двери и у окон закрои на крюках и петлях железных. Оной дом крыт тесом ветхим. На улицу ворота створчетыя на крюках и петлях железных. На огород ворота небольшие, также на крюках и петлях железных. Вокруг оноу дому заборы деревянные. // (Л. 15) Под оным домом, двором и огородом мерою земли поперешнику девять сажень с половиною, длину дватцать пять сажень. И при оном доме на огороде яблынной сад.

Да в хмелевом ряду на повороте на горшешную площадь против шерстяного ряду каменная на каменных же погребях лавка под № «...»³⁶⁶. Построена по улице передняя стенка на трех саженьях с полуаршинном, а задняя на трех саженьях и дву аршинах, в длину на четырех саженьях и дву аршинах с половиною, в коей еще пригорожена деревянными заборами к передней стене в углу с левой стороны небольшая лавка. Во оной наперед с лица дверь деревянная: да в большой лавке две двери, ис коих одна наперед, а другая назад деревянные створчетыя. Да еще наперед возле створчетых дверей с правой стороны с лица дверь деревянная, и при оной для входу наверх лесница. Еще с лица по улице под навесом в погриб лесница ж деревянная з закроями деревянными. На задней стене окно с

оконницею стекольчатою и з закроем деревянным. Во оной лавки полы и потолки деревянные, во всех притворах двери и у окна закрои на крюках и петлях железных. Она лавка и при ней свед³⁶⁷, крыто тесом.³⁶⁸

К сей описи тверской купец Максим Горской руку приложил.³⁶⁹

К сей описи опекун тверской купец Аника Капустин руку приложил.³⁷⁰

При сей описи правящий в Тверском городском магистрате секретарскую должность регистратор и публичной нотариус Диомид Карманов был.³⁷¹ //

(Л. 15 об.) При сей описи тверской посацкай человек Иван Герасимов сын Чирепягин свидетелем был и руку приложил.³⁷²

При сей описи тверской посацкой человек Патап Максимов сын Былинкин свидетелем был руку приложил.

ГАТО. Ф. 679. Оп.1. Д. 15. Л. 15 – 15 об. Рукопись. Подлинник.

№ 14. Подан 9 февраля 1793 году.

В тверской городской сиротской суд
тверскаго купца Максима Горскаго

Рапорт.

В прошлом 1791 году по определению онаго сиротскаго суда велено нам быть при оставшихся малолетних³⁷³ умершаго тверскаго посадника Якова Капустина детях и их имениях опекунами, а как по высочайшему Ея Императорскаго Величества 775 года учреждению повелено сиротскому суду погодно получать от опекунов отчет как о промыслах, так о прибыли, о приходах и расходах, о содержании и воспитании малолетних, вследствие чего сиротскому суду сим доносим.

1-е. Отданные нам в опеку означеннаго Якова Капустина малолетныя имеются ныне Михайло 18, Семен 15, Михайла 4, Алексей году, Анна 14, Авдотья 9 лет, находятся живые и здоровы, живут в оставшемся после отца их деревянном доме, коих воспитанием и содержанием содержат

малолетняя Михайла и Семен, выработывая, находясь во услужении у здешних купцов под нашим опекунским присмотром.

2-е. Оставшиеся после онаго Якова Капустина два деревянных дома, из них один запродаан на плату оставшихся после Якова Капустина долгов. Святыя образа, платье и прочее, что по описи значится, находится в целости и хранится в том доме, где они жительство имеют.

3-е. Денег у нас опекунов как в приходе, так и в расходе не было, а потому нам и книги на 792 год не дано. Января дня 1793 года. К сему репорту опекун Максим Горской руку приложил.

ГАТО. Ф. 679. Оп.1. Д. 15. Л. 37. Рукопись. Подлинник.

Книга, данная из Тверскаго городского сиротскаго суда определенному к оставшим после умершаго тверскаго посадскаго человека Якова Капустина малолетним детям и имению опекуну Тверскому купцу Аники Капустину на записку по опекунству прихода и чинимаго из них расхода денег на сей 798 год за печатью и за скрепою по листам ратмана Павла Пирогова, в ней по разметке шесть листов. Ратман Павел Пирогов.³⁷⁴ //

(Л. 52 об.) Денег имелось у меня в приходе в 798 году, полученных за отдаваемую в наем лавку шестьдесят пять рублей (65). Опекун Аника. //

(Л. 53) Оные деньги употреблены в расход, а именно:

Куплено в годовое течение муки ржаной и пшеничной на сорок рублей (40). Куплено дров на пятнадцать рублей (15). Куплен круп грешневый на четыре рубли пятьдесят копеек (4,50). Куплено соли на восемьдесят копеек (80). Куплено масла поснаго и коровьего и свеч сальных на четыре рубли семдесят копеек (4,70). Итого в расходе шестьдесят пять рублей (65). Капустин руку приложил.

ГАТО. Ф. 679. Оп.1. Д. 15. Л. 52 – 53. Рукопись. Подлинник.

Дети в купеческой семье в середине XIX в.
(из дневника тверского купца Ф. А. Волкова)³⁷⁵

История рода купцов Волковых в Твери прослеживается с XVII в. Обстоятельства их деятельности известны из городских обывательских книг XVIII-XIX вв.; списков лиц, записавшихся в купечество; комплекса документов следственного дела, и дневника Федора Андреевича Волкова, который находится в архиве Тверского музея (как и документы следственного дела). Из всех этих источников дневник Фёдора Волкова 1865-1867 гг. выделяется особо. Он содержит в себе сведения не только об обстоятельствах жизни семьи, но и о тверской городской купеческой культуре 60-х г. XIX в.

Волков был купцом второй гильдии. Финансовое положение семьи было нестабильным и осложнялось долгами отца Федора Андреевича.

В дневнике упоминается не менее 15 родственников Волкова. Первая жена Волкова умерла, оставив шестерых детей, четверо из них ко времени написания дневника имели свои семьи. Упоминаются внуки Волкова, дети дочери Елизаветы – Паша (Прасковья?), Владимир и Ольга. Вторая жена была моложе Волкова на 20 лет, у них было трое сыновей – Иван, Нил и Михаил, которые родились после 1848 г. На страницах дневника вырисовывается образ самого Волкова – строгого, но заботливого мужа, отца, деда. Он ходит в аптеку за лекарствами жене и детям, трогательно описывает, как дарил игрушки заболевшему внуку: «Володя ещё не здоров, больше лежит. Снёс ему пару игрушек. Купил в Щепяном ряду. И он обрадовался, и начал играть ими и катать по покоям». Со старшими сыновьями Волков обращался строго. О смерти взрослого сына, он пишет

скупо: «Андрей помер в 7 часов вечера в сумерки 1-го мая». И дальше идёт перечень расходов по организации похорон.

Волков вёл записи на протяжении трех лет. Описание событий каждого года занимает примерно одинаковый объём в дневнике: 1865 г. – 90 листов (с оборотами), 1866 – 103, 1867 – 96. Автор с большой аккуратностью относился к оформлению записей. В верхней части каждого листа даётся указание на место, год и месяц ведения записей. Например, «Тверь, 1866 год Генварь месяц». Все листы дневника одинаково разграфлены: в 1-ой графе указывается число, во 2-ой даются непосредственно дневные записи, в 3-ей и 4-ой указывается сумма израсходованных денег. Каждая страница состоит в среднем из 40 строк. Записи событий одного дня могут занимать 4 строки, когда указывались только метеорологические наблюдения и покупки за день, и треть страницы, и более страницы, в случае, если день был насыщен и подробно перечислялись все многочисленные дела.

На титульном листе обозначена периодичность ведения дневника – это «дневная запись». Случалось, что автор в течение дня неоднократно принимался за дневник, по мере поступления информации. Особо значимые, по мнению Волкова, события выделялись в тексте, подчёркивались волнистой линией.

Дневник представляет собой рукописную книгу на 291 листе, в картонном переплёте, размером 20,5 на 33 см. Переплёт оторван от блока рукописи, корешок утрачен. Дневник рассыпается по тетрадам. Количество тетрадей сосчитать трудно, так как они тоже рассыпаются по отдельным листам. Все записи выполнены чернилами, почерк разборчивый, с наклоном вправо, аккуратный, местами слегка небрежный. Однако отдельные листы уже читаются с трудом из-за угасания текста.

Приводятся отрывки из дневника Ф. А. Волкова за 1865 г., относящиеся к теме детства.

Тверь 1865 год Генварь Месяц

6. Погода теплая, дождь утром шел. У ранней обедни у Знамения - 0.1.

Сахару 1 ф. 25 к. Пряников 1 ф. 13 к. - 0.38

Круп перловых 1 ф. - 0.9.

За починку сапогов Михаилиных - 00.3.

Яблок 10-ть - 0.8.

Крестный ход смотрел у собрания, духовенства немного было, и народу тож. Тело Коняева предали земле, на Смоленском кладбище. Михаилу посылали за Лизой. Хотела быть. И была со всеми детьми и поужинала с нами.

7. Погода теплая, все одинаковая.

Паша была у ранней обедни у своей, а я у поздней в соборе - 0.3.

Два платка для себя в карман - 0.50

У сестры Марьи 4 занавески к окнам - 0.60

Ольга Ивановна была у Лисаветы Ивановны, были и с детьми, и у нас была. На 40 дней не звали к Светогорову, а завтра будут звать. И билет принесли. Зовут в дом Ветошкина. И билетов разослали до 70-ти.

9. Погода ровная.

У Подсыпанина купил сорочку испод., сукна к брюкам на карманы - 0.20

Жилет для Михаила трековый - 0.60

Смоленский священник был со святою водою вчерась вечером - 0.20

Сахару 1 ф. 25 к. Свеч 1 ф. 13 к.

14. Погода дует заметель, И снегу много в ночи надуло.

Масла кор. 1 ф. – 22 к. Круп гречн. $\frac{1}{4}$ М – 22 к. – 0.44

Сапожник сапоги детям принес, но их дома нет. Оставил, а за деньгами велел зайти в 1-м часу, Сшил хорошо и в пору, И деньги отдал - 3.0

23. Погода поровнее.

21 в бане с Михаилом был – 0.8

Сапожник приносил сапоги мои, но сшил тесны, мозоли жмут, взял расколотить против оных. На шелк Паше – 0.5

Паша с Иваном была в торгов. Бане – 0.9

У всеношной у Знамения.

27. Мороз поменьше вчерашнего.

Молока кувшин на дому взяли – 0.5

Пшена $\frac{1}{8}$ мешка - 0.15

Вчера у Жен Мироносиц венчался Ярцев вдовец Иван Иванович с Кардюковой дочерью, вдовою. Борисова Григория Никитича взяли в тюрьму. И Бокова Арсенья Игнатьевича, и Нечаева Алексея Амеляновича тож.

У гостиного двора был, с Жуковым Ильей Ст. чай пил – 0.13

У Попова сахару – 1 ф. – 0.25

Потом на чугунок ходил к Андрею, нет, ушел в город.

В отделение заходил в столярную, стулья еще не починили, воскресеньем сделают. Паша пошла к Нечаевым и сидела до сумерек. Федор был, сказывал, что у Томилова Николая Сергеича дочь родила 2-х дочерей. Одну живую, а другую – мертвенькую и померла сего утра. Я ходил смотреть оттоль, к Ивану Василичу зашел, чай пил.

30. Мороз сильный до 28 градусов. У ранней обедни у Знамения служили у Василия Пресвитера – 0.1

Ныне Томилина дочь предали земле. Лиза была с Пашей, приехала к чаю и просидела до 7 часов, взяла к себе Ваню погостить. И Маша Казьякова с ней уехала домой.

31. Мороз сильный. Паша была у заутрени и у ранней обедни у своей, и дети были. А я дома был, после чаю ходил за крупую, взял у Арефьевых $\frac{1}{4}$ мешка без денег – 0.22

Молока кувшин у Селина – 0.10

В соборе у поздней обедни, после с Иваном Семенычем по приглашению его и с Жуковым Ильей Ст. чай пил Нечаева в заведении.

У Попова сахару 1 ф. взял без д. – 0.25

Александра пошла к Лизе, там и ночевала. Анна Семеновна была у нас с дочерью и со внучкою, чай пили.

Февраль месяц.

1. Погода поровнее. Вчерась Нил зашибся. Ныне и в класс не ходил.

Ходил на чугунку к Андрею, там его не застал, уехал в город за водкой. Я видел его у едуарда, денег все нет. У Латышева просил. И у того нет ничего.

Мыла $\frac{1}{4}$ ф. - 0.3

Свеч $\frac{1}{2}$ ф. - 0.7

Извозчику на чугунку 5 с вороб площади - 0.8

Сено у Лизы $\frac{1}{2}$ ф. – 0.60

У всенощной у Знамения – 0.1

За полосканье белья из проруби – 0.11

У сестры Марьи свинины на – 0.10

Муки 2 п. 2 ф. по 3 $\frac{1}{2}$ к. – 0.7

У Баранова взял муки кр. 10 ф. без д. – 0.50

2. Погода поровнее. Наши все были у ранней обедни у своей, а я не был, нога болит, в коленке распухла, и жар, и красная.

Булочек к чаю на - 0.6

У поздней обедни в соборе служил протопоп, проповедь сказывал Мироносецкий. Паша была у Лизы, сидела до сумерек и Ваню привезла домой.

3. Погода ровная.

Молока у Селиных – 0.12

Нил пошел в училища.

10. Погода теплая.

У гостиного двора был, с Жуковым в Моском у Телицина чай пили – 0.13

Головинскому 3-ю медаль прислали на голубой ленте.

Паша пошла к Яньковским. Александра пришла от Лизы, велела мать прислать, Володя нездоров, лежит в жару. Должно быть корюха. Я посылал к ней Михаилу сказать, и сам там был. И просидели до 9 часов. Володя лежит. И доктор Павлов был, приписал микстуры и мази, живот тереть.

4. Погода теплая.

Молока на рынке Михаила купил – 0.10

Севрюги 2 ф. по 12 к. Силитушки 2 по 4 к. – 0.32

Да долгу отдал Коняеву за рыбу – 65 к.

Да Арефьевым за четверку круп – 0.22

С Жуковым Ник. Мих. чай пил – 0.13

И ведомости читал, «Северную пчелу», особого ничего нет.

Паша была у Лизы, Володя лежит еще. Александра у Яньковских и с ними гуляла по Большой дороге до сумерек.

Масла дер. $\frac{1}{2}$ ф. – 0.13

Нашатырного спирта в аптеке - на 0.5

В бане был с Михаилою – 0.8

5. Погода теплая. Муки круп. 5 ф. по 5 к., 2 5 ф. по 3 к. – 0.40

Варенья 2 ф. по 7 к. - 0.14

У Головинского был, поздравил его с ангелом и с монаршею милостью. У него ныне бал на 180 персон, и столы набраны во всех горницах.

У часов был в соборе, после с Жуковым Ник. Мих. чай пил у Бориса. В Кобелевском корпусе остался один склад Молчанова и два кабака по обе стороны, а два склада закрыты, Глазенапов и Северов.

Федор был, Володи легче нет. Доктор сказал, что будит жив или нет. Паша ушла туда и не обедала дома.

13. Погода теплая, с крыш течет.

Вчера и ныне публики каталось очень много.

Паша ушла утром к Лизе причастить Володю, и обедать не пришла. И сидела там до сумерек.

14. Прощеный день. Погода посвежее, и мороз порядочный. Александр с Марьей Осиповной и Михаила наш были у ранней обедни у Знаменья, а я не был.

Яиц 5-ть и творогу – 0.15 $\frac{1}{2}$

Сестра Анна приходила причащаться утром.

Я был у поздней обедни в соборе, после с Жуковым Ильей Ст. чай пил. Без меня Паша ушла к Лизе. Володе легче нет. Доктор говорит, у него горячка. Она пришла домой к обеду.

15. Погода похолоднее.

Сахару поснаго 1 ф. 22 к., изюму 1 ф. 24 к. – 0.46

Священник был с молитвой – 0.10

Сапожнику Алексею отдал свои сапоги расколотить Ивановы вычинить, обещал сделать во вторник к вечеру.

16. Погода ровная.

Паша с Михаилою была у заутрени, говеть хочет.

Мыла 1 ф. – 0.12

Паша стирает белье.

Воды два коромысла – 0.2

Ходили к Лизе. Володя все в одном положении, с утра полегче, а к вечеру тяжелее. Я сидел у нее весь день и обедал там, и чай пил. Паша зашла к ней от Скорбящей от вечерни, чай пила, и вместе пришли домой. Ребята дали кататься салазки Мамашки Катхальскому, а он поехал, да сшиб с водою шел солдат, сторож с абвахты, и зашиб ногу ему; а сам ушел, а салазки бросил. Солдат и увез наши дровешки к себе. Я заходил за ним на абвахту, но его там нет, он ушел в больницу.

18. Погода ровная. Снег идет.

Коппе прислал два куска красного ситцу ласманам (лоцманам) и матросам шить рубахи. Паша вчерась у него просила, на дому была, от Лизы зашла.

У Латышева взял денег 5 р. сер.

Купил два листа бумаги вексельной 1 р. На прошение 20 к. Итого – 1.23

На бумагу красную для шитья рубах – 0.5

Сахару 1 ф. – 0.23

В бани был с Михаилою – 0.10

Михаила ходил в сумерки к Лизе, Володя в одном положении, легче нет.

19. Погода ровная.

Вчера шелку красного 2 з. – 0.23

Горчицы банка – 0.10

У обедни в соборе, ныне празд. ф. тирану - 0.1

Паша от обедни пришла к Лизе и обедать не велела дожидаться.

Масла д. $\frac{1}{2}$ ф. 13 к. Нашатырного спирта на 5 к. – 0.18

Федора видел у Коняева в лавке. Володя в одном положении.

Детям на исповедь и дьякону за з... - 0.15

20. Погода идет.

Наши от обедни пришли в 9-ть часов. Чай пили все вместе. Булок пара – 0.10

Написал вексель Буракову и прошение от него в думу. И носил к нему подписать прошение, и бланк на вексель. Он подписал, просил в понедельник подать, и ему дать знать. Пил у него чай и по заведениям с ним гулял. Огурцы цветут, и поспевать начали. И деревья цветут. Он в поне(де)льник собирается в Москву. Наши были у вечерни у своей, и у всеношней тожь.

Михаила ходил к Лизе, Володя немного полегче прежнего, теперь ходит по покоям, и посидит, и чайку попьет с булкою.

22. Погода теплая.

Паша у заутрени была.

После чаю ходил к Лизе, взял у неё денег 10 р. сер. заимообразно и сидел у не до 12 часов. Доктор был при мне, лекарства никакого не приписал, говорит, покудова не нужно, а велел только содержать диету, не давать ничего кушать априче супу и лакомства никакого не давать.

23. Погода ровная.

Ходил на чугунок, Андрея видел и с ним приехал в город. Он плану еще не получил, а плотники пришли на работу, гуляют другой день. Поезд прошел при мне народный 1 и в Москву. Наших много рядовых поехало, а Яньковского не было, я к нему заходил в лавку и видел Д. Иван. Он поедет на 2-м в 2 часа, я его просил, чтобы он понаведал места Михаилу моему. Он дал слово поговорить со своими знакомыми.

17 числа Сапунов помер Алексей Петров, 19 похоронили. Вчерась Вознесенская дьяконица померла, 6-ть человек детей осталось, новорожденный помер.

25. Погода посвежее.

Дров воз купил на рынке. – 0.70

Слободчик был без меня, на сбор приглашал ужо в 6-ть часов. Не сост. мало собр. В бане мылся с Михайлою – 0.8

Март месяц.

1. Погода ровная.

Ребята все были у всеношной у своей.

Погода ровная.

У нас была ранняя обедня в 6-ть часов без звону. Мы все и были. Обедня Златоуст. – 0.1

С Михайлою ходил к сапожнику и починил ему сапог, и отпустил его к празднику в Желтиков. Пошел в 9-ть часов и возвратился в 3 часа. Мать и Лизу не видел там.

4. Мороз сильный.

Изюму вчерась $\frac{1}{2}$ ф. синего для Лизы к чаю – 0.15

К Латышеву заходил в амбар, но его нет дома, уехал во Ржев.

В заведении с Жуковым Н. М. чай пил и ведомости читал вчерашние № 46 «Северной пчелы». Взял домой списать средства, как избавиться от горячки и списал. В казначействе был, но казначею некогда. До завтра отказал.

Лиза была у нас от вечерни с Пашей.

Белый хлеб – 0.3

В бани были с Михаилом. Ден. Изд. – 0.8

7. Погода и ветер потише, снежок лет.

У ранней обедни у Знаменья. Служили у Василья пресвитера, певчие пели из приюта - 00.01

Булок пара – 0.6

У поздней обедни у Вознесенья, потом панихида была, после на братцевой лошади ездил к Смоленской, и там панихида была, и на могиле лития. И Наталья Васильевна с Авдотьей Васильевной были там, а братец к Смоленской не поехал, от Вознесенья пошел домой. Звал на обед, я с Пашей и был, и просидели до 6 часов, гостей было: я с Пашей, Петр и с Натальею В., Петр Вас. С Авдотью Вас. и Васей (всего) , священников 2-е и причетники.

Лександра пришла домой без нас. Утром к Латышеву ходил и видел. Денег у него нет ничего, на покупку тряпья занимает в «Берлине».

На рынке купил Ивану сапоги, попались хорошие и не дорогие, заказные – 0.70

8. Мороз сильный.

Ходил на чугунок к Андрею и видел, Мамонов еще не приехал, плану еще не получил, у него Александр сидит. Марья Осиповна заезжала к

Александре сказать, что она за Нилушку в гимназии отдала деньги. Велела сказать ему.

11. В бани был с Нилом без денег – 0.8.

15. Паша пошла к Нечаевым на родины. Александра Кузьмовна родила дочь.

18. В бане был с Михаилом, ден. изд. – 0.8.

Да долгу отдал за прежнюю баню 7 к.

21. Паша была у молебна у праздника и пришла с Павловой Авдотью Ивановной. Напились чаю и пошли ко всеношню. И я с ребятами был.

22. В сумерки Инзберг Иван Егорыч был в конторе, Паша пригласила его посмотреть Ваню. Он и был, велел пиявок приставить, более ничего не нужно, штук 8 или 10-ть. И я сходил в цирюльню к Мошниной. И принесли, и поставили и вытянули много крови. Кровь черная, и ему стало легче. За пиявки по 10 к. взял – 1.00

Деньги Паша отдала, еще постного масла - 0.5

Грудного чаю – 0.3

22. Булка для Вани – 0.5.

28. Паша купила ситцу детям на рубахи 4 ½ арш. по 20 к.

29. Александр с Нилуй говеют. Иван Егорыч Инзберг ныне 3 день был, все Ваню навещает, спрашивал, нет ли еще нездоровых.

Апрель месяц.

1. Погода ясная, и утренник порядочный. Лед на Волге утром шел, но недолго, и опять остановился.

От нас говели 5 чел. – я, Александра, Федор и Александр с Нилою (Нилом). Ден. Изд. – 1.00

Все приобщались на ранней, домой пришли в исходе 9-го часу, а обедню начали в 7 часов, а мы пошли в 5-м часу.

Булок пара – 0.6

Масла 1/2 ф. 5 к. Муки для зам. 1 ф. 3 к. – 0.8

4. Христос воскрес.

Погода ясная, утренник порядочный.

У заутрени и у ранней обедни у своей пошли в 12 часов, а пришли в 3 часа.

Чаю напились и уснули часа три. Потом я ходил поздравлять с праздником к Головинскому, Кобелеву, к Аваеву, к Нечаеву и к Назарову, последний звал на вечер к себе завтра.

У поздней обедни в соборе - 0.1

У нас был брат Иван, Александр Иванович, Арсений Никитич, Дмитрий Иванович, поздравляли с праздником. Федор, Андрей, Лиза была с детьми, Пашей и Володей. И поужинала с нами. За нею извозчик приехал, буфетчик прислал, что Ваня требуется для заведения.

Священник был наш один с причтом, а викарный заходил, мы спали.

Ходит с Иваном Филипповым.

5. Утренник порядочный, лужи замерзли.

Паша была у ранней обедни.

День ясный, а вчерась после обеда град и снег шел.

У поздней обедни в соборе и вокруг обошел.

Паша пошла к поздней к Вознесенью, оттоль зашла к Ивану Василичу, похристосилась и пришла к сестре Анне, там чай пила, домой пришла в 1-м часу. Варя была у нас.

У Ивана Василича с Пашей были, у него была Наталья Васильевна с детьми Нилом, Петром и Анною Никитичной. А Петр Иваныч нездоров, ноги болят. Петр Василич с Авдотью Васильевной и Ваней ужинали, и просидели до 11 часов.

Иван Василич приехал домой с нами вместе, ездил провожать Назаровых. Поехали в Белою Алексей и Михаила Иванычи, и Михаил Егорыч с ними же поехал.

6. Утренник сильный. Паша пошла к Лизе, приобщить детей, ее Лиза просила, и обедать непр.

7. Утренник порядочный.

У ранней обедни у Знаменья Паша Ваню причастила – 0.1. У поздней обедни в соборе.

В 11 часов Паша пошла с ребятами к Лизе, а я пошел в 12-ть. В 1-м пообедали и отдохнули, чай пили. Ольга Ивановна пришла к ней с детьми. И Василий Михалыч пришел после, Папина Дарья Яковлевна, после кофии пили. Домой пришли в 8-м часов.

11. Погода ясная, но северная, и снег летал.

Василий Михайлыч с Ольгой Ивановной были у нас, сидели до 9 часов. А Лиза не была, верно, кто нибуть пришел к ней. Володя пришел с Мишей и ночевал у нас.

13. В бани был с Михаилою без д. – 0.7.

Лиза была у нас, пришла без меня с Пашей и посидела до 7 часов, Володю взяла.

17. В бане был с Нилом и Иваном – 0.8.

Да за прошлую отдал долгу 7 к.

Мыла $\frac{1}{4}$ ф. – 0.3.

У всеношной у своей у Знаменья Паша с детьми была, а я дома был.

21. Погода немного потеплее.

Иван Василич сказывал, что мой Петр на прошлой неделе был в Москве, а зачем, не знает.

Вчера от сапожника взял Михаилины сапоги, за починку за двое рубль просит. Я сказал, что я занесу.

Сапоги Ванины снес к мастеру сделать подметки. Завтра утром будут готовы.

24. У Лизы были, у нее Паша нездорова, лежит, жар сильный, у нее Ольга Ивановна с детьми была, ужинали, домой пришли в 10 часу.

26. Буракова Анна Никитична родила сына Николая, 23-го крестили. Иван Василич был на крестинах.

Май месяц.

5. Сапожнику отдал за починку детских сапогов 1 р. сер.

9. Гостей было за столом: отец Василий, дьякон и дьячок прежние, брат Иван, сестра Анна, Лиза с детьми. Александр. Петр и Федор. Т все дети. Сидело всего ... человек.

12. Я пришел домой, у нас отобедали.

Потом с ребятами работал в саду. Я подвязал в школе малину, и ребята сор с дорожек убрали в кучу. Пробыли там до 4 часов, потом чаю напились.

16. Лиза была с детьми. Пришла, всеношни звонят, и пошла с нашими ко всеношне. И Пашу взяла, а Володю здесь оставила.

31. Паша пошла к Лизе, Оля умирает. Прислала Лександру, а сама осталась ночевать.

Июнь месяц.

1. Вчерась в 8 часов вечера померла у Лизы дочь Ольга. Жила 1 год и 11 месяцев. Я был там в сумерки, чай пил. Хоронить завтра после вечерин.

2. У гостиного двора с Жуковым чай пил и ведомости читал.

Крестницы тело предали земле в 6 часов вечера. Хоронил семеновский священник с причтом. Отпевали в церкви у Смоленской, оттудова священник с дьяком были у Лизы чай пили и закуска была. Кресня Дарья Гавриловна Папина и Анна Михайловна и Ольга с детьми были.

4. Паша с детьми пошла в Желтиков с Нилой и Иваном.

9. Иван Василич, Наталья Васильевна, Иван Иваныч с Анною Семеновною, Гаврила Арсеньич, Арсений Иваныч, Лиза с детьми, Александр, Петр и Федор, брат Иван, сестры Марья и Анна, Лизавета Ивановна, я и Михаила, всего 22 человека за столом были.

После чаи пили сестры, Анна Семеновна, Анна Ивановна, Лиза с детьми, Петр, Латышева Семена Иваныча приглашал обедать, не пошел, хозяина ожидает.

10. Володя ночевал у нас.

13. Паша пошла к Лизе, повела Володю и опять с ним пришла, Лиза просила еще денька два подержать, покудова спальню не отделают.

14. Ныне раздавали в училище приходском ученикам похвальные листы, а нашему Нилу не дали.

20. Лиза была с детьми, напились чаю, в саду погуляла и ушла в 7-м часу.

24. Лизины дети после обеда опять пришли к нам и сидели до сумерек. Нил пошел провожать их и ночевать там остался.

26. Марья Осиповна с детьми у нас пообедала и посидела, и чаю напилась. И ушли на чугунку. И Лизины дети у нас обедали, и чай пили, и ушли домой с Михаилом.

27. Я был у Ивана Василича, сидел до 8 часов, у него была Авдотья Васильевна с детьми, чаи пили в саду в беседке.

30. И я с ребятами работал с утра до обеда, и Паша тожь работала до обеда.

Тверь 1865 год июль месяц.

1. Потом Марья Осиповна пришла с детьми и Володею.

4. У нас Лиза с детьми была, я пришел, их застал, и посидели до 9 часов.

12. Лиза была с детьми, посидела до сумерек и закусила, а ужинать не осталась. Мурзакова Ольга Ивановна родила дочь Алевтину. День ангела 16-го июля.

16. Паша пришла к обеду и Володю с Пашей привела с собою. Василий Михайлыч звал на крестины дочери, но мы не были.

17. Володя ушел домой с мальчишкой. А Пашу вчера проводил Миша.

19. Выбирал малину с ребятами до 9 часов.

20. Обедали у нас Арсений Никитич с женою и крестница моя Раида, Лиза с детьми и Марья Осиповна. После гуляли в саду у нас.

21. Паша ходила в Желтиков с Лизой и детьми ее.

Август месяц.

6. Паша была у Ольги Ивановны, а я у Ивана Василича и ужинал у него. Была Авдотья Васильевна с Валею, Лисавета Петровна Буракова, Михаил Иванович с детьми, Петр Федорыч.

7. Паша пошла после обеда с Ваней к Лизе, отдать Ваню учиться вместе с Пашей, к ней ходит учительница на 3 часа с 3-х до 6-ти часов.

8. Марья Осиповна приехала к нам и с детьми в 8-м часу вечера и сидела до 10-го часу.

9. Детям на булки – 2.

16. Пирогов Кузьма Савельич помер вчера ударом. Детей осталось 8 человек.

17. У Лизы был в заведении, хотел Ваню взять домой, но за ним Михаила пришел и взял его и ушли.

Денег Паша дала мне заимообразно – 25 к., да на азбуку Ивану Мих. куп. – 15 к. – 40 к.

18. Володя Лизин пришел утром с Михайлою, а сама не пришла.

19. К Полякову ходил отдал починить Михайлины сапоги. К вечерням обещал сделать, взял у него Лександрины полусапожки, Паша взяла их с собой и не пообедавши пошла к Лизе и ребят взяла Володю и Ивана.

31. Лиза (.....) пообедала у нас и посидела до 3 часов, и ушла, а на завтра праздник звала к себе к обеду, и Ваня с нею пошел...

Сентябрь месяц.

2. Марья Осиповна была у нас. И с постойщицею своею, учит у нее детей. И с детьми. И обедали все у нас. Потом все пошли на чугунок...

17. Ивана вел в училище приходское ныне утром. И хлеб-соль снес Ивану Петровичу... И после обеда просил его учить обоих. И условился платить по 50 к. в месяц с обоих.

Октябрь месяц.

10. К Нечаевым пошли на бал в 11-м часу, Лиза была у нас с Пашей пособляла убирать голову Александре. Из цирюльни был мальчишка, убирал с 2-х часов, но не мог хорошенько сделать. Лиза сама сделала лучше его.

29. ... Сапоги Нилины и Ивановы отнес к Полякову обещал сделать к вечеру...

Декабрь месяц.

25. Ребята Нил, Иван и Александров Нил ходили славить Христа. Выславили на 1 р. сер.

**Данные метрических книг об умерших детях дворян-чиновников по приходам
г. Твери 1805-1810 гг.³⁷⁶**

данные о социальном происхождении умершего ребенка	возраст умершего м.п. ж.п.	дата смерти	причина смерти
Семеновская церковь			
сын канц-та тверской полиции Воинова Алексея Филипповича - Василий	4 дня	4.01.1805	младенческая болезнь
дочь протоколиста Тверского губернского правления Судницына Ивана Игнатьевича - Александра		4 8.02.1805	внутреннюю
дочь канц-та тверской полиции Воинова Алексея Филипповича - Александра	неделя	19.03.1806	младенческая болезнь
его же сын - Алексей	10 дней	21.03.1806	младенческая болезнь
дочь колл.рег. Болховского Федора Ильича - Ксения	4 мес.	1.06.1807	неизвестною простудою
сын губ.секр. Петрова Ивана Петровича - Василий	5 мес.	8.06.1807	младенческою простудою
дочь канц-та Тверского губернского правления Войнова Андрея Иосифовича - Евдокия	года	29.07.1807	поносом
дочь колл.рег. Завьялова Степана Ивановича - Агрипина	4 мес.	25.09.1807	неизвестною болезнью
сын колл.рег. Курбатова Александра Тимофеевича - Федор	2	3.08.1808	неизвестною болезнью
сын губ.секр. Ивана Петрова - Иван	6 мес.	18.08.1808	поносом

дочь коллюрег-ра Михайлова Николая Антоновича - Мария	5 мес.	9.06.1809	неизвестною
дочь губ.секр. Варейжского Петра Васильевича - Наталья	4	17.03.1810	поносом
сын колл.рег. Балховкина Федора - Алексей	4 мес.	6.07.1810	младенческая болезнь
дочь колл.асс. удельной экспедиции Степанова Василия Мироновича - Софья	10 мес.	7.07.1810	поносом
дочь колл.рег. Писарева Якима - Пелагея	3 мес.	2.09.1810	младенческая болезнь
сын колл.рег. Михайлова Николая Антоновича - Павел	2 мес.	3.09.1810	младенческая болезнь

Сретенская церковь

дочь канц-та ТКП Посникова Афанасия - Мария	3 мес.	25.03.1805	от колика
дочь директора Тверско народной гимназии Толмачева Михаила Евставьевича - Клавдия	4 мес.	6.07.1807	неизвестною
сын колл.рег. Митинского Ивана Евдокимовича - Павел	10 дней	17.01.1807	неизвестною
дочь колл.рег. Ивана Васильева - Праскева	1	20.01.1807	поносом
дочь губ.рег. Бельшева Петра Александровича - татьяна	5 мес.	12.04.1807	неизвестною
дочь колл.рег. Митинского Ивана - Марья	4 мес.	28.07.1808	поносом
дочь колл.рег-ра Бельшева Петра Александровича -Ольга	25 дн.	23.07.1809	поносом

Мироносицкая церковь

дочь канц-та уездного казначейства Чернавского	5 мес.	19.03.1805	?
---	--------	------------	---

Ивана Максимовича - Анна сын канц-та губернского правления Оглоблина Ивана Михайловича - Евграф	5 мес.	11.05.1805	коликою
дочь заседателя ТГП Сверчкова Федора Ивановича - Надежда		1 22.11.1805	младенческая болезнь
дочь канц-та Тверского губернского правления Оглоблина Ивана Михайловича - Евгения	1 нед.		младенческая болезнь
дочь секр. Уголовной палаты Ильинского Михаила Федоровича - Евдокия	3 нед.	12.03.1807	младенческая болезнь
сын колл.рег. Баранова Михаила Петровича - младенец колл.ерг. Уездного казначейства Чернавского Ивана Максимовича - Михаил	полгода	17.07.1808	поносом
патчерица присяжного ТКП Поповкина Ивана - Анастасия		6 18.08.1808	поносом
дочь колл.рег. Исполатова Арсения Ульяновича - Ольга	2 мес.	22.08.1808	младенческая болезнь
сын секр. Уголовной палаты Ильинского Михаила Федоровича - Яков	3	15.09.1808	опухолью
сын канц.жены вдовы Артимеевой Акулины Даниловны - Иван Петрович	14	19.05.1809	желчною горячкою
дочь колл.рег. Исполатова Арсения Ульяновича - Анна	2 нед.	4.08.1809	младенческая болезнь
дочь колл.рег. Сокольского Петра Григорьевича - Анна	полгода	22.08.1809	коликою

сын губ.рег. Брюхова Всеволода Васильевича - Василий	3 мес.	19.04.1810	коликою
дочь губ.секр. Дмитрия Тремильева - Ольга	11 мес.	10.09.1810	поносом
дочь канц-та уездного казначейства Чернавского Ивана Максимовича - Агрипина	15 нед.	20.09.1810	коликою

Ильинская церковь

дочь колл.рег. ТГП Махина Якова Петровича - Евдокия	года	28.04.1807	сыпью
---	------	------------	-------

Владимирская церковь

дочь тит.сов-ка, учителя тверской гимназии Устимовича Семена Сидоровича - Олимпиада	6 мес.	20.10.1805	колотьем
дочь казначея ТКП Аристарха Козмича - Анна	4 мес.	3.06.1806	сыпью
дочь секр. Тверского губернского правления Каблуковского Ивана Федоровича - Евдокия	4	16.08.1806	горячка
сын губ.секр. ТКП Егора Иванова - Симеон	2	1.09.1806	поносом
сын канц-та Тверского губернского правления Колтыпина Якова Герасимовича - Александр	4 нед.	13.09.1806	младенческая болезнь
дочь умершего колл.секр. Болотова Петра Ильича и вдовы жены Марьи Ивановны - Иульяния	1	7.12.1806	горячка
сын колл.асс. Снешкова Матвея Иосифовича - Иван	4 мес.	26.12.1806	младенческая болезнь
сын надв.сов. ТГП Навасильцева Михаила Григорьевича - Евграф	5 мес.	13.05.1807	мокротном колотьем

дочь тит.сов-ка Абросимова Никиты Максимовича - Анна	полгода	1.06.1807	младенческая болезнь
его же дочь Варвара дочь канц-та тверской почтовой конторы Алексея Васильева - Марья	полгода	5.06.1807	младенческая болезнь
его же дочь Анастасия дочь канц-та тверской почтовой конторы Алексея Васильева - Марья	5 мес.	6.08.1807	младенческая болезнь
его же дочь Анастасия дочь канц-та тверской почтовой конторы Алексея Васильева - Александра	2 мес.	28.12.1807	младенческая болезнь
дочь канц-та тверского почтамта Алексея Васильева - Александра	4 нед.	23.05.1808	колотьем
сын колл.секр. ТКП Ильина Константина Клементьевича - Александр	6 нед.	21.07.1808	поносом
дочь тит.сов. Полунина Михаила Никитовича - Елена	года	13.10.1808	корюхою
сын колл.рег. Алексанрийского Василия Изоовича - Николай	6 нед.	19.06.1809	младенческая болезнь
сын надсмотрщика ТГП Алексея Васильева - Николай	3 мес.	11.07.1809	колотьем
дочь колл.секр. Ильина Константина Клементьевича - Елисавета	2	22.09.1809	чахотка
сын стат.сов. Снешкова Матвея Иосифовича - Петр	4 мес.	21.12.1809	младенческая болезнь
	3 мес.	8.04.1810	младенческая болезнь

Никольская церковь

дочь колл.рег. Алексея Ив. Никитина - Агрипина	2 мин.	8.05.1805	
дочь колл.секр. Бухарева	1	21.07.1805	горячка

Ивана Макаровича - Любовь дочь колл.секр. Бухарева				
Ивана Макаровича - Варвара	полгода	20.09.1806	младенческая болезнь	
дочь колл.рег. ТКП Кобарова Ивана Стефановича - Наталья	5 мес.	29.01.1807	младенческая болезнь	
дочь колл.рег. Никитина Алексея Ивановича - Александра	неделя	28.05.1807	младенческая болезнь	
сын губ.рег. Елкина Федора Ивановича - Андрей	2 мес.	8.10.1807	младенческая болезнь	
дочь канц-та ТКП Каталымова Василия Адриановича - Анна	2 нед.	20.02.1808	младенческая болезнь	
дочь колл.рег. ТГП Кобарова Ивана Стефановича - Анна	9 мес.	10.03.1809	младенческая болезнь	
сын канц-та тверского губернского правления Гусева Стефана Стефановича - Яков	полгода	26.11.1810	младенческая болезнь	
сын губ.секр. ТГП Кобарова Ивана Стефановича - Иван	2 мес.	30.12.1810	младенческая болезнь	

Церковь Живоносного источника

сын вдовы рег-ши Калининой Мавры Фирсовны - Евграф	7	8.05.1805	горячка	
сын колл.рег. Клокова Петра Львовича - Алексей	9 мес.	8.07.1806	горячка	
дочь колл.рег. Истомина Егора Ивановича - Александра	4 мес.	20.08.1806	поносом	
дочь колл.секр. Степана Дмитриева - Елена	5 мес.	21.10.1806	поносом	
дочь колл.рег. Чередеева Ивана Васильевича - Ксения		7 10.03.1808	припадно скоропостижную	
сын губ.секр. Назарова	6 нед.	6.08.1808	коликою	

Ивана Николаевича - Павел сын канц-та Лебедева Петра Яковлевича - Николай	3 мес.	10.08.1808	коликою
сын колл.рег. Клокова Петра Львовича - Василий	3 мес.	3.10.1808	коликою
сын умершего канц-та Дубакина Сергея Гавриловича - Алексей	8	19.12.1808	оспою
сын подканц-та ТКП Калинина Федора Ивановича - Михаил	7 мес.	30.04.1809	колотьем
сын канц-та Покровского Алексея Павловича - Николай	полгода	17.05.1809	колотьем
дочь канц-та Боброва Петра Алексеевича - Любовь		2 19.05.1809	корью
сын тит.сов. Ревякина Стефана Ивановича - лука	9 мес.	12.06.1809	корью
сын колл.рег. Войнова Василия Ивановича - Арсений	2	24.07.1809	поносом
дочь колл.рег. Варяжского Михаила Васильева - Мария	4 мес.	11.08.1809	поносом
дочь канц-та Хитрова Антон Михайловича - Александра	3 мес.	28.08.1809	поносом
сын колл.рег. Суворова Михаила Александрова - Николай	2	11.10.1809	лихорадкою
сын присяжного ТКП Кулакова Семена Герасимовича - Стефан	2 мес.	2.06.1810	колотьем
сын канц-та Третьякова Ивана Михайловича - Александр	4 мес.	21.12.1810	колотьем

Вознесенская церковь, что на проспекте

дочь бухг-ра уездного	1 мес.	5.07.1806	младенческая
-----------------------	--------	-----------	--------------

казначейства Хлебникова Ивана Семеновича - Ольга сын колл.секр. Тверского уездного казначейства Хлебникова Ивана Семеновича - Александр	4 мес.	10.12.1808	оспою
сын колл.рег. ТУП Николая Флорова - Федор	10 мес.	13.02.1809	?
дочь рег-ра ТГП Лебедева Петра Тимофеевича - Надежда	10 мес.	18.07.1810	оспою

Вознесенская церковь, что за Волгою

сын колл.рег. Горшкова Михаила - Петр	1	25.01.1806	поносом
--	---	------------	---------

Покровская церковь

дочь подканц-та губернского правления Писарева Акима Матвеевича - Сигклитикия	мес.	10.02.1806	младенческая болезнь
дочь колл.рег. Козлова Михаила Яковлевича - Наталья	5	17.06.1809	оспою

Церковь Рождества Христова, что в рыбаках

сын корчевского присяжного Михаила Николаева - Василий	10 мес.	13.07.1807	поносом
--	---------	------------	---------

Троицкая церковь, что за Тьмакою

сын колл.секр. Горского Дмитрия Ивановича - Семен	4 мес.	18.05.1807	младенческая болезнь
дочь колл.рег. Тверского гражданского губернатора Озерова Михаила - Мария	3 мес.	7.08.1810	корюхою

Никитская церковь

дочь подканц-та тверского земского суда Лебедева Ивана Филипповича -	2	12.10.1810	оспою
--	---	------------	-------

Надежда

дочь губ.рег-ши

Полозовой Акилины

Федоровны - Праскева

4 25.10.1810 оспю

Троицкая церковь, что за Волгою

сын тит.сов. Галахова

Петра Матвеевича -

Михаил

полгода

12.04.1810 болезнью

сын губ.секр.

Станчинского Якова

Васильевича - Александр 5 мес.

25.07.1810 колотьем

Города Тверской губернии

г. Тверь. Вид из-за реки Волги.

г. Тверь. Вид из-за реки Тверцы.

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

г. Тверь. Спасо-Преображенский собор, Путевой дворец и Тверская мужская гимназия.

г. Тверь. Соборъ и музей.

г. Тверь. Спасо-Преображенский собор. На заднем плане - Путевой дворец.

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

г. Тверь. Тверская мужская гимназия.

г. ТВЕРЬ. Общій видъ.

г. Тверь. Общий вид.

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

г. Тверь. Улица Миллионная. Реальное училище, Мужская гимназия.

г. Тверь. Здание дворянского собрания.

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

г. Тверь. Почтовая площадь.

Тверь. Тверское Кавалерийское юнкерское училище.

г. Тверь. Юнкерское кавалерийское училище.

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

Духовная Семинарія – г. Тверь

г. Тверь. Духовная семинария.

г. Тверь. Духовное училище.

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

г. Вышний волочок. Общий вид.

г. Вышний волочок. Церковь Св. Троицы и Учебно-Ткацкая мастерская.

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

г. Вышний волочок. Вид на кондукторское училище.

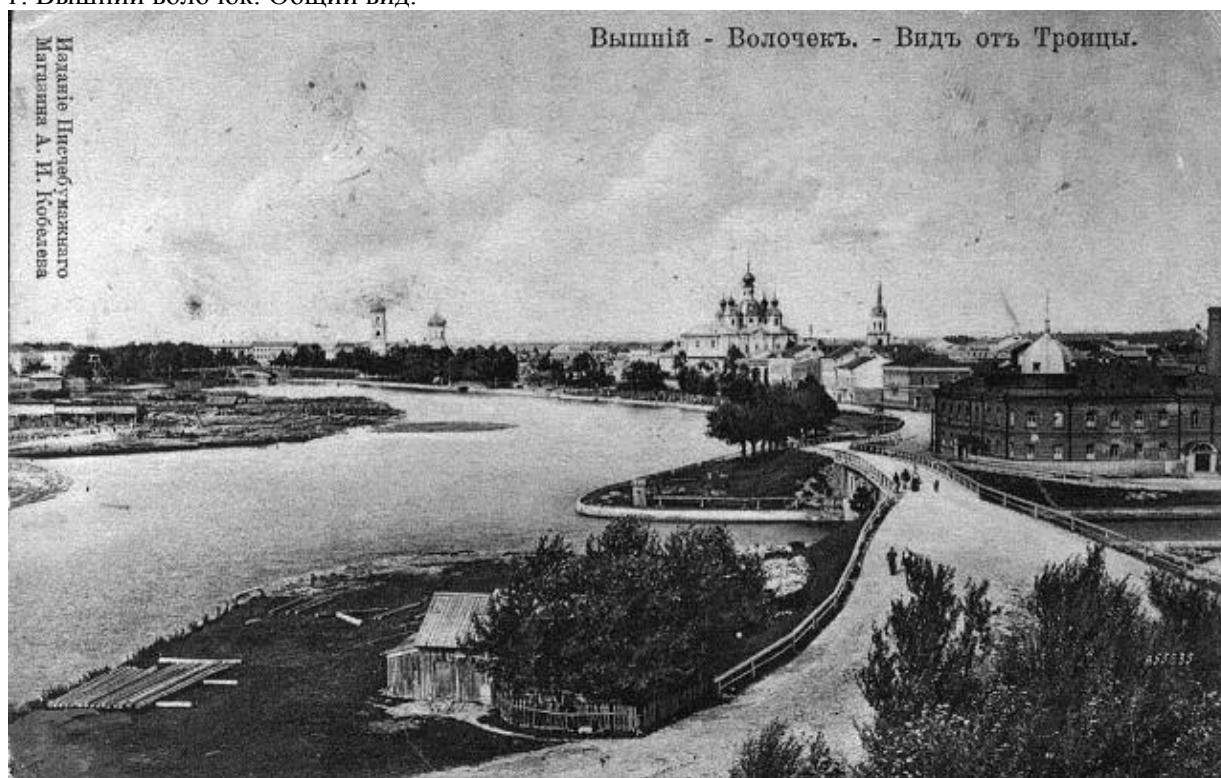

г. Вышний волочок. Екатерининская улица и собор.

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

г. Вышний волочок. Общий вид.

г. Вышний волочок. Общий вид

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

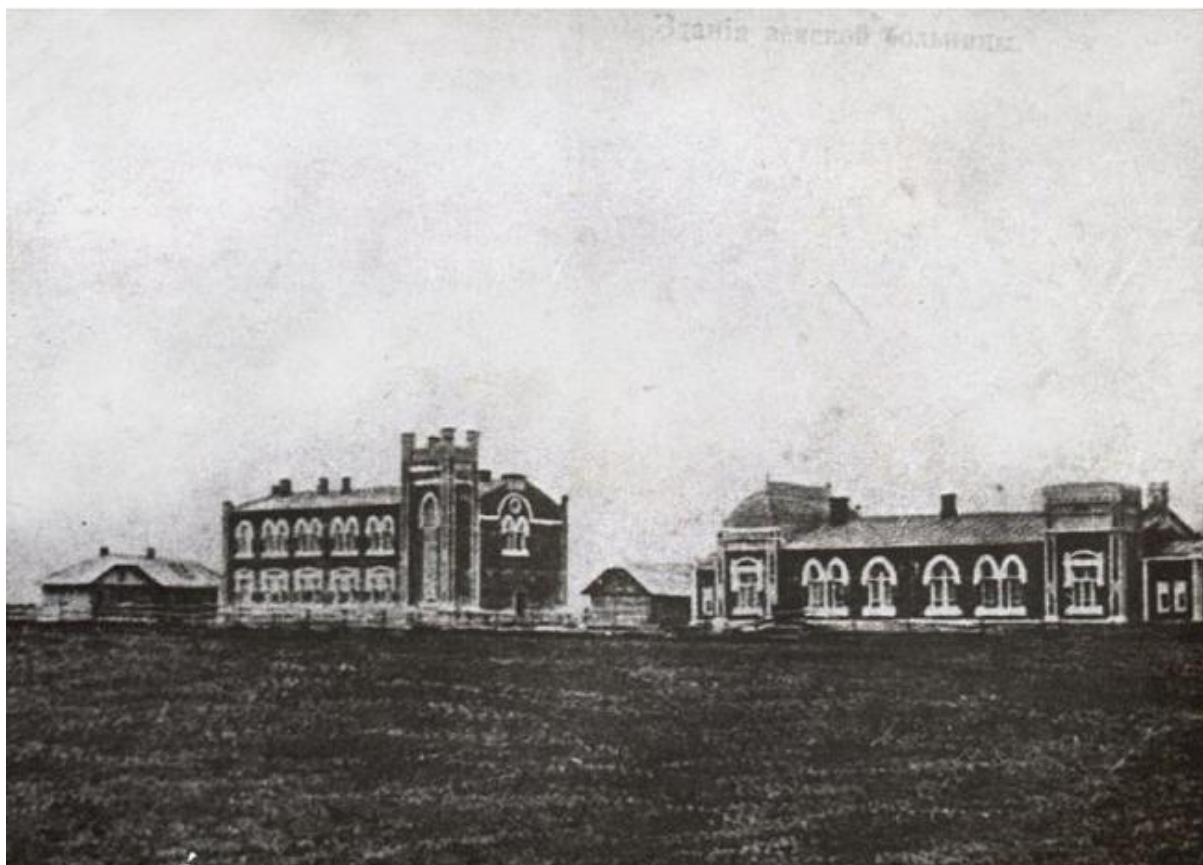

г. Калязин. Вид на базарный день на затопленной торговой площади рядом с Никольской церковью

г. Калязин. Вид на женскую гимназию.

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

г. Калязин. Земская больница.

г. Калязин. Улица Московская (до затопления).

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

г. Калязин. Троицкий мужской монастырь. (до затопления)

г. Кашин. Московская улица.

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

г. Кашин. Общий вид.

г. Кашин. Общий вид.

*Ребенок в русском городе
последней четверти XVIII – первой половины XIX в.*

г. Кашин. Общий вид.

г. Кашин. Пушкинская набережная.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX в. М., 2007. С. 215–440.

² Карманов Д.И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края / подгот. В. Колосов. Тверь, 1893.

³ См., например: Середва В.Н. У истоков тверского краеведения // Тверская старина. 1994. № 1–2. С. 57–88; он же. Диомид Иванович Карманов // Тверские памятные даты на 2010 год. Тверь, 2010. С. 141–145; он же. «Обитатель предместья»: Провинциальный историк в жизни и литературе // Экономика, управление, демография городов европейской России XV—XVIII вв.: история, историография, источники и методы исторического исследования: материалы междунар. конференции, Тверь, 18–21 февр. 1999 г. Тверь, 1999. С. 141–151.

⁴ Белюстин И.С. Записка о городе Калязине // Забытые страницы истории / сост. С.В. Кустов. Калязин, 2006. Кн. 2.

⁵ Государственный архив Тверской области: Путеводитель. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1998. Ч. 1. С. 74–76.

⁶ Середва Н.В. Реформа управления Екатерины Второй. М., 2004.

⁷ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 996. Оп. 1. 331 ед. хр.; Ф. 912. Оп. 1. 6 ед. хр.; Ф. 676. Оп. 1. 14 ед. хр.; Ф. 1107. Оп. 1. 35 ед. хр.; Ф. 820. Оп. 1. 29 ед. хр.

⁸ ГАТО. Ф. 675. Оп. 1. 1493 ед. хр.; Ф. 1024. Оп. 1. 728 ед. хр.; Оп. 2. 41 ед. хр.; Ф. 678. Оп. 1. 316 ед. хр.; Ф. 677. Оп. 1. 51 ед. хр.; Оп. 2. 742 ед. хр.; Ф. 1052. Оп. 1. 174 ед. хр.; Ф. 679. Оп. 1. 809 ед. хр.

⁹ Сведения об усыновлении подкинутых детей в г. Бежецке за более ранний период встречаются только в журналах заседаний.

¹⁰ ГАТО. Ф.175. Оп.1. Т.2. Д. 4047, 4048, 4049.

¹¹ Там же. Д. 4050.

¹² Там же. Оп.2. Д. 222, 287, 466, 474, 902, 1099.

¹³ Там же. Д. 396, 939.

¹⁴ Там же. Д. 219.

¹⁵ Там же. Д. 1356.

¹⁶ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII–начало XX в.): в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. С. 201.

¹⁷ Там же. С. 251.

¹⁸ Там же. С. 252.

¹⁹ Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII в. М.: РОССПЭН, 2010. С. 43.

²⁰ Там же. С. 211.

²¹ ПСЗ-1. Т. VI. № 3708. С. 302.

- ²² Там же. Т. VII. № 4522. С. 298–299.
- ²³ Российское законодательство X—XX веков. Т.4. С. 230, 304.
- ²⁴ *Мионов Б.Н.* Указ. соч. Т.1. С. 251.
- ²⁵ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. С. 271.
- ²⁶ Там же. С. 261.
- ²⁷ *Тараборин Р.С.* Свод законов гражданских 1832 – 1857 гг. в системе актов систематизации российского законодательства. Екатеринбург, 2007. С. 123; *Мионов Б.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 38 – 39.
- ²⁸ Под эмансипацией понимается освобождение крестьян от крепостной зависимости (См.: *Мионов Б.Н.* Указ. соч.).
- ²⁹ Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 10.
- ³⁰ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: «Русский язык», 1984. С. 145.
- ³¹ Российское законодательство X—XX веков. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1984. С. 230, 304.
- ³² *Зуева Е.А.* Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII — первой половины XIX в. Новосибирск, 2007. С. 110.
- ³³ ПСЗ-1. Т. XXII. № 16.300. С. 502.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. С. 544.
- ³⁶ ПСЗ-2. Т. I. № 752. С. 1309.
- ³⁷ Там же. Т. V. № 4160. С. 453.
- ³⁸ Там же. Т. XI. № 9238. С. 627.
- ³⁹ Там же. Т. XVII. № 16169. С. 81–84.
- ⁴⁰ ГАТО. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 366. Л. 59; Д. 134. Л. 61; Ф. 1052. Оп. 1. Д. 45. Л. 102 об., 109.
- ⁴¹ ПСЗ-2. Т. V. № 4222. С. 573.
- ⁴² Там же. С. 575.
- ⁴³ *Любарт М.К.* Семья во французском обществе. XVIII –начало XX в. М.: Наука, 2005. С. 216.
- ⁴⁴ *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М.: Наука, 1967. С. 101.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же. С. 116 - 117
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. С. 116.
- ⁴⁹ *Мионов Б.Н.* Русский город в 1740—1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. — Л.: Наука, 1990. С. 54.
- ⁵⁰ *Виртшафтер К. Элис.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 112-113.
- ⁵¹ *Клокман Ю.Р.* Указ. соч. С. 95.
- ⁵² Там же. С. 96.

⁵³ Там же. С 93.

⁵⁴ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи ...Т. 1. С. 180.

⁵⁵ Там же. Т. 1. С. 179.

⁵⁶ Там же. С. 200.

⁵⁷ Там же. С. 183.

⁵⁸ Там же. С. 182.

⁵⁹ Там же. С. 184 - 185.

⁶⁰ Там же. С. 186.

⁶¹ Там же. С. 186 – 187.

⁶² Там же. С. 256.

⁶³ Там же. С. 256.

⁶⁴ Там же. С. 255 – 256.

⁶⁵ ГАТО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 78. Л. 119, 133.

⁶⁶ Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 606. Л. 45, 53.

⁶⁷ Там же. Л. 78.

⁶⁸ Там же. Л. 62, 103.

⁶⁹ *Кострикина О.А.* «Имение поступило в опеку по смерти мологского мещанина Алексея Кондратьева Дьяконова и по малолетству детей, оставшихся после его ...»: к истории городских органов опеки в дореформенный период // Первые Кремлёвские чтения: материалы Всеросс. научно-практич. конф. «Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков в России», круглого стола «Стратегическое планирование развитие музеев-заповедников», круглого стола «Всемирное и национальное культурное наследие и человеческий капитал» (Казань, 20–21 нояб. 2008 г.). Казань, 2010. С. 78.

⁷⁰ *Зуева Е.А.* Русская купеческая семья в Сибири ... С. 109.

⁷¹ Там же.

⁷² ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. С. 263–265.

⁷³ В остальных 5 пунктах речь идёт о подчиненности и отчётности опекунов перед сиротским судом, а также о личных качествах, которыми они должны были обладать.

⁷⁴ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 137.

⁷⁵ *Мигунова Т.Л.* «Для умножения порядка и беспрепятственного течения правосудия...»: Административно-судебная реформа Екатерины II. М.: NOTA BENE, 2008 С. 296.

⁷⁶ Очерки русской культуры XVIII века / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. Ч. 4. С. 283.

⁷⁷ См. подробнее: *Думенко О.Е.* Торговый капитал осиротевших горожан: по материалам Тверского сиротского суда последней четверти XVIII — начала XIX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–

XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.) / сост. А.И. Раздорский. Курск, 2009. С. 195–198.

⁷⁸ *Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М.: РГГУ, 2006. С. 232.

⁷⁹ Там же. С. 215.

⁸⁰ Там же. С. 216.

⁸¹ Там же. С. 222–223.

⁸² Там же. С. 222.

⁸³ *Козлова Н.В.* Указ. соч. С. 98 – 99.

⁸⁴ *Мигунова Т.Л.* Указ. соч. С. 291.

⁸⁵ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. С. 261

⁸⁶ Большая Российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С.Л. Кравец. М., 2007. Т. 7. С. 483; Государственность России: словарь-справочник / ВНИИДАД. М., 1996. Кн. 5: Должности, чины, звания, титулы и церковные саны России: конец XV в. — февраль 1917 г.: в 2 ч. Ч. 1. С. 222–224.

⁸⁷ Большая Российская энциклопедия. Т. 7. С. 478.

⁸⁸ Государственность России: словарь-справочник. Кн. 5, ч. 1. С. 279.

⁸⁹ Большая Российская энциклопедия. Т. 7. С. 481–482; Государственность России: словарь-справочник. Кн. 5, ч. 2. 2005. С. 343.

⁹⁰ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. С. 263.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 262.

⁹³ См., напр.: Большая Российская энциклопедия. Т. 8. С. 120.

⁹⁴ *Мигунова Т.Л.* Указ. соч. С. 323.

⁹⁵ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. С. 262.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ *Градовский А.Д.* Органы местного управления // Собрание сочинений: в 9 т. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. Т. 9, ч. 3. С. 109; Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. С. 106; *Каменский А.Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. — М.: Знание, 1997. С. 179; *Середа Н.В.* Указ. соч. С. 444; *Павлова-Сильванская М.П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): сб. статей к 70-летию Б.Б. Кафенгауза. — М., 1964. С. 491.

⁹⁸ *Иконников В.С.* Значение царствования Екатерины II. Киев: Тип. Императорского университета св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкого, 1897. С. 32–33; *Григорьев В.А.* Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждения о губерниях. 7 ноября 1775 г.). СПб.: Русская скоропечатня, 1910. С. 350; *Кизеветтер А.А.* Местное самоуправление в России IX–XIX столетий: Исторический очерк. М.: Русская мысль, 1910. С. 117 и др.

⁹⁹ *Мигунова Т.Л.* Указ. соч. С. 297.

-
- ¹⁰⁰ ПСЗ-1. Т. XXV. 18667. С. 385.
- ¹⁰¹ Там же. Т. XXVI. № 19741. С. 518–520.
- ¹⁰² Там же. Т. XXVII. № 20143. С. 913.
- ¹⁰³ Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с «Учреждения о губерниях» 1775 г. до последнего времени / сост. Е. Анучин. СПб.: Тип. МВД, 1872. С. 33.
- ¹⁰⁴ См., например: *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981. С. 40.
- ¹⁰⁵ *Ерошкин Н.П.* Местные государственные учреждения дореформенной России (1800–1860). М., 1985. С. 11; Советская историческая энциклопедия / под ред. Е.М. Жукова. М., 1966. Т. 9. С. 63–463; Административные реформы в России ... С. 129.
- ¹⁰⁶ *Морякова О.В.* Система местного управления России при Николае I. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 6–7.
- ¹⁰⁷ ПСЗ-2. Т. V. № 3710. С. 523.
- ¹⁰⁸ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. С. 299.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 262.
- ¹¹⁰ Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX в. ... С. 419, 424.
- ¹¹¹ ГАТО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 80. Л. 349, 351, 395.
- ¹¹² *Кострикина О.А.* Указ. соч. С. 79.
- ¹¹³ *Зуева Е.А.* Русская купеческая семья в Сибири ... С. 111.
- ¹¹⁴ ГАТО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 623. Л. 135.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 83 об.
- ¹¹⁶ Там же. Д. 10.
- ¹¹⁷ Там же. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 78. Л. 177.
- ¹¹⁸ *Кострикина О.А.* Указ. соч. С. 80.
- ¹¹⁹ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. С. 263–265.
- ¹²⁰ Там же. С. 265.
- ¹²¹ ГАТО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 78. Л. 125.
- ¹²² Там же. Л. 128.
- ¹²³ Там же. Л. 145.
- ¹²⁴ Там же. Л. 107.
- ¹²⁵ Там же. Л. 209.
- ¹²⁶ Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 10, 12, 14.
- ¹²⁷ Там же. Д. 14.
- ¹²⁸ Там же. Д. 2.
- ¹²⁹ *Демкин А.В.* Купечество в России в XVIII в. // Исследования по истории России XVI—XVIII вв. Сб. ст. в честь 70-летия Л.Е. Водарского. М., 2000. С. 169.
- ¹³⁰ *Комлева Е.В.* Енисейское купечество (последняя половина XVIII — первая половина XIX в.) / отв. ред. Д.Я. Резун; Сибирское отд. РАН,

Объед. ин-т истории, филологии и философии. — М.: Academia, 2006. С. 127.

¹³¹ Зуева Е.А. Опек и попечительство у сибирского купечества в последней четверти XVIII — первой половины XIX в. // Социально-культурное развитие Сибири: Бахрушинские чтения, 1991 г.: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л.М. Горюшкина. — Новосибирск, 1990. С. 33.

¹³² ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. С. 260.

¹³³ ГАТО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 45. Л. 148, 190 об.; Д. 80. Л. 276 об., 385; Д. 78. Л. 129; Ф. 678. Оп. 1. Д. 109. Л. 62.

¹³⁴ Там же. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 117. Л. 4.

¹³⁵ Там же. Д. 293. Л. 81, 88, 119, 125, 131, 149; Д. 315. Л. 133; Д. 366. Л. 225; Ф. 678. Оп. 1. Д. 98. Л. 2а, 20, 41, 63.

¹³⁶ Там же. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 315. Л. 29, 136.

¹³⁷ ПСЗ-2. Т. VII. № 5463. С. 427.

¹³⁸ ГАТО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 78. Л. 122, 124.

¹³⁹ Там же. Л. 125, 141 об., 146 об., 169, 237, 253, 261, 263.

¹⁴⁰ Там же. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 78. Л. 193.

¹⁴¹ Там же. Л. 143, 195.

¹⁴² Там же. Л. 119.

¹⁴³ Там же. Л. 149.

¹⁴⁴ Там же. Л. 213.

¹⁴⁵ ПСЗ-2. Т. VII. № 5464. С. 449.

¹⁴⁶ Эти объявления могли переправляться через городской магистрат в ТГП (ГАТО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 80. Л. 426 об.; Д. 78. Л. 237; Ф. 1024. Оп. 1. Д. 366. Л. 140.)

¹⁴⁷ ГАТО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 45. Л. 60 об.

¹⁴⁸ Там же. Д. 80. Л. 298 об.

¹⁴⁹ Там же. Л. 305 об., 355 об.

¹⁵⁰ Там же. Л. 410.

¹⁵¹ Там же. Л. 433 об.

¹⁵² Там же. Л. 370 об.

¹⁵³ Середа Н.В. Указ. соч. С. 274.

¹⁵⁴ ГАТО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 45. Л. 62 об., 74, 65, 134 об., 167, 187 об., 199, 201, 229, 239 об., 255 об., 258, 268; Д. 78. Л. 199, 237; Ф. 679. Оп. 1. Д. 798. Л. 228; Ф. 1024. Оп. 1. Д. 117. Л. 15; Д. 134. Л. 61; Д. 293. Л. 21, 37, 49, 61, 83, 93, 99, 107, 109, 115, 123, 133, 141; Д. 351. Л. 31, 56; Д. 366. Л. 9, 27, 35, 139, 163, 185, 258; Ф. 1024. Оп. 1. Д. 351. Л. 1.

¹⁵⁵ Там же. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 80. Л. 369 об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 33.

¹⁵⁷ Там же. Л. 183.

¹⁵⁸ Там же. Д. 80. Л. 316.

¹⁵⁹ Там же. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 366. Л. 112.

- ¹⁶⁰ ПСЗ-1. Т. XXIV. № 18090. С. 680.
¹⁶¹ Там же.
¹⁶² ПСЗ-2. Т. III. № 2397. С. 932.
¹⁶³ ГАТО. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 351. Л. 104, 132.
¹⁶⁴ Там же. Д. 45. Л. 74, 161 об., 189, 206, 207 об., 214 об., 397.
¹⁶⁵ Там же. Д. 293. Л. 55, 81.
¹⁶⁶ Там же. Л. 125.
¹⁶⁷ Там же. Д. 366. Л. 16, 17.
¹⁶⁸ Там же. Л. 36, 71, 131.
¹⁶⁹ Там же. Л. 282.
¹⁷⁰ Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 605. Л. 37.
¹⁷¹ Там же. Д. 603. Л. 71 об.
¹⁷² ПСЗ-1. Т. XXIII. № 17107. С. 408–410.
¹⁷³ ГАТО. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 604. Л. 5.
¹⁷⁴ Градовский А.Д. Указ. соч. С. 128.
¹⁷⁵ Градовский А.Д. Указ. соч. С. 128; Григорьев В. Указ. соч. С. 327; Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 47–48; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи ... Т. 1. С. 495.
¹⁷⁶ ГАТО. Ф. 1052 Оп. 1. Д. 45. Л. 62.
¹⁷⁷ Там же. Л. 247 об.
¹⁷⁸ Там же. Л. 251.
¹⁷⁹ Там же. Л. 60 об., 94 об., 122.
¹⁸⁰ Там же. Д. 80. Л. 319 об., 411.
¹⁸¹ ПСЗ-1. Т. XVIII. № 21296. С. 324.
¹⁸² ГАТО. Ф. 1052 Оп. 1. Д. 78. Л. 199.
¹⁸³ ПСЗ-1. Т. XVIII. № 21296. С. 324.
¹⁸⁴ Там же.
¹⁸⁵ ГАТО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 45. Л. 178.
¹⁸⁶ Там же. Д. 78. Л. 174; Ф. 679. Оп. 1. Д. 798. Л. 105, 112, 229, 267.
¹⁸⁷ ПСЗ-1. Т. XXXIX. № 29837. С. 217–218.
¹⁸⁸ ГАТО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 45. Л. 243.
¹⁸⁹ ПСЗ-2 Т. VII. № 5464. С. 451.
¹⁹⁰ ГАТО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 45. Л. 223 об., 233 об.
¹⁹¹ Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 109. Л. 28, 52.
¹⁹² Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: [б. и.], 1984. С. 153.
¹⁹³ ГАТО. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 366. Л. 59, 103, 105, 147, 166, 200.
¹⁹⁴ Там же. Д. 78. Л. 250 об.
¹⁹⁵ Там же. Д. 45. Л. 83 об., 188 об., 201, 203, 207 об., 211 об., 215, 219, 223, 245, 248, 253, 261 об., 265 об., 267 об.; Ф. 678. Оп. 1. Д. 75. Л. 7, 23; Ф. 679. Оп. 1. Д. 798. Л. 187, 218.

- ¹⁹⁶ ПСЗ-1. Т. XX. № 14392. С. 259–261.
- ¹⁹⁷ ГАТО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 603. Л. 66.
- ¹⁹⁸ Там же. Ф. 675. Оп. 1. Д. 11. Л. 40.
- ¹⁹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 45.
- ²⁰⁰ Там же. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 515. Л. 2.
- ²⁰¹ Там же. Д. 557. Л. 2.
- ²⁰² ПСЗ-1. Т. XXXIII. № 25978. С. 330.
- ²⁰³ ГАТО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 641. Л. 33.
- ²⁰⁴ Там же. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 293. Л. 79.
- ²⁰⁵ Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 798. Л. 89; Ф. 1024. Оп. 1. Д. 577. Л. 10.
- ²⁰⁶ Там же. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 293. Л. 67, 117.
- ²⁰⁷ Там же. Л. 135.
- ²⁰⁸ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи ... Т.1. С. 258.
- ²⁰⁹ Цит. по: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи ... Т.1. С. 258.
- ²¹⁰ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи ... Т. 1. С. 259.
- ²¹¹ Там же. С. 261.
- ²¹² Там же. С. 259.
- ²¹³ Там же.
- ²¹⁴ Цит. по: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи ... Т. 1. С. 258.
- ²¹⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи ... Т. 1. С. 260.
- ²¹⁶ *Бодрова Ю.В.* Рождаемость в дворянско-чиновничьей среде первой половины XIX в. (по материалам Тверской губернии)
- ²¹⁷ *Виртшафтер Элис К.* Указ. соч. С. 103.
- ²¹⁸ ГАТО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 80. Л. 409.
- ²¹⁹ Виртшафтер Элис К. Указ. соч. С. 103.
- ²²⁰ ГАТО. Ф. 175. О.2. Д. 287. Л. 1,2.
- ²²¹ Там же. Л.1.
- ²²² Там же. Ф. 679. О.1. Д. 599. Л. 77 об.
- ²²³ Там же. Ф. 175. О.2. Д. 287. Л. 11.
- ²²⁴ Там же. Л. 13.
- ²²⁵ Там же. Л. 14 об.
- ²²⁶ Там же. Л. 14.
- ²²⁷ Там же. Л. 19.
- ²²⁸ Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 599. Л. 115.
- ²²⁹ Там же. Л. 135
- ²³⁰ *Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей... С. 217.

²³¹ ГАТО. Ф. 1052. Оп. 1. Д. 45. Л. 80.

²³² Там же. Л. 57 об.

²³³ ПСЗ-1. Т. XVI. № 12060. С. 569.

²³⁴ *Шулус И.И.* Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII — первой половине XIX в. Владимир, 2009. С. 104.

²³⁵ *Соболева Н.А.* Проект устройства Арефьевской богадельни в городе Твери в начале 80-х годов XVIII в. // Тверь и города-побратимы: материалы междунар. научно-практич. конф., 25 мая 2007 г., Тверь. Тверь, 2007. С.111.

²³⁶ ГАТО. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 117. Л. 67.

²³⁷ Там же. Д. 134. Л. 13.

²³⁸ Там же. Ф. 1052 Оп. 1. Д. 45. Л. 182 об.

²³⁹ Там же. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 293. Л. 43.

²⁴⁰ Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 599. Л. 55.

²⁴¹ Там же. Л. 62.

²⁴² Там же. Л. 66.

²⁴³ Там же. Л. 182.

²⁴⁴ *Козлова Н.В.* Указ. соч. С. 124.

²⁴⁵ Там же. С. 125.

²⁴⁶ Кстати, в Муроме это явление отпечаталось в топонимике города. До сих пор там есть район недалеко от центра города, состоящий из одноэтажных дворовладений под название «Штап» - именно там проживали отставные гвардейцы – «штаписты».

²⁴⁷ *Козлова Н.В.* Указ. соч. С. 254.

²⁴⁸ Там же. С. 246 – 247.

²⁴⁹ Там же. С. 180.

²⁵⁰ Там же. С. 133 – 134.

²⁵¹ *Виртшафтер Элис К.* Указ. соч. С. 108-109.

²⁵² *Козлова Н.В.* Указ. соч. С. 110.

²⁵³ *Богословский М.М.* История России в XVIII и XIX вв. (1762-1881). Вып. 1. М., 1911/12, С. 108; *Милуков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т.2. Ч. 2. М., 1994. С. 263.

²⁵⁴ Цит. по: История государственного управления в России (X – XX вв.). Хрестоматии под ред. П.Г.Пихои. М., 2003. С.150–151.

²⁵⁵ *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 108; *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX вв. Т.1. Спб.,1912. С. 250

²⁵⁶ *Рождественский С.В.* Указ. соч. С. 267 – 268.; *Титков Е.П.*

Образовательная политика Екатерины Великой. М., 1999. С. 185. и др.

²⁵⁷ *Мадариага де И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 798.

²⁵⁸ Российское законодательство X-XX вв. / Под ред. Е.И. Индова. Т.5. М., 1987.

²⁵⁹ ГАТО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 219. Л. 49, 134, 94.

²⁶⁰ Сиротский суд был учрежден в Твери в 1776 г. при городском магистрате. В первые годы своей деятельности он тесно сотрудничал с Приказом общественного призрения по различным вопросам, в том числе связанным с организацией и работой городской школы.

²⁶¹ Служащий сиротского суда и городского магистрата.

²⁶² ГАТО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 599. Л. 37.

²⁶³ *Каменский А.Б.* Российская Империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М., 1999. С. 251.

²⁶⁴ ГАТО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 599. Л. 167, 191.

²⁶⁵ *Середа Н.В.* Указ. соч. С. 155.

²⁶⁶ ГАТО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 599. Л. 192.

²⁶⁷ Там же. Ф. 175. Оп. 2. Д. 219. Л. 94.

²⁶⁸ *Дмитриева Г.М.* Первая школа для горожан в Твери // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX века: Материалы международной научной конференции 25-28 апреля 2002 г., Тверь – Кашин – Калязин: в 2 ч. Ч.2. Тверь, 2002. С. 366.

²⁶⁹ ГАТО. Ф. 679. Оп.1. Д.599. Л.55.

²⁷⁰ Там же. Л. 65.

²⁷¹ *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 271.

²⁷² Цит. по: *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века. М., 1995. С. 66.

²⁷³ *Дмитриева Г.М.* Указ. соч. С. 366.

²⁷⁴ ГАТО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 599. Л. 185.

²⁷⁵ В «Учреждении о губерниях» записано: «учение производится всякий день, выключая воскресенье и табельные дни, но не более 2 часов сряду по утру, до двух часов сряду после обеда... по средам же и по субботам после обеда делается отдохновение»

²⁷⁶ *Толстой Д.А.* Городские училища в царствование императрицы Екатерины II // Записки Императорской Академии наук. Т. 54. СПб., 1887. С. 117.

²⁷⁷ *Куприянов А.И.* Указ. соч. С. 67.

²⁷⁸ *Середа Н.В.* Указ. соч. С. 155.

²⁷⁹ *Дмитриева Г.М.* Указ. соч. С. 367.

²⁸⁰ *Карманов Д.И.* Указ. соч. С. 157.

²⁸¹ *Фальборк Г., Чарнолусский В.* Начальное народное образование. // Энциклопедический словарь под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. Т. XXа. СПб., 1897. С. 754.

²⁸² *Вершинский А.* Народное образование в Тверской губернии в XVIII в. // Тверская старина. 1994. № 4 (9). С. 47.

²⁸³ *Мадариага де И.* Указ. соч. С. 792.

²⁸⁴ *Фальборк Г., Чарнолусский В.* Указ. соч. 754.

- ²⁸⁵ ГАТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 2. Л. 109.
- ²⁸⁶ Городские думы по «Жалованной грамоте городам» 1785 г. должны были учреждаться в каждом городе.
- ²⁸⁷ ГАТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 188.
- ²⁸⁸ Там же. Д. 34. Л. 1., 9, 14, 20, 24, 33, 38.
- ²⁸⁹ *Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 214, 236–237.
- ²⁹⁰ *Фальборк Г., Чарнолусский В.* Указ. соч. С. 755.
- ²⁹¹ ГАТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 45. Л. 1, 12.
- ²⁹² Российское законодательство X–XX вв. С. 344.
- ²⁹³ ГАТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 45. Л. 1, 3, 9, 39, 22–34.
- ²⁹⁴ Там же. Д. 75. Л. 11, 60, 71.
- ²⁹⁵ Там же. Д. 282. Л. 10.
- ²⁹⁶ Там же. Л. 55, 70, 76–77.
- ²⁹⁷ *Чижова В.В.* Тверская дворянская корпорация и проблемы развития образования в губернии в первой половине XIX века // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX века: Материалы международной научной конференции 25–28 апреля 2002 г., Тверь – Кашин – Калязин: в 2 ч. Ч. 2. Тверь, 2002. Ч. II. С. 402–403.
- ²⁹⁸ ГАТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 397. Л. 15.
- ²⁹⁹ *Бодрова Ю.В.* Указ. соч.
- ³⁰⁰ СЗ РИ. СПб., 1857. Т. 10. Ч. 1. Ст. 136.
- ³⁰¹ *Бодрова Ю.В.* Указ. соч.
- ³⁰² Там же. Д. 134. Л. 23.
- ³⁰³ *Панов Г.И.* Избранные труды: Благотворительность и социальное призрение (конец XVIII–60-е годы XIX века). М., 2008. С. 40.
- ³⁰⁴ ГАТО. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 117. Л. 31.
- ³⁰⁵ Там же. Д. 134. Л. 15; Д. 293. Л. 97; Д. 351. Л. 103.
- ³⁰⁶ *Зеленова Т.Г.* Из истории общественного призрения в Ярославле // Социальная работа в России: прошлое и настоящее: сб. статей и материалов. Ставрополь, 1998. С. 100–101.
- ³⁰⁷ ГАТО. Ф. 678. Оп. 1. Д. 75. Л. 19; Ф. 1024. Оп. 1. Д. 293. Л. 85.
- ³⁰⁸ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи ... Т. 1. С. 253.
- ³⁰⁹ *Козлова Н.В.* Указ. соч. С. 46.
- ³¹⁰ ГАТО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 604. Л. 79.
- ³¹¹ Из истории земли Томской. Город и горожане: управление и самоуправление. 1604–1917 гг.: сб. документов и материалов / Гос. арх. Том. обл. — Томск: [б. и.], 2006. С. 102.
- ³¹² Энциклопедический словарь / под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского: в 82 т. — СПб.: Тип. Акц. Общ. «Издательское дело», Брокгауз-Ефрон, 1897.

³¹³ Козлова Н.В. Указ. соч. С. 107 – 108.

³¹⁴ Там же. С. 27.

³¹⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи . Т.1. С. 253.

³¹⁶ Соколов А.Р. Благотворительности в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. СПб., 2005. С. 17.

³¹⁷ Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981. С. 177.

³¹⁸ ПСЗ-1. Т. XIX. № 14075. С. 866–867.

³¹⁹ Там же. № 13554. С. 209–210.

³²⁰ Там же. Т. XX. № 14392. С. 913.

³²¹ ГАТО. Ф. 675. Оп. 1. Д. 183. Л. 11.

³²² Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1. Л. 21; Ф. 679. Оп. 1. Д. 599. Л. 27, 53.

³²³ Там же. Ф. 675. Оп. 1. Д. 12.

³²⁴ Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 142. Л. 30.

³²⁵ Шурус И.И. Указ. соч. С. 108.

³²⁶ Энциклопедический словарь / под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского: в 82 т. СПб., 1900. Т. 59. С. 80–81.

³²⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи ... Т. 1. С. 184.

³²⁸ ГАТО. Ф. 678. Оп. 1. Д. 142. Л. 30, 114, 112, 104, 82, 78, 62, 60, 58, 56, 54, 36.

³²⁹ Там же. Л. 19, 74, 76; Ф. 1024. Оп. 1. Д. 366. Л. 27, 30, 43, 44, 55, 81, 87, 88, 90, 107, 109, 134, 150, 152, 157, 160, 163, 168, 175, 184, 197, 209, 223, 231, 246, 266, 279, 282, 288, 293, 296.

³³⁰ Там же. Л. 27.

³³¹ Там же. Л. 135.

³³² Там же. Л. 181.

³³³ ПСЗ-2. Т. III. № 2125. С. 660–664.

³³⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи Т. 1. С. 184.

³³⁵ ГАТО. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 357. Л. 190.

³³⁶ Шурус И.И. Указ. соч. С. 110.

³³⁷ Курский край: антология социальной работы. Социальное призрение в дореволюционной России: в 10 т. М., 2002. Т. 4. С. 108.

³³⁸ ГАТО. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 357. Л. 190, 210.

³³⁹ Шурус И.И. Указ. соч. С. 109–110.

³⁴⁰ Миронов Б.Н. Русский город в 1740—1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 56.

³⁴¹ Он же. Социальная история России периода Империи ... Т. 1. С. 199.

³⁴² Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 179.

³⁴³ Шурус И.И. Указ. соч. С. 110.

-
- ³⁴⁴ Панов Г.И. Избранные труды: Благотворительность и социальное призрение (конец XVIII–60-е годы XIX века). М.: Древлехранилище, 2008. С. 43.
- ³⁴⁵ ГАТО. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 515. Л. 22.
- ³⁴⁶ Белюстин И.С. Записка о городе Калязине // Забытые страницы истории / сост. С.В. Кустов. Калязин, 2006. Кн. 2. С. 30.
- ³⁴⁷ ГАТО. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 351. Л. 18.
- ³⁴⁸ Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1. Л. 21; Ф. 679. Оп. 1. Д. 599. Л. 27, 53.
- ³⁴⁹ Там же. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 515. Л. 10.
- ³⁵⁰ ПСЗ-1. Т. XXV. № 18394, 18415. С. 96–97, 119.
- ³⁵¹ ГАТО. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 357. Л. 138, 204, 244, 282, 298, 338, 369, 376; Д. 366. Л. 167, 165, 149, 138, 77, 186, 209, 242, 244, 177.
- ³⁵² Соколов А.Р. Благотворительности в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. СПб.: Лики России, 2005. С. 49.
- ³⁵³ ГАТО. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 351. Л. 105.
- ³⁵⁴ Там же. Л. 98.
- ³⁵⁵ Там же. Л. 110.
- ³⁵⁶ ПСЗ-1. Т. XXV. № 18804. С. 239.
- ³⁵⁷ ГАТО. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 357. Л. 300, 371.
- ³⁵⁸ Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 15.
- ³⁵⁹ Так в тексте.
- ³⁶⁰ Смена почерка.
- ³⁶¹ Смена почерка.
- ³⁶² Номер дома не указан.
- ³⁶³ Так в тексте.
- ³⁶⁴ Так в тексте. Имеется в виду «яблынной».
- ³⁶⁵ Номер дома не указан.
- ³⁶⁶ Номер не указан.
- ³⁶⁷ Так в тексте.
- ³⁶⁸ Смена почерка.
- ³⁶⁹ Смена почерка.
- ³⁷⁰ Смена почерка.
- ³⁷¹ Смена почерка.
- ³⁷² Смена почерка.
- ³⁷³ На левом поле напротив первой фразы написано: *обще с тверским купцом Аникою Капустиным, которой ныне имеется в отлучке.*
- ³⁷⁴ Смена почерка.
- ³⁷⁵ Текст дневника подготовлен к печати сотрудниками Тверского государственного объединенного музея.
- ³⁷⁶ Составлено в рамках проекта РГНФ № 12-31-01250